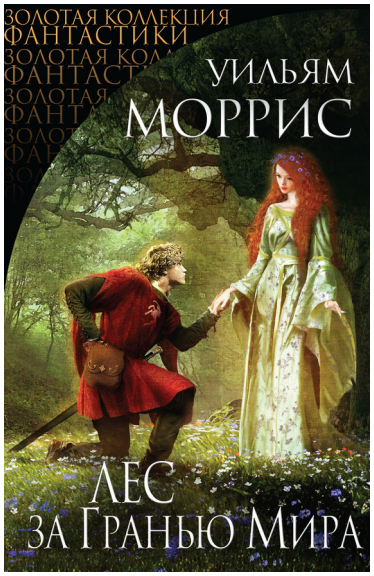

ЗОЛОТАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ФАНТАСТИКИ
УИЛЬЯМ МОРРИС
ЛЕС ЗА ГРАНЬЮ МИРА

Уильям Моррис

Лес за Гранью Мира (сборник)

Серия «Золотая коллекция фантастики»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12628952
Лес за Гранью Мира: сборник: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82603-2

Аннотация

Уильям Моррис (1834–1896) – английский поэт, писатель, переводчик, художник, дизайнер, издатель, изобретатель и общественный деятель, поистине выдающийся ум и во многом культовая личность Викторианской эпохи. В России Моррис известен преимущественно как социалист благодаря романуутопии «Вести из ниоткуда, или Эпоха мира» (1890). На Западе же его помнят в первую очередь как писателя, создавшего жанр фэнтези из искрящейся смеси рыцарского романа и волшебной сказки; писателя, чьё знамя позже подхватят Дж. Р. Р. Толкин и К. С. Льюис. Эта книга включает в себя три ставших классическими романа, в которых Моррис предстает с новой, неожиданной стороны: тонкий лирик, вдумчивый художник, философ и мечтатель в одном лице.

Содержание

Поэт и мелкий лавочник 6
Лес за Гранью Мира 15
Глава I 16
Глава II 18
Глава III 20
Глава IV 23
Глава V 25
Глава VI 28
Глава VII 32
Глава VIII 34
Глава IX 36
Глава X 38
Глава XI 43
Глава XII 45
Глава XIII 49
Глава XIV 52
Глава XV 55
Глава XVI 57
Глава XVII 60
Глава XVIII 63
Глава XIX 65
Глава XX 68
Глава XXI 70
Глава XXII 72
Глава XXIII 75
Глава XXIV 77
Глава XXV 82
Глава XXVI 84
Глава XXVII 87
Глава XXVIII 89
Глава XXIX 92
Глава XXX 94
Глава XXXI 97
Глава XXXII 99
Глава XXXIII 101
Глава XXXIV 102
Глава XXXV 103
Глава XXXVI 105
Юный Кристофер и прекрасная Голдилинд 107
Глава I 108
Глава II 110
Глава III 111
Глава IV 113
Глава V 114
Глава VI 116
Глава VII 119

Глава VIII 121
Глава IX 127
Глава X 129
Глава XI 131
Глава XII 133
Глава XIII 135
Глава XIV 136
Глава XV 137
Глава XVI 138
Глава XVII 145
Глава XVIII 147
Глава XIX 151
Конец ознакомительного фрагмента. 153

Уильям Моррис
Лес за Гранью Мира
Сборник

© Аристов А. Ю., перевод на русский язык, вступительная статья, комментарии, 2015

© Аристова С. А., вступительная статья, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2015

Поэт и мелкий лавочник

William Morris, March 21.1877

Кто такой Уильям Моррис? Если попробовать ответить на этот вопрос одной фразой, то получится, пожалуй, лишь вот что: «Культурный и политический деятель Соединённого

Королевства конца XIX столетия». Но это слишком кратко и обобщённо. «Моррис – это Моррис» – более точно, но совершенно непонятно. Попробуем объяснить поподробнее, а читатель пусть уж сам решит для себя.

Уильям Моррис (William Morris, 1834–1896) родился 24 марта в обеспеченной семье евангельских христиан в городке Уолтемстоу (ныне является частью Лондона, а тогда входил в графство Эссекс). Помимо других владений, его отцу принадлежал участок леса, где сохранились остатки сооружений каменного века, и с этого начинается любовь писателя к подобного рода «реликвиям», которые позже, как и сам лес, появятся в его романах (на каменном столе колдунья приносит в жертву козу в «Источнике на Краю Мира», на каменном престоле в лесу восседает валькирия в «Сказании о доме Вольфингов», в Кольце Судьбы проводит собрание медвежий народ из «Леса за Гранью Мира»).

Степень бакалавра Моррис получил в Оксфорде, где среди прочего изучал античную литературу и богословие. Там же будущий создатель стиля, воспроизводящего дух рыцарских романов, заинтересовался средневековой культурой (в том числе познакомился со «Смертью Артура» сэра Томаса Мэлори, произведением, оказавшим сильнейшее влияние на его литературное творчество). И там же его увлекли социалистические идеи. В журнале, который Моррис со своими приятелями основал на последнем году обучения в Оксфорде (с одним из этих приятелей, Эдвардом Коли Бёрн-Джонсом, он будет поддерживать дружеские отношения всю жизнь), появились и его первые рассказы.

Окончив курс, Моррис поступил на службу в неоготическое оксфордское архитектурное бюро. В это время он публиковался в «Ростке» (*The Germ*) – журнале прерафаэлитов, издававшемся Уильямом Майклом Россетти, братом Данте Габриэля Россетти, одного из основателей и идеологов этого движения, художника, поэта, критика, искусствоведа и переводчика. Моррис писал для этого журнала статьи по теории декоративного искусства, а также стихи, вдохновленные легендами о короле Артуре, например, «Защита Гвиневеры» (The Defence of Guenevere). Вскоре Моррис уходит из архитектуры и начинает, под влиянием Данте Габриэля Россетти, заниматься живописью. Прерафаэлиты вместе с Моррисом принимают заказ на роспись стен дискуссионного общества «Оксфордский союз» (ныне библиотека Оксфорда). Братство прерафаэлитов (Pre-Raphaelite Brotherhood или PRB, как они подписывали свои картины) просуществовало с 1848-го по 1850-й год, но позже термином «прерафаэлиты» искусствоведы стали обозначать всех деятелей культуры, близких по духу идеям Братства.

В 1857-м году вышел в печать первый сборник стихов Морриса. Он назывался так же, как и упомянутое выше стихотворение. В книге была напечатана и единственная законченная Моррисом на холсте картина – «Прекрасная Изольда», которую долгое время называли «Королевой Гвиневерой» по названию сборника. Оплачивал публикацию, по большей части, сам автор. Раскупались стихи плохо, критических отзывов было мало, да и те, в основном, отрицательные.

В октябре того же года Уильям Моррис знакомится со своей будущей женой – Джейн Бёрден (ему 23 года, ей 18 лет). Отец её был оксфордским конюхом, и образованием Джейн похвастать никак не могла. Первыми её заметили друзья Морриса, художники: она позировала и Россетти, и Бёрн-Джонсу. Позировала она и Моррису. Через два года после знакомства последовала свадьба, после которой Джейн начала брать частные уроки. В итоге, она разговаривала на французском и итальянском, превосходно играла на пианино, приобрела правильное английское произношение и отшлифованные манеры. Её называли «царственной» и «само совершенство». Их дочь Мэри (Мэй) Моррис продолжительное время встречалась с Бернардом Шоу, и существует версия, что именно Джейн послужила прототипом для Элизы Дулиттл из «Пигмалиона».

К 1860-му году для новой семьи по проекту, разработанному при непосредственном участии самого Морриса, был построен «Красный дом» (*Red House*). Внутренним декором прерафаэлиты занимались сами. Данте Габриэль Россетти и Бёрн-Джонс – два товарища Морриса – и их жёны (а женились они, как и Моррис, на своих натурщицах: Россетти на Элизабет Сиддал, а Бёрн-Джонс на Джорджиане Макдональд) стали постоянными гостями «Красного дома».

В следующем, 1861-м году была основана компания «Моррис, Маршалл, Фолкнер и Ко», причём под «Ко» скрывались всё те же Россетти, Бёрн-Джонс и другие прерафаэлиты. Компания занималась производством витражей, мебели, металлической и стеклянной посуды, бумажных и тканевых обоев, ювелирных изделий, ковров и гобеленов, тканей, вышивкой и стенной росписью. Выпускаемая продукция, в основном, предназначалась для убранства церквей. Моррис, будучи противником автоматизации труда, организовал ручное производство каждого предмета. Мастерской управляли рабочие кооперативы (сказалось увлечение Морриса социализмом), но окончательное слово всегда принадлежало Моррису, который впоследствии стал руководителем компании, забросив занятия живописью.

Отдельно следует сказать о гобеленах, которые производила компания. В то время механическое ткацкое производство почти свело на нет искусство гобеленов. Моррис находит старых мастеров, сам учится ткачеству, экспериментирует с созданием новых красок. Именно Уильяма Морриса считают основателем современного гобеленного искусства. С 1875-го года эта компания (изменив название на более короткое – «Моррис и Ко») просуществовала вплоть до 1940-го года, когда право использовать моррисовские разработки вместе с именем компании были приобретены другой организацией, существующей и по сей день (примечательно, что Интернет на имя художника откликается в том числе и этим брендом).

В 1867-м году Моррис снова решается на публикацию. На этот раз он пересказывает эпическим стихом историю Ясона и Золотого руна (*The Life and Death of Jason)*. Публика приняла этот опыт благосклонно, и издатели даже сами платили автору, чтобы получить возможность переиздания. Последовавший за этим произведением «Земной рай» (The Earthly Paradise) уже создал Моррису репутацию крупного поэта и привлёк внимание критики. Четыре тома, печатавшиеся с 1868-го по 1870-й год (работа над этим произведением началась ещё в 1865-м году), тем же эпическим стихом повествовали о том, как группа норманнов, спасаясь от чумы, прибыла на неизвестный идиллический остров, населённый потомками древних греков. Хозяева и гости принимаются по очереди рассказывать легенды (общим числом 24), которые и составили основной объём произведения. Необычная смесь древнегреческого и североевропейского средневекового материала нашла своего читателя в викторианской Англии.

Северная тематика чрезвычайно увлекла Морриса. Он начал брать уроки древнескандинавского языка у кембриджского библиотекаря, исландца Эрика Магнуссона, с которым потом сдружился. Вместе они взялись за перевод исландских саг. В 1871-м году Моррис побывал в Исландии. В то же время он занялся каллиграфией. С 1870-го по 1875-й год он создал 18 манускриптов в средневековом стиле. Двенадцать из них были на исландскую тематику. В то же время Моррис пытался написать роман о современности, но быстро забросил его.

В 1876-м году он опубликовал «Повесть о Сигурде из рода Вёльсунгов и о падении Нибелунгов» (The Story of Sigurd the Volsung and the Fall of the Niblungs), довольно длинную поэму на сюжет скандинавских саг. В ней Моррис старается передать читателям древнее восприятие мира, свойственное эпическим героям, но делает это, не только подражая древней литературе, но и ориентируясь на возможности восприятия современного ему читателя. Для этого он использует характерные для древнегерманского эпоса приёмы (кеннинги, аллитерацию) и в то же время несвойственную древности рифму, без которой человек XIX

столетия не представлял стихотворного текста, а также большое количество слов-поэтизмов среднеанглийского происхождения, традиционно используемых в высоком стиле.

Читатели восторженно приняли новую поэму. Правда, после смерти Морриса интерес к ней сильно угас, хотя Бернард Шоу называл её лучшим эпосом после Гомера, а многие критики и поныне считают лучшим из его стихотворных произведений. Позже Дж. Р. Р. Толкин создаст свою трактовку того же сюжета (два черновика с его вариантом обработки легенды о Вёльсунгах найдены среди бумаг профессора и опубликованы в 2009-м году Кристофером Толкином). Интересно отметить, что Дж. Р. Р. Толкин в своих лекциях подчёркивает стилевое отличие англосаксонского стиха от древнескандинавского: если первый был, по его мнению, неспешен и скорее даже вычурен, то второй – лаконичен и прост. Вариант Морриса ближе к англосаксонской традиции, а самого Толкина – к скандинавской.

Подобные поэтические пробы оказались прекрасным началом выработки неповторимого моррисовского стиля, опытом активного использования поэтизмов. Необходимо также добавить, что в то время на творчество Морриса, как и на всю поэзию викторианской Англии, сильное влияние оказывала песенная культура: стихи должны были читаться «гладко», так, как поются песни – неудивительно, что персонажи многих романов Морриса любят петь, а в «Сказании о доме Вольфингов» они даже разговаривают стихами.

Сочинял Моррис и собственно песни – антивоенные, социальные, рождественские. Одна из последних, написанная на французскую мелодию начала XVIII столетия, «Благая весть» (Masters in This Hall), исполняется и поныне. Современные Моррису читатели и критики особо отмечали стилизацию этого произведения под поэзию Возрождения, а также его социалистический подтекст, в целом характерный для всего песенного творчества Морриса (у него, например, есть песни, посвящённые кубинской войне за независимость).

К концу 70-х годов Уильям Моррис приобретает известность в обществе, и в 1877-м году Оксфордский университет предлагает ему звание профессора поэзии, которое в то время давалось пожизненно и только одному человеку. Моррис отказывается, ссылаясь на свою некомпетентность в теоретических вопросах.

В том же 1877-м году Моррис организовывает работу Общества защиты старинных зданий (The Society for the Protection of Ancient Buildings). В викторианской Англии реставраторы, восстанавливая «идеальный» облик строения, старались «очистить» его от всех позднейших изменений. Моррис же, считая, что история здания есть часть культурного наследия, выступал однозначно против подобных «чисток». Общество защиты старинных зданий существует и по сей день, в 2012-м году оно было отмечено наградой европейской федерации Europa Nostra.

В политическом отношении Моррис всю жизнь оставался социалистом. Он полностью разделял взгляды Карла Маркса на развитие истории, хотя и не принимал экономическую и политическую части «Капитала». В 1884-м году вместе с Элеонорой Маркс (дочерью Карла Маркса) он участвовал в организации работы первой социалистической партии в Британии – Социал-демократической федерации. К концу того же года стало ясно, что в партии преобладают анархические идеи, и Моррис с Маркс откололись от федерации, создав в следующем году новую партию – Социалистическую лигу (Моррис оформил манифест партии). Но стойкие антипарламентские взгляды Морриса привлекали анархистов, так что к концу 1880-х годов их стало больше, чем социалистов, Морриса постепенно оттеснили от руководства, а в 1890-м году он покинул партию окончательно, но продолжал общественную деятельность уже за свой счёт.

Моррис занимал довольно критическую позицию в отношении политики имперского правительства. Он выступал против участия Англии в Крымской войне с Россией, против оккупации новых территорий в Южной Африке, которая привела к Бурским войнам. В 1882-м году, во время особенно масштабных рабочих волнений, Моррис даже был арестован и

оштрафован за уличные речи. Он принимал участие и во Втором интернационале. В то же время Моррис не поддерживал идею возможности построения социализма в отдельной стране. «Наша задача, – говорил он, – производить социалистов, то есть убеждать людей, что социализм хорош, что он возможен. Когда же таких людей станет много, они уже сами решат, что следует делать дальше. А потому я и говорю: производите социалистов! Мы, социалисты, пока ничего более полезного делать не можем». Из-за подобных взглядов Фридрих Энгельс, лично познакомившись с Уильямом Моррисом, назвал его честным социалистом, совершенно бесполезным для дела пролетарской революции.

Участие Уильяма Морриса в политической борьбе не мешало ему активно заниматься делами своей фирмы и литературным творчеством. К 1887-му году относится публикация его перевода «Одиссеи», которая заслужила положительный отзыв Оскара Уайльда. В 1891-м году Моррис основал типографию «Келмскотт-пресс» (*the Kelmscott Press*), работавшую по технологиям времён Гутенберга. Он самостоятельно создавал новые шрифты и работал над орнаментовкой, стараясь, по его собственному выражению, «выпускать книги, которые будет приятно держать в руках». Миниатюры выполнял Бёрн-Джонс. Использовали только самодельную бумагу и пергамент. Всего с 1891-й по 1898-й год, пока существовало издательство (до смерти Бёрн-Джонса), было выпущено 53 издания примерно по 400 экземпляров каждое. Все эти книги теперь считаются произведением книгопечатного искусства.

Примерно в это же время, в 1889-м году, в печать вышло «Сказание о доме Вольфингов и всех родах Марки, изложенное в стихах и прозе» (A Tale of the House of the Wolfings and All the Kindreds of the Mark Written in Prose and in Verse), роман (исследователи отмечают, что жанр его близок к историческому), написанный на древнегерманскую тематику. Моррис, пользуясь доступными в его время источниками, реконструирует (и при этом идеализирует) жизнь германского родового общества до Великого переселения народов. Сюжет «Сказания о доме Вольфингов» прост. На мирное поселение древних германцев (Марку) собираются напасть римляне, желающие расширить границы своей империи и умножить её богатства. Борьба с ними и подвиги, совершаемые воинами Марки, и описываются в романе. Моррис создаёт идеальный героический мир, населённый могучими и бесстрашными воинами и мудрыми и прекрасными женщинами. Как в классицистических трагедиях, героям романа приходится делать выбор между личным счастьем и спасением своего народа. Выбор страшный и тяжкий, но неизбежный.

В 1890-м году вышло продолжение этого романа – «Корни гор» (*The Roots of the Mountains*). Наступает новый исторический период – в ранее едином обществе начинает зарождаться классовое расслоение. Потомки бывших могучих героев теперь странствуют, подобно толкиновским следопытам, оберегая мир прекрасной долины, жителям которой угрожает нападение безликих орд гуннов (на которых очень похожи орки Средиземья). На этот раз в романе параллельно развивается несколько любовных линий. Моррис планировал создать трилогию, завершив её романом «Повесть о Дезидерии» (The Story of Desiderius), но этому замыслу не суждено было сбыться.

В 1890-м году Уильям Моррис обратился к новому для себя жанру, обогатив английскую литературу утопией, названной им «Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия» (News from Nowhere (or An Epoch of Rest)). За два года до этого, в 1888-м году, в Северо-Американских Соединённых Штатах был опубликован утопический роман Эдварда Беллами «Взгляд назад: 2000–1887». В этом романе молодой американец просыпается после летаргического сна в 2000-м году и выясняет, что все предприятия поглощены одной сверхкорпорацией, заменившей государственный аппарат. Граждане такого государства-корпорации трудятся в его «промышленной армии», за что обеспечиваются всем необходимым для жизни (по кредитным картам, которые впервые описал именно Беллами). В 1889-м году Уильям Моррис публикует рецензию на эту утопию. Он отмечает, что человек в подобном обществе сам

превращается в машину, теряя человечность, а единственное, что может предложить взамен автор, – это технический прогресс, несколько сокращающий объём труда. То есть вместо того, чтобы сделать труд безболезненным, получать от него удовольствие, американский утопист предлагает его лишь уменьшить. «Я считаю… – писал Моррис, – что увеличение количества техники всего лишь увеличит количество техники – не больше», что, по его мнению, никак не улучшит саму жизнь.

В утопии самого Морриса человек трудится, потому что любит труд. Всякое произведение рук человека не просто может стать, но непременно становится произведением искусства, ибо оно выполняется с любовью. Работа по дому ущемляет свободу индивида? В других утопиях вывод один: её следует разделить поровну либо передать кому-то (например, рабам или роботам). Моррис предлагает другой выход. Он считает, что от любого труда человек может получать удовольствие. Не изменив сам труд, но изменив своё отношение к нему. Моррис уверен в том, что умной женщине доставляет удовольствие искусно управлять хозяйством. Она следит за домом, следит за собой – ведь каждому приятно, если ему приказывает красивая женщина, и это ответ Морриса набиравшему силу феминизму (помните, как у Булгакова: «– Во-первых, мы не господа! – Во-первых, Вы мужчина или женщина?»). Отношение Морриса к труду затрагивает все сферы человеческой деятельности. Проиллюстрировать это можно и примером из современной жизни. Если по модной ещё с конца XIX века идее считать рождение детей и материнство трудом, то постулат уменьшения труда предполагает контроль над рождаемостью и даже сознательный отказ женщины от материнства. Быть матерью, конечно, тяжёлый труд, но если обратиться к теории Морриса, то, как и всякий другой труд, материнство приносит удовольствие. Главное – это верное восприятие труда: не как каторжных работ, а как того, что делает человека человеком, помогает ему творить, в том числе и творить новую жизнь.

В моррисовской утопии, как и во многих других, нет брака – люди живут друг с другом, потому что хотят, а не потому что связаны законом. В отношениях между мужчиной и женщиной огромное значение отдаётся влечению, которое можно принять за любовь. А вот в сфере творчества представить нечто подобное автор не может. Свет любви к искусству нельзя заменить ничем – настолько высоко оно ценится Моррисом (позже такое видение спроецирует в свои произведения Дж. Джойс).

Эпохе спокойствия в утопии Морриса предшествовала «переходная эпоха» с повышением производительности труда и страшными социальными потрясениями.

Любопытно отметить, что в России первое переводное издание «Вестей ниоткуда» появилось почти сразу же после публикации романа на родине писателя – в 1891-м году. Вероятно, это самое популярное и переиздаваемое у нас произведение Морриса.

После романа-утопии Уильям Моррис в «Повести о Сверкающей равнине» (The Story of the Glittering Plain, 1890-й год) вновь обращается к миру средневековой эстетики; правда, и здесь он описывает утопическую страну, куда приводят героя поиски похищенной невесты.

В 1892-м году со смертью Альфреда Теннисона освободилось место поэта-лауреата. Эта должность существовала с 1790-го года. Во времена Морриса её занимали пожизненно. Поэт ежегодно получал премию и традиционное вино. Обязанностей он никаких не имел, но предполагалось, что он будет откликаться на крупные политические и придворные события. Моррис получил предложение занять это место, но отказался, не считая возможным совмещать социалистическую деятельность со званием придворного поэта королевы Виктории.

В 1894-м году выходит роман «Лес за Гранью Мира» (The Wood Beyond the World). События в нём разворачиваются в вымышленной стране, всё происходящее как будто вырвано из мировой истории, недаром некоторые называют этот роман первым произведением в жанре фэнтези. К какой национальности можно отнести главного героя – Вальтера? Он англичанин? Грек? Испанец? Нет, он европеец в широком, обобщённом смысле

(для сравнения забежим немного вперёд – в следующем произведении Морриса, названном «Юный Кристофер и прекрасная Голдилинд», место действия определяется более точно, тем более что сюжет романа заимствован из средневековой английской легенды). Вальтер – персонаж рыцарского романа, хотя одет он не по-рыцарски в нашем представлении, у него даже коня нет, но не это главное, а то, что герой совершает поступки, которые подобает совершать рыцарю: он отправляется на поиски приключений, влюбляется, вызволяет из неволи девушку, убивает злобного преследователя-карлу и в конце романа становится королём. Томас Мэлори (автор «Смерти короля Артура»), на стиль которого опирался Моррис при написании собственных произведений, разрабатывает следующий сюжет: «– Сидим мы здесь, – отвечали девицы, – вот по какой причине: мы высматриваем странствующих рыцарей, чтобы нам научить их, где найти чудесные приключения. Вот вы, трое рыцарей, ищете приключения, а нас трое девиц, и потому пусть каждый из вас изберет себе из нас одну. Потом мы отведем вас туда, где разветвляется натрое дорога, и там каждый из вас поедет избранным путем, и девица его – с ним. А через двенадцать месяцев, день в день, съедетесь вы в том же месте опять, если даст вам Бог дожить». В этом сюжете неважно, по какой дороге направятся рыцари, даже неважно, понравятся ли они девушкам, которых выберут, – это не обсуждается, главное – каждый из них направится на поиски приключений. Так и Вальтер, не выбрав ещё, кто полюбился ему больше – прекрасная госпожа или милая девушка (примечательно, что все женщины этого романа остаются безымянными), пускается в путь по неизвестной ему земле. Правда, подробную карту этого пути (как в произведениях Толкина) нарисовать почти невозможно – она будет скорее схематична: горы, лес, Золотой дом, лес, поселение медвежьего народа, горы, город и пустота вокруг, – да и маршрут Вальтера гораздо проще маршрута Хранителей, а пустота как будто окутывает не только пространство вокруг загадочного Леса за Гранью Мира, но и пожирает временные и сюжетные отрезки. В этом романе действует один достаточно необычный художественный закон – при наличии огромного числа загадок читатель узнаёт только то, что становится известно в пути персонажу. На некоторые вопросы так и не найдутся ответы – как для Вальтера, так и для нас.

В 1895-м году вышел новый роман Морриса – «Юный Кристофер и прекрасная Голдилинд» (Child Christopher and Goldilind the Fair), главный герой которого считается одним из прототипов принца Каспиана в эпопее Льюиса. Количество персонажей в этом романе, по сравнению с предыдущим, выросло, характеры стали более сложными, а место действия – более определённым. Сюжет его был основан на среднеанглийской легенде о Хавелоке (*Havelok the Dane*), стихотворном романе XIII века, написанном на восточноцентральном диалекте (ведущем на момент создания произведения). Это один из первых англоязычных рыцарских романов. Действие его происходит в Дании и Англии.

Моррис по-своему обрабатывает этот сюжет – он убирает сказочные мотивы (например, то, что у Хавелока во сне вырывается изо рта огонь, по чему его слуга и догадывается, что перед ним настоящий король) и переносит место действия в идеальный рыцарский мир, за которым, впрочем, несложно угадать средневековую Англию. События развиваются в двух странах – Лугодолье и Дуболесье, большую часть которых занимает лес (один из любимых пространственных образов Морриса – в лесу во всех романах происходят самые важные события в жизни героев). Завязка сюжета проста: в Дуболесье и Лугодолье умирают короли, оба они оставляют несовершеннолетних наследников – мальчика и девочку, – и при них назначают регентов, которые стараются избавиться от своих подопечных разными способами. В романе автор с одинаковым интересом останавливается и на сцене объяснения влюблённых, и на описании рыцарского поединка или битвы. Финал произведения по-моррисовски предсказуем, но читатель до самых последних глав остаётся в напряжении, переживая за полюбившихся героев.

В 1896-м году публикуется новый роман – «Источник на Краю Мира» (The Well at the Worlds End). Главный герой этого романа, принц Ральф, путешествует из города в город (вначале в поисках приключений, потом в поисках случайно встреченной им девушки и в поисках легендарного Источника, дарующего вечную молодость и силу). В каждом городе – свои законы, свои нравы. В Городе Четырёх Рек жители воинственны и злобны, в Белом Городе – несчастны и замучены, в Золотом Городе – спокойны, в Городе Белой Стены – приветливы. Везде есть счастливые и несчастные, богатые и бедные, у каждого города своя история и своё будущее, за каждым – неизведанные пространства. Границы мира постепенно раздвигаются, пока, наконец, герои не достигают его Края.

Мир этого романа настолько поражает географическими подробностями, что так и хочется нарисовать карту наподобие карты Средиземья. На ней будут тёмные леса, безлюдные пустоши, населённые города, широкие реки и высокие горы – Стена Мира. Возможно, в том числе и описание этих гор вдохновило Дж. Толкина на создание гор Мордора. По крайней мере, чувства, охватывающие в горах персонажей этих двух авторов, очень схожи – темнота, сгустившаяся в душе Фродо, и темнота, завладевшая Ральфом.

Этот роман по праву считается вершиной литературного творчества У. Морриса. Множество мелких, переплетающихся друг с другом сюжетных линий (большинство людей, встретившихся Ральфу в начале его пути, потом, по возвращении принца на родину, появляются в его жизни вновь), прекрасный язык, тонкий психологизм и вместе со всем этим сказочная вера Морриса в неистребимость прекрасного в вечно меняющемся и легко поддающемся власти зла мире – всё это позволяет поставить «Источник на Краю Мира» в один ряд с самыми лучшими произведениями английской и мировой литературы.

В 90-х годах здоровье Морриса начало ухудшаться. Особенным ударом стала для писателя смерть его девяностолетней матери в 1894-м году. В 1896-м году Моррис совершил путешествие в Норвегию, после которого почувствовал себя окончательно больным. Осенью того же года писатель скончался. В большинстве посвящённых ему некрологов говорилось о его заслугах в области литературы, и только в социалистической прессе делали упор на общественной деятельности усопшего. А доктор, констатировавший смерть, сказал, что Уильям Моррис умер, потому что был Уильямом Моррисом и сделал в своей жизни столько, сколько не смогли бы сделать и десять человек.

Романы «Воды дивных островов» (*The Water of the Wondrous Isles*) и «Разлучающий поток» (*The Sundering Flood) были опубликованы уже посмертно.*

Полное собрание наследия Уильяма Морриса было подготовлено к печати его дочерью Мэй Моррис. Вышло оно в двадцати четырёх томах в 1910-1915-м годах.

Произведения У. Морриса не затягивают с первых строк, но по мере чтения хочется продвигаться по тексту всё дальше и дальше, как продвигаются по своему пути его герои. Читая романы Морриса, нужно запастись терпением: автор не любит спешки – он описывает события подробно и медленно, как будто перед ним и перед читателем – вечность. Это стиль никуда не торопящегося средневекового менестреля, который надеется получить за исполнение своих песен похвалу да похлёбку, а может, и кружку доброго вина. К слову, похлёбка и вино играют в произведениях Морриса не последнюю роль. Его герои никогда не забывают поесть (и поспать) – еда делает их добрее и воскрешает в их сердцах надежду на счастливое завершение пути (в этом отношении они сильно напоминают хоббитов). Мир произведений Морриса – происходит ли действие в средневековой Англии, на берегах Вислы или в вымышленной стране – всегда узнаваем, близок читателю благодаря тем людям, которые населяют этот мир (весёлым, шумным, стеснительным, злобным, уверенным в себе, беззаботным, счастливым, несчастным – и всегда изображённым художественно правдиво), он «современен», понятен читателю и в то же время сказочен – добро там всегда побеждает зло,

в каком бы обличье зло ни выступало: в виде ужасного карлы, предателя коннетабля Рольфа, спокойного и рассудительного Джеффри или жестокого лорда Аттербола.

Многогранность творчества и интересов Морриса поражает. При его жизни появилась карикатура: «Поэт и мелкий лавочник». На картинке был изображён Моррис, пишущий стихи, и Моррис, стоящий за прилавком. Эту карикатуру можно было бы расширить, а ряд картинок подписать так: «Он создавал гобелены, романы, витражи, картины, переводы, утопии и политические партии». В числе лиц, оставивших о нём свои воспоминания, – Оскар Уайльд и Бернард Шоу, дочь Карла Маркса и Фридрих Энгельс. По его стопам в литературе шли Толкин и Льюис. Каким же был человек, объединивший Уайльда, Маркса и Толкина? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мало одной статьи. Творчество и биография Морриса настолько разносторонни, что работы по их изучению хватит ещё на несколько поколений усидчивых исследователей.

Алексей и Светлана Аристовы

Лес за Гранью Мира

Глава I
О Золотом Вальтере и его отце

Некоторое время тому назад в большом и славном приморском городе, называемом Лангтон-он-Хольм, жил юноша. Ему шла двадцать пятая весна, черты его лица были красивы и правильны, а волосы белокуры. Этот юноша был высок и строен, отважен и добр, а умом превосходил большинство своих сверстников. Он отличался молчаливостью, но когда говорил, показывал себя учтивым собеседником. В гулянках он не участвовал, своеволия не выказывал, а слыл, скорее, юношей тихого нрава, поскольку умел себя сдержать: такой в стычках – врагам опасный противник, а друзьям надёжный соратник. В то время, с которого начинается наш рассказ, юноша жил в отцовском доме. Его отец, капитан городской стражи и знатный купец*[1], обладал богатством большим, чем некоторые бароны, а род его считался одним из старейших в Лангтоне. Это был род Гольдингов, а потому и звался купец Варфоломеем Гольденом, то есть Золотым, а сын его – Золотым Вальтером.

Конечно, вы решите, что этот юноша ни в чём не нуждался и был счастливейшим из смертных. Так люди и считали, однако в его судьбе не всё складывалось гладко: он был очарован поистине прекрасной женщиной. Он взял её в жёны не без ответной любви, как казалось сперва, и только спустя полгода осознал (и для этого имелись веские причины), что его честность ничего для неё не значит, что ей, скорее, подошёл бы человек, стоящий ниже его во всех отношениях. Сон покинул юношу, он возненавидел свою жену за ложь и презрение к нему, и всё же сам звук её голоса, когда она входила в дом и когда выходила из дома, заставлял его сердце биться сильнее. Глядя на неё, Вальтер чувствовал в себе мучительную страсть и желал, чтобы эта женщина была ласковой и любезной с ним. Юноша полагал, что, будь она такой, он простил бы всю ложь, что встала между ними. Но каждый раз, когда взгляды их встречались, на лице жены отражалась ненависть к нему. Как бы она ни была до этого ласкова с другими, с ним она оставалась грубой и угрюмой.

Так они и жили, пока комнаты отцовского дома да и сами улицы города не стали отвратительны Вальтеру. Тогда юноша подумал, что мир велик, а сам он ещё очень молод. И вот однажды, когда они с отцом были одни, Вальтер решился поговорить с ним:

– Отец! Я только что вернулся с набережной, где смотрел на корабли, готовящиеся выйти в море. Я видел твой флаг на паруснике, который должен отплыть раньше других. Скоро ли он отчалит от пристани?

– Скоро, – ответил Варфоломей. – Это «Катерина», она выходит из гавани через два дня. Но почему ты спрашиваешь о ней?

– Отец, самое лучшее слово – короткое, – произнёс в ответ Вальтер, – поэтому я тебе так скажу: я хочу отплыть на этом корабле, чтобы увидеть иные земли.

– Ты говоришь серьёзно? – спросил купец. – И куда же ты отправишься, сынок?

– Туда, куда идёт этот корабль, – ответил Вальтер. – Ты знаешь, отец, что дома мне нет места.

Купец помолчал немного, с беспокойством глядя на сына, и наконец сказал:

– Что ж, сынок, наверное, это для тебя лучшее решение, но знай: может случиться так, что мы больше не встретимся.

– И всё же, если мы встретимся, отец, ты увидишь, что я стану новым человеком.

– Хорошо, – согласился Варфоломей, – по крайней мере, я знаю, кого винить в том, что тебя больше не будет с нами. Теперь, когда ты уходишь и начинаешь свою собственную

[1] Здесь и далее объяснение слов, отмеченных «звездочками», см. в Комментариях.

жизнь, твоя жена ни дня не проведёт в моём доме. Нет, это будет слишком мягко для неё! Отныне между её родом и нашим возникнет вражда!

Вальтер возразил:

– Прошу, не причиняй ей большего бесчестия, чем необходимо, чтобы не опозорить этим также и меня, и тебя самого, отец.

Варфоломей снова ненадолго замолчал, а затем спросил:

– Она носит ребёнка, сын мой?

Вальтер покраснел и ответил так:

– Я не знаю, носит ли она ребёнка, и не знаю, чьим этот ребёнок мог бы быть.

Они оба ещё немного помолчали, а затем вновь заговорил отец и произнёс следующие слова:

– Что ж, сын, сегодня понедельник, ты должен будешь взойти на борт корабля в среду ночью, а я тем временем устрою так, что ты покинешь дом не с пустыми руками. Шкипер на «Катерине» – человек верный, он хорошо знает моря, а мой слуга Роберт Коротышка – он отвечает за погрузку товаров – надёжный и опытный моряк, и я доверяю ему как себе самому во всех торговых делах. «Катерина» – судно новое и крепко сколоченное, ему должна сопутствовать удача. К тому же, как ты знаешь, церковь, в которой ты был крещён, а до тебя – я сам, а до того – моя мать, освящена в честь святой Катерины. И мои родители погребены под алтарём этой церкви.

С этими словами старик поднялся и пошёл по своим делам, и больше они с сыном не говорили об этом ни разу.

Глава II
Золотой вальтер садится на корабль и отправляется в море

Когда следующим утром Вальтер пришёл в порт и поднялся на «Катерину», его встретил шкипер Джеффри. Он поклонился юноше, поприветствовал его, как подобает, и показал ему каюту и все многочисленные товары, которые отец Вальтера уже отослал к причалу, поскольку судно торопилось с отплытием. Вальтер про себя поблагодарил отца, но в то же время его мало интересовало всё происходящее вокруг. Он медлил, молча разглядывал парусники, которые готовились выйти из порта или разгружались, рассматривал моряков и гостей, сходящих с корабля и поднимающихся на борт, – и всё это казалось юноше причудливыми картинами, вытканными на гобелене.

Наконец, уже решив возвратиться на борт «Катерины», он увидел стоящий на якоре парусник, который ранее не привлекал его внимания. Этот корабль полностью был готов к отплытию: в лодках, спущенных на воду, гребцы только и ждали сигнала, чтобы принять канат и отбуксировать судно в открытое море, но, вероятно, кто-то из путников или команды ещё не поднялся на борт, и отплытие откладывали.

Вальтер стоял, лениво разглядывая парусник, как вдруг к сходням подошли незнакомцы. Их было трое. Первым шествовал ужасного вида карла с тёмным лицом. Руки у него были длинные, уши – необычайно большие, а зубы торчали изо рта подобно клыкам дикого зверя. Его одежды из жёлтого шёлка выглядели богато, в руке карла держал кривой лук и подпоясан был саксом – коротким мечом.

Следом за ним шла дева. Она казалась очень молодой, вероятно, не прошло ещё и двадцати вёсен с её рождения. Лицо девы было свежим, как цветок, глаза серыми, волосы каштановыми, полные губы алыми. Фигура была стройна, осанка – благородна. Прост и благороден был и её убор: узкое зелёное платье, достаточно короткое, чтобы было видно железное кольцо на правой лодыжке.

Последней из трёх незнакомцев шла высокая величественная дама с таким ослепительным видом и в таких великолепных одеждах, что трудно было придумать, с чем сравнить её красоту. Редкий человек мог остаться равнодушным к её облику, и каждый из сыновей Адамовых, близ кого она проходила, опускал глаза, но лишь затем, чтобы поднять их вновь и посмотреть ей вслед. Вот и сейчас так же опускались глаза, и уже Вальтер потупил свой взор, и трое прошли мимо него. И ему показалось, что все остальные словно исчезли и не было более никого, кроме этих троих, и не видел юноша, что другие так же, как и он, смотрели на них. Вот незнакомцы поднялись по сходням, и Вальтер наблюдал за тем, как они прошли по палубе, как достигли кормы, как вошли внутрь и как скрылись, наконец, из виду.

Так он и стоял, и смотрел в изумлении, пока понемногу не вспомнил, что он на многолюдной пристани. Он увидел, как с корабля бросили лодкам перлинь, и гребцы дружно отбуксировали парусник к выходу из гавани. Затем с реи упали паруса, которые сразу же были выбраны и наполнены свежим ветром, и вот уже нос корабля рассекает первую зелёную волну в открытом море. Вальтер ещё успел заметить, как корабельщики подняли флаг, на котором был изображён грозный волк, скалившийся на деву, и больше он уже ничего не видел, а сам корабль вскоре скрылся за горизонтом.

Вальтер какое-то время стоял, глядя в сторону моря, где уже не было корабля, только плескались волны, а затем развернулся и пошёл назад, к «Катерине». Сперва он думал было спросить у шкипера Джеффри, что тот знает об этом корабле и о странниках, путешествующих на нём, но затем ему пришло на ум, что всё увиденное было просто игрой воображения,

не более чем наваждением, и лучше будет, если он никому не расскажет об этой встрече. Решив так, он вышел из порта и направился по знакомым улицам к дому своего отца. Но когда юноша подошёл к нему так близко, что уже видел крыльцо, ему на мгновение показалось, что те трое – карла, дева и величественная дама – спускаются на улицу по каменным ступеням. Вальтер остановился, чтобы подождать их, но – увы! – перед ним уже никого не было. Только добротный дом Варфоломея Гольдена, трое детей, игравших с дворняжкой на ступенях, да несколько прохожих, идущих по своим делам. Вальтер был сильно озадачен, он не знал, что и думать: являлись ли те трое из гавани просто видением или были такими же, как он, детьми Адама из плоти и крови.

Недоумевая, Вальтер вошёл в дом. Отца он застал одного, тот сидел в просторной комнате, и они сразу начали разговор о самых разных делах. Но, как ни любил Вальтер отца и как ни почитал его за мудрого и опытного человека, всё же не мог он тогда внимательно слушать слов, исходящих из уст старика, – настолько юноша был очарован встречей с незнакомцами. Они так и стояли у него перед глазами, словно миниатюра, нарисованная талантливым художником. Слишком много Вальтер думал о двух чужих ему женщинах, еле сдерживая желание пуститься им вослед, хотя тогда он был уверен (и повторял это себе), что ни одна из них не является предметом его мечтаний. Также не мог он до сих пор сказать, девушка или величественная дама запомнилась ему более ярко, и сильно желал увидеть их обеих вновь и узнать, кем они были.

Так шло время, пока не наступило утро среды и не настала пора Вальтеру попрощаться с отцом и сесть на корабль. Отец проводил его к гавани, поднялся на «Катерину», и юноша обнял его. Многое было в этом прощании: и слёзы, и дурные предчувствия, поскольку сердце Варфоломея переполнял страх. Затем старик сошёл на землю, сходни убрали, корабль взяли на буксир, и тёмная вода заплескалась под вёслами гребцов. Парус спустили с реи, моряки выбрали его, и «Катерина», взрезая волны туманного моря, поплыла вперёд по унылым водяным склонам. Нос судна возносился над ними, крепкий, проверенный временем, украшенный знаком Варфоломея Гольдена: буквы В и Г по сторонам и крест с треугольником посередине.

Вальтер стоял на корме и смотрел на воду, но внимание его было обращено, скорее, к собственным мыслям. Всё, что происходило во время отплытия, напомнило ему о том, другом корабле, увозившем троих незнакомцев, и юноше казалось, что он повторяет их путь, словно они связаны, как две бусины, нанизанные на одну бечеву, и он так и будет следовать за ними, но никогда больше их не встретит.

Глава III
Вальтер узнаёт о смерти отца

Быстро шла «Катерина» по морям, и ни с кораблём, ни с его командой в пути не случилось ничего, о чём было бы интересно услышать. «Катерина» вошла в гавань одного из ближайших торговых городов, оттуда перешла в гавань другого, затем третьего, четвёртого… И в каждом из них корабельщики покупали и продавали товары, как делают все странствующие торговцы. Вальтер не только смотрел на то, чем заняты люди его отца, но и помогал им, в чём был в силах помочь, были ли это дела корабельные или торговые. И чем больше они удалялись от дома, чем больше проходило времени, тем легче становилось у него на душе, тем быстрее оставляла его печаль, причинённая женой и её изменой.

Но была у Вальтера и другая забота: время от времени у него появлялось желание нагнать тех троих, и, хотя он не встречал их ни на одной из людных улиц торговых городов, куда приплывал корабль его отца, они возникали перед ним так же явственно, как прохожие вокруг него. Но время шло, и образ их всплывал всё реже и причинял всё меньше волнений. Сам Вальтер да и его спутники уже не сомневались, что он полностью исцелился от своей тоски.

Наконец, торговцы покинули четвёртую свою стоянку, вновь преодолели морские опасности и прибыли к пятому городу – большому и богатому. Шёл уже восьмой месяц их путешествия. Вальтер внимательно и с любопытством разглядывал всё, что встречалось ему в этом огромном городе, так далеко расположенном от его родных мест. С особенным интересом смотрел он теперь на прекрасных женщин. Он мечтал о них и любил их беспечно, как и все юноши.

Вот уже и причалили к последнему из тех портов, куда собиралась зайти «Катерина». Примерно десять месяцев прошло в ежедневной торговле. Морякам нравилось искать редкие и ценные товары, им доставляли удовольствие и беседы с торговцами, горожанами и поселянами, жившими за чертой городских стен. Вальтер постепенно стал таким же занятым и беззаботным, каким полагается быть сильному юноше, и вскоре даже его люди были вынуждены считаться с ним в своих торговых делах.

Время и этой остановки подходило к концу, когда случилось так, что в один из последних дней, войдя в свой ярмарочный шатёр, Вальтер увидел троих корабельщиков, по внешности напоминавших его соотечественников. Четвёртым с ними был человек учёного вида, которого Вальтер сразу же узнал, поскольку то был писец его отца по имени Арнольд Могучее Перо, и когда Вальтер увидел писца, сердце его сжалось, и он спросил:

– Арнольд, с какими новостями ты прибыл? Всё ли хорошо у жителей Лангтон-он-Хольма?

Арнольд же отвечал ему так:

– Плохие новости принёс я, Вальтер, нехорошие дела творятся в твоём родном городе. Я прибыл к тебе, чтобы сообщить, что Варфоломей Гольден, твой отец, умер, упокой Господь его душу.

С этими словами Вальтер почувствовал, что те беды, которые, как он думал, успели забыться за время путешествий, снова навалились на него всей своей мощью, будто и не прошло нескольких месяцев. Вальтер словно видел своего отца, лежащего мёртвым на кровати, и слышал причитания домашних. Он помолчал какое-то время, а затем сурово спросил:

– А скажи мне, Арнольд, мой отец умер на своём одре или как-то иначе? Он был здоров и ещё не стар, когда расставался со мной.

Арнольд же отвечал ему так:

– Верный вопрос ты задал, Золотой Вальтер. Хоть твой отец и умер на своём одре, но до этого он был смертельно ранен мечом.

– Я понял тебя. Как это случилось?

– Через несколько дней после твоего отплытия Варфоломей Гольден отослал твою жену обратно к её родным из Реддингов. Отослал не с честью, но и не с позором, как можно было бы ожидать, а ведь мы знали, что произошло между тобой и ею, и Бог свидетель, что кроме нас об этом знал почти весь город!

– Тем не менее, – продолжал он, – Реддинги были обижены, и их оскорбил бы даже намек на откуп, а мы как раз предложили им это, так как не хотели нарушить мир в нашем городе. И что же произошло? Гольдинги и Реддинги встретились в ратуше, и между двумя родами состоялся разговор. Слова, что невольно вырвались, не были ни безгневными, ни приятными, и тогда обнажились мечи, а мечи уже не остановить… Двое из нас пали мёртвыми так же, как и четверо из них, и с обеих сторон было много раненых. В их числе и твой отец. Он, как ты, наверное, уже понял, не стоял сзади во время сражения, и позже, несмотря на свои ранения – два в бок и одно в плечо, – сам дошёл до дома, когда мы на это и не надеялись. Но, увы, то была недобрая победа, ибо на десятый день он умер от своих ран. Упокой, Господь, его душу! Теперь, мой господин, должен сказать тебе, что я прибыл сюда не только для того, чтобы сообщить тебе эту печальную весть, но и ради слова, которое я дал твоим родным. Я пообещал, что сразу же, как найду, я доставлю тебя домой на быстром куттере*, на котором сам прибыл сюда с вестями. Ты можешь взглянуть на него. Хотя это скорое и лёгкое судно, оно хорошо перенесёт и непогоду.

Вальтер произнёс задумчиво:

– Значит, приглашение на войну. Ведь как только я вернусь, об этом сразу узнают Реддинги. У вас всё готово к отплытию?

– Да, – сказал Арнольд, – мы можем поднять якорь сегодня, самое позднее завтра, но что тревожит тебя, мой господин, что ты так странно смотришь вдаль? Молю тебя, не печалься настолько сильно! Таков уж жребий всех отцов: покидать этот мир прежде своих сыновей.

Лицо Вальтера до этого было красным от гнева, но теперь оно побледнело, и юноша, указывая куда-то на улицу, вскричал:

– Смотри! Разве ты не видишь?

– Не вижу чего? – спросил Арнольд. – Что там? Вижу, сюда идёт обезьяна в цветном платье. Похоже, это зверь бродячего фокусника… Ах, нет, клянусь Господом нашим! Это же человек, хотя он и уродлив, как сам чёрт! А вот за ним следует прекрасная дева. Возможно, она ведёт его. А вон ещё, смотри, с ними самая красивая из благородных дам, каких я видел. Я понял, она, должно быть, из дворян этого прекрасного города и владелица этих двоих: я разглядел у девы на ноге железное кольцо, а здесь это знак неволи. Но вот ведь что странно: ты не замечаешь, что прохожие не обращают внимания на это необычное шествие? Они даже не видят достойную даму, хотя она прекрасна, словно языческая богиня, а драгоценных камней на ней столько, что дважды можно было бы купить весь Лангтон-он-Хольм! Хотя, может быть, местные жители просто привыкли к таким странным и ярким шествиям… Но что это, господин? Что же это?

– Что теперь? – спросил Вальтер.

– Боже мой! Вроде, они ещё не так далеко ушли, чтобы скрыться из виду, но я их уже не вижу! Господин, они как будто провалились сквозь землю!

– Да ну! – не согласился Вальтер, по-прежнему глядя не на Арнольда, а куда-то в сторону улицы. – Они просто зашли в какой-нибудь дом, когда ты отвернулся.

– Нет, господин, нет, – ответил Арнольд, – мои глаза не могут обмануть. Я внимательно следил за ними.

– В любом случае, – заключил Вальтер слегка взволнованно, – они ушли, и ни к чему занимать себя подобными пустяками, когда впереди нас ждут скорбь и раздоры. А теперь я хотел бы побыть один, чтобы обдумать твои слова. Ты же передай свои новости шкиперу Джеффри и нашим морякам да подготовь всё к отплытию. Завтра до рассвета приходи сюда, я буду готов. Мы отплываем в Лангтон-он-Хольм.

С этими словами Вальтер вернулся в дом, а гости разошлись по своим делам. Юноша долго сидел один в спальне и размышлял обо всех событиях своей жизни. В конце концов он пришёл к решению, что выбросит из головы образ тех троих, отправится обратно в Лангтон-он-Хольм, вступит в борьбу с Реддингами и либо одолеет их, либо погибнет сам, но когда он уже твёрдо решился на это, то неожиданно для себя понял, что размышляет о предстоящем противостоянии с Реддингами как о чём-то прошедшем и что больше его волнует, может ли он как-либо выяснить, где живут те трое. Тогда он снова попытался выкинуть их образ из головы, убеждая себя, что это была просто игра воображения, не более чем фантазия, но затем вспомнил об Арнольде, о том, что в последний раз писец тоже видел эту троицу. Не мог же Арнольд придумать такое! В этом его никак нельзя было заподозрить. Тогда Вальтер решил: «Что ж, хорошо, что не я, а он описал, как они выглядели. В таком случае я уже не могу сказать, что виновато одно моё воображение. Но всё же, с чего это я хочу найти их? Зачем мне это нужно? И как, как мне всё-таки их найти?!»

Вальтер всё думал и думал, но, видя, что так ничего и не надумал, заскучал и начал энергично увязывать товары и готовиться к отплытию. В этом занятии и провёл он день, а вечером, утомившись, заснул. На рассвете пришёл Арнольд, чтобы отвести его на судно, которое называлось «Варфоломей». Вальтер не задерживался: он быстро распрощался с прежними попутчиками и поднялся на корабль. Час спустя они уже были в открытом море и держали курс на Лангтон-он-Хольм.

Глава IV
«Варфоломей» попадает в шторм и сбивается с курса

Уже четыре недели «Варфоломей» шёл под полными парусами на северо-запад. Ни с кораблём, ни с командой за это время ничего дурного не случилось, но как-то на рассвете ветер утих, корабль застыл на месте, и морские волны качали его впустую. На западе же быстро росла туча, и это при том, что последние двадцать дней небо было чистым, разве что перед ветром возникали белые прозрачные облака. Теперь же шкипер, знаток своего дела, долго смотрел на море и на небо, а затем повернулся к морякам и приказал убрать паруса, да поскорее, а когда Вальтер спросил, чего ожидать и почему шкипер не сказал ему об этом раньше, Джеффри угрюмо ответил:

– Почему я должен говорить тебе о том, что и каждый дурак видит сам? Знай, что надвигается шторм.

Путешественникам оставалось только покорно ждать бури, поэтому Вальтер ушёл в свою каюту, решив, что во сне ожидание переносится легче, тем более приближалась ночь. Проснулся Вальтер от шума и криков моряков, хлопанья такелажа и парусов и сильной качки, но он был смелым юношей и остался в каюте, так как понимал, что, не будучи моряком, он окажется только помехой, если выйдет на палубу и начнёт путаться у всех под ногами, а кроме того Вальтер сказал себе: «Да и неважно, пойду ли я на морское дно или вернусь в Лангтон-он-Хольм, если жизнь, равно как и смерть, только отдалит меня от исполнения моей мечты. А ведь как хорошо было бы, перемени буря направление ветра! И в самом деле: нам бы тогда пришлось странствовать по другим землям, прежде чем мы смогли бы добраться до дома. И кто знает, что ещё случилось бы за это время? Пусть же всё будет так, как должно быть!»

Вальтер проворочался ещё некоторое время, прежде чем снова заснул, не обращая внимания на качку и грохот бури. Когда он проснулся, был уже день, в дверях его каюты стоял шкипер, а с его плаща стекала морская вода. Шкипер обратился к Вальтеру с такими словами:

– Пусть наступивший день будет добрым для тебя, господин, ибо мы пережили эту ночь! Скажу тебе, что мы всё это время боролись с бурей, стараясь не сбиться с курса, но безуспешно, так как три часа ветер гонял нас, куда хотел. Но море, господин, велико, корабль крепок, а корабельщики проворны: мы сумели избежать прибрежных скал! Возблагодари же покровителя плавающих Николая Угодника и всех святых, поскольку сегодня ты увидишь новое море, а может, и новую землю, и могу поклясться, что вид этот будет гораздо лучше всего того ужаса, что мы наблюдали вчера.

– Всё ли в порядке с кораблём и командой? – спросил Вальтер.

– Да, несомненно, – ответил шкипер. – «Варфоломей» – лучший из кораблей, который когда-либо строили из дерева наших дубовых лесов! Поднимись на палубу и посмотри, как бесстрашно он борется с ветром и волнами!

Вальтер надел плащ и поднялся на шканцы. Моря и в самом деле было не узнать: тёмные громады волн вздымались подобно горам, с которых сбегали белые кони морской пены. Облака проносились низко над кораблём и при особенно сильных порывах ветра хлестали корабельщиков потоками дождя. Хотя на мачте и остался всего лишь обрывок паруса, его хватало, чтобы ветер мчал корабль вперёд, перекатывая морскую воду через палубу от фальшборта к фальшборту.

Вальтер немного постоял, держась за ванты и глядя на волны. Он подумал, что хорошо, раз дует такой крепкий ветер, ведь он несёт их в неизведанное.

Затем к Вальтеру подошёл шкипер, хлопнул его по плечу и произнёс:

– Ну же, господин, взбодрись! Пойдём теперь вниз, поедим мяса, выпьем вместе бокал доброго вина!

И Вальтер пошёл со шкипером вниз, и ел, и пил, и на сердце у него стало уже легче, чем когда он услышал, что умер отец, а дома его ожидает распря. Сейчас Вальтер уже мог надеяться на то, что возвращение откладывается, что впереди у него новые странствия, а вместе с ними и новые надежды. Он уже понял, что, хочет он этого или нет, он не может не путешествовать, не плыть из порта в порт, ведь эти путешествия поддерживали его надежду и глубоко укоренившееся желание найти место, откуда явились те трое.

Глава V
Путешественники приплыли к неизвестной земле

Три дня их гонял ветер, а на четвёртый облака рассеялись, выглянуло солнце и до самого горизонта над морем раскинулось ясное небо. Ветер же, хотя и мог ещё потрепать корабль, сильно ослаб, но дул по-прежнему в противоположную от Лангтон-он-Хольма сторону. Шкипер сказал, что, сбившись с курса да ещё и при неблагоприятном ветре, лучше не перечить стихии, а надеяться найти землю, на которой выяснится и где они находятся, и что за люди там обитают. Самому шкиперу чутьё подсказывало, что они не очень далеко от земли.

Этому совету и последовали. Погода продолжала улучшаться, ветер спал до слабого бриза. Он не переменил направления, но уже легко и бережно нёс корабль.

Прошло два дня, а на исходе третьего с марсовой площадки увидели землю, и прежде чем зашло солнце, её разглядели все, хотя она и казалась облачком, способным уместиться на ладони. Стемнело, но паруса не спустили, и корабль медленно плыл прямо к земле. Ночь была не слишком тёмная, да и не долгая, ведь недавно началось лето.

Когда рассвело, путешественники увидели длинное скалистое побережье, за которым вздымались горы, но больше ничего нельзя было разобрать. По мере того, как корабль приближался к земле, между морем и горами выросла длинная стена отвесной скалы, а когда путешественники подошли ещё ближе, они увидели, что между берегом и этой скалой тянется зелёная полоса земли, то сужаясь, то расширяясь, в зависимости от того, насколько близко подходила скала к морю.

На этой земле не было видно ни города, ни гавани, и сколько путешественники ни плыли вдоль берега, им так ничего и не встретилось. Но они очень сильно желали спокойствия и твёрдой земли после волнений штормового моря, надеясь на то, что смогут найти свежую воду, а вероятно, и пропитание у подножья гор, поэтому корабль продолжал плыть, а команда старалась не терять бодрости духа. Но вот наступила ночь, и тогда бросили якорь у берега, там, где глубина достигала пяти фатомов*.

На следующее утро выяснилось, что корабль стоит совсем рядом с устьем не очень широкой реки. Корабельщики спустили шлюпки и протащили туда «Варфоломея», и когда они прошли примерно с три мили вверх по реке, то увидели, что следов морских волн там нет. Возможно, приливы в этих местах были слабые. Река оказалась глубокой, с чистой водой, её ровные берега по количеству зелёной травы, растущей на них, могли сравниться разве что с лугами. В одном месте на левом берегу кто-то заметил трёх коров, которые паслись, словно это действительно был не берег реки, а луг за домом, около них разглядели и несколько овец, а немного спустя, когда прошли излучину, увидели у подножия лесистого холма деревянную, крытую соломой хижину. Вокруг неё был разбит фруктовый сад. Путешественники подивились отсутствию людей: они не понимали, почему за всё то время, что корабль плыл вдоль берега, им встретилось только одно жилище. Пусть даже эти земли лежали далеко от всех известных им стран, должен же и здесь кто-то жить! Моряки подвели «Варфоломея» ближе к берегу, считая, что ждать осталось недолго, и совсем скоро все они не только узнают, где находятся, но и смогут насытиться дарами этой богатой и славной зелёной страны.

Пока «Варфоломея» буксировали к берегу, из хижины вышел мужчина и направился к реке, чтобы встретить гостей. Это был высокий старик с длинными седыми волосами и бородой. Одеждой ему служили звериные шкуры.

Старик подошёл к путешественникам, не выказывая страха или недоверия, и поздоровался тоном доброжелательным и дружелюбным. Шкипер поздоровался с ним в ответ и спросил:

– Старик, ты повелитель этой страны?

Старик засмеялся:

– У этой страны уже давно не было другого повелителя! По крайней мере, здесь давно не было никого из сынов Адамовых, кто мог бы объявить её своей.

– Так ты живёшь здесь один? – спросил шкипер.

– Да, – сказал старик, – если не считать зверей полевых да лесных, да ползучих тварей, да птиц небесных, поэтому-то так сладко мне слышать ваши голоса.

Шкипер задал новый вопрос:

– А где же другие дома?

Старик рассмеялся и ответил:

– Когда я сказал, что живу один, я имел в виду, что я один во всей этой стране, а не только в округе. Нет ни одного дома от моря до поселений медведей далеко по ту сторону утёса.

– Понятно, – ответил шкипер и улыбнулся: – А что, медведи в этой стране подобно людям строят дома для жилья?

Старик покачал головой:

– Господин, внешне они во всём подобны людям, разве что выше и крепче большинства из нас. Это полудикий народ, и он только носит название медведей. Я слышал от них, что кроме того племени, которое я знаю, есть ещё многие, многие племена, живущие на обширном пространстве и к западу, и к востоку. Что же до их душ и разума, то за них я ручаться не могу, медвежьи ли они или человеческие. У них нет веры ни в Бога, ни в святых угодников Его.

– Как? Может, они веруют в Магомета? – удивился шкипер.

– Нет, – ответил старик. – Я не уверен, поклоняются ли они какому-либо божеству вообще. От них самих я слышал, что есть у них множество ритуалов, посвящённых одной женщине.

Здесь не выдержал Вальтер и спросил:

– Послушай, добрый хозяин, откуда же тебе всё это известно? Разве ты видишься с ними?

Старик сказал:

– Некоторые из них приходят сюда, и я отдаю им, что Бог пошлёт: корову-две, полдюжины ягнят или поросят, мех вина или сидра, которые я сам делаю, а они в ответ одаривают меня тем, что нужно мне: оленьими кожами, да медвежьими шкурами, да мехами. Сам я уже стар и не могу охотиться. А иногда, бывает, принесут слитки чистой меди или даже немного золота, хотя от него в этой земле мало пользы. По правде говоря, не назову их своевольными или грубыми, но всё же я рад, что медведи недавно здесь побывали и не скоро уже покажутся вновь, так ужасны они на вид. Да и, кроме того, вы же чужие здесь, а значит, вряд ли они удержатся от насилия. Ведь у вас есть оружие и другие вещи, которые они захотели бы получить.

Шкипер спросил:

– Раз ты торгуешь с этими дикарями, не откажешься ли поторговать и с нами? Ведь мы прибыли сюда после долгого пути и нам нужна провизия, а на борту есть много того, что покажется тебе полезным.

Старик ответил:

– Всё моё – ваше, разве что попрошу оставить мне немного на жизнь. Вина и сидра у меня вдоволь – пейте, пока не иссякнет, сколько захотите. Есть чуть-чуть зерна и муки,

но и их вы можете брать, так как хлеб на моём участке уже заколосился, да и мясо у меня останется. Есть сыры и сушёная рыба – берите что хотите. Что до коров и овец – не буду против поделиться с вами, если у вас острая нужда, но прошу, если можно обойтись без них, не берите ни дойных коров, ни овцематок, ни их телят и ягнят. Я же говорил вам, что не так давно ко мне приходили люди из племени медведей и я уже отдал им много скота, а если вам нужно мясо, послушайте моего совета и отправляйтесь на охоту. Здесь на равнине и в рощах у подножья утёсов водится множество оленей. Они не пуганые, я ведь не могу охотиться на них, поэтому меня они не боятся, а других людей они и не видят, поскольку медведи идут каждый раз прямо к моей хижине, а после торговли – назад, к своему племени. Я проведу вас кратчайшим путём туда, где можно будет достать оленины, а что до товаров с вашего корабля, я охотно возьму, если позволите. Не окажется ли у вас доброго ножа, может, даже двух? Да рулона льняной ткани? Это мне весьма пригодится! В любом случае, знайте: всё, что у меня есть – можете брать. Вы мои гости.

Шкипер засмеялся:

– Друг, мы премного благодарны тебе за всё, что ты обещал сделать нам, и знай, что мы не воры и не пираты, которые пришли отобрать у тебя твоё пропитание. Завтра, если хочешь, мы отправимся с тобой на охоту, а пока мы все перейдём с корабля на берег, чтобы размяться на зелёной траве и запастись свежей водой.

Старик вернулся в свою хижину и начал готовить угощение для гостей, а моряки, когда им передали новости, сошли на берег. В команде был двадцать один человек, включая слуг Арнольда и Вальтера, и все они сошли с корабля, кроме двоих, которые остались на вахте в ожидании своей очереди. Все были хорошо вооружены, ведь и шкипер, и сам Вальтер следовали мудрому правилу: надо быть заранее готовым к неприятностям, даже если неприятностей и не случится. На берег вытащили и паруса – из них сделали навес между хижиной и кораблём, а старик принёс всё, что могло понравиться путешественникам: свежие плоды, сыры, молоко, вино, сидр и мёд. Гости неплохо отобедали и были рады такой удаче.

Глава VI
Старик рассказывает о себе. вальтер видит расселину в скале

Когда же все наелись и напились, шкипер с несколькими моряками отправился запасать воду, остальные же бродили по лугу, так что со стариком остался один Вальтер. Юноша почувствовал, что это хороший момент, чтобы завязать разговор, и произнёс:

– Отец, мне кажется, в твоей жизни случалось много необыкновенного, а мы расспрашивали тебя только о пище для наших животов. Могу я узнать теперь о твоей жизни? Как ты оказался здесь? Как ты здесь живёшь? Можешь рассказать мне что-нибудь?

Старик улыбнулся ему и ответил:

– Сын, моя история слишком длинна, чтобы рассказать её полностью, да и память может меня подвести, а кроме того, это грустная история, и я не хотел бы вспоминать всё вновь. Впрочем, если ты просишь, я расскажу тебе кое-что, как смогу, и в любом случае буду говорить только правду.

Вальтер спросил:

– Тогда скажи мне, давно ли ты прибыл сюда?

– Да, – ответил старик. – Я был тогда молодым и крепким рыцарем.

Вальтер задал новый вопрос:

– Эту хижину ты сам построил? И сам разбил этот сад? Сам посадил деревья и виноград и собрал коров и овец в стада? Или кто-то другой сделал всё это для тебя?

Старик сказал:

– Я ничего не делал сам. Здесь жили до меня, а я получил всё это от моего предшественника, как если бы получил в наследство поместье с крепким замком и полными добра складами.

Вальтер уточнил:

– А твой предшественник был ещё жив, когда ты прибыл сюда?

– Да, – ответил старик, – но он жил недолго после того, как здесь появился я.

Он немного помолчал, а затем добавил:

– Я убил его. Он всё равно умер бы, я только помог ему избежать ещё худшей участи.

Вальтер спросил:

– А прибыл ты сюда по собственной воле?

– Возможно, – старик колебался. – Кто знает? Теперь нет у меня желания ни жить здесь, ни уйти. Я остаюсь только потому, что привык к этому месту.

И снова Вальтер не остановился в расспросах:

– Расскажи мне о нём. Почему ты убил его? Он причинил тебе зло?

Старик ответил:

– Когда я убил его, я думал, что он причинил мне большое зло, но сейчас я так не думаю. Случилось же всё так: мне нужно было пройти туда, где он был до меня, а он стоял на пути. Тогда я уничтожил его и повторил его путь.

– Что же ты нашёл там? – спросил Вальтер.

– Только зло, – был ему ответ.

Тогда Вальтер перестал задавать вопросы. Старик тоже замолчал, но на его лице появилась улыбка – хитрая и в то же время немного грустная. Вальтер посмотрел на него и, заметив улыбку, спросил:

– Тот путь начинался отсюда?

– Да, – ответил старик.

Тогда Вальтер произнёс:

– А теперь прошу, расскажи об этом пути. Куда он ведёт? Чем оканчивается? Что такого ты рассчитывал увидеть в его конце, раз ради этого первым твоим поступком стало убийство?

– Этого я тебе не скажу, – ответил поселянин.

Они оба замолчали, а когда вновь заговорили, то их вопросы и ответы были далеки от тех, с которых началась беседа.

Так путешественники проводили день, пока не настала ночь. Они хорошо выспались, а наутро, после завтрака, большая часть отправилась со стариком к подножию утёса, на охоту, которая продлилась три часа. Эти места сплошь заполнила густая поросль лещины и терновника, и лишь изредка встречался высокий дуб или ясень. Именно здесь, по словам старика, водилось больше всего оленей.

Об этой охоте рассказывать нечего. Когда старик довёл охотников до места и показал, что делать, он сразу же вернулся назад вместе с Вальтером, который совершенно не желал гоняться за зверем, зато с нетерпением ждал нового случая поговорить. Старик, со своей стороны, был не против беседы, а потому привёл Вальтера к холму, возвышавшемуся посреди равнины. Оттуда им было хорошо видно всё вокруг, кроме того, что скрывал лес. Там, где они теперь лежали, леса уже не было, а всё пространство от кургана до утёса покрывал низкий кустарник. Утёс на всём своём протяжении, казалось, шёл отвесной стеной, а местами даже нависал над равниной, но Вальтер заметил, что в том месте, куда они со стариком сейчас смотрели, скалы расступались, и в этой выщерблине был склон или осыпь, полого поднимавшаяся кверху. Вальтер долго пристально смотрел туда и ничего не говорил до тех пор, пока старик сам не спросил его:

– Что такое? Похоже, ты увидел что-то там, куда смотришь. Что же это?

Вальтер ответил:

– Думается мне, что там, где скала ниже, можно перейти на ту сторону.

Старик улыбнулся и подтвердил его догадку:

– Да, сын, ты не ошибаешься. Ты разглядел проход в земли медведей, откуда эти рослые люди приходят торговать со мной.

– Понятно, – произнёс Вальтер и снова отвернулся к скале, осматривая её. Вскоре он заметил, что в нескольких милях от этого перевала утёс резко поворачивал в сторону моря, сужая прибрежную равнину. В самом узком месте линия берега изгибалась так, что утёс смотрел уже на север, а не на запад, как в остальных местах, а посередине этого участка Вальтер увидел тёмное пятно, которое показалось ему похожим на вертикальный скол. Весь утёс, кроме этого места, был тускло-серого цвета, а в этом месте лежала тень.

Вальтер снова задал вопрос:

– Послушай, старик, вон там, как я вижу, есть ещё один проход. Куда он ведёт?

И Вальтер показал в ту сторону, но старик даже не посмотрел, а лишь пробормотал, глядя вниз:

– Возможно, я не знаю. Думаю, он тоже ведёт в страну медведей, только окольной дорогой. Это проход в далёкие земли.

Вальтер ничего не ответил. Странная мысль посетила его. Он подумал, что старик знает об этом проходе больше, чем говорит, а ещё он подумал, что, возможно, там он найдёт тех троих. У Вальтера перехватило дыхание и сильно застучало сердце, но он не сразу продолжил беседу. Наконец, он спросил неожиданно резким голосом, в котором и сам с трудом узнал свой собственный:

– Отец, заклинаю Господом и всеми Его святыми, скажи мне, через тот ли проход ведёт путь, из-за которого ты убил человека?

Старик ответил не сразу. Лишь через какое-то время он поднял голову, посмотрел Вальтеру прямо в глаза и сказал твёрдым голосом:

– Нет, этот путь не ведёт через проход.

И снова они оба молча смотрели друг на друга. Наконец, Вальтер отвернулся, не различая ни того, что он сейчас видел, ни того, кто он сам, словно был близок к обмороку. Юноша хорошо понимал, что старик соврал ему, что вместо «нет» он мог бы ответить «да» и рассказать, что же произошло у того горного прохода, у которого он по неизвестной причине убил человека. Тем не менее, Вальтер ничем не выказал своих мыслей и, придя в себя через некоторое время, повёл разговор о других делах, не затрагивающих того, что произошло на этой земле. Впрочем, они недолго вели спокойную беседу, внезапно Вальтер сказал старику:

– Добрый хозяин, послушай, что мне пришло в голову.

– И что же?

– Мне подумалось, что по ту сторону утёса меня ожидают интересные приключения, и если мы, а в первую очередь, если я откажусь от них и отправлюсь домой проводить время в бездействии, то жалкой будет моя жизнь. Она наполнится глупостью и бездельем. Я решил, что следует попытать своего счастья по ту сторону утёса.

– О каких приключениях ты говоришь? – спросил старик, поднимаясь на локте и сурово глядя в лицо Вальтеру.

– Я говорю о том петляющем проходе, ведущем на восток, откуда сюда приходят люди племени медведей. Мы можем посмотреть на их земли.

Старик снова откинулся назад, улыбнулся, покачав головой, и сказал:

– Ты слишком быстро решаешься на приключения, а такие решения часто заканчиваются гибелью, сын мой.

– Не понимаю…

– Сильные люди того племени схватят тебя и принесут в кровавую жертву той женщине, которую они почитают, как божество, и даже если вы отправитесь туда все, то всех вас постигнет та же участь.

– Ты уверен в этом? – спросил Вальтер.

– Абсолютно уверен, – ответил старик.

– А откуда ты знаешь это?

– Я сам был у них, – сказал старик.

– Хорошо. Но ведь сам ты вернулся целый и невредимый!

– Ты правда так думаешь? – спросил старик в ответ.

– Старина, ты жив ещё, – я же видел, как ты ешь мясо каждый день! Призраки так не едят! – и Вальтер засмеялся.

Но старик в ответ серьёзно покачал головой:

– Если я смог от них уйти, так это потому, что одна женщина спасла меня, а такое нечасто случается, согласись. Да и не скажу, что я цел. Тело моё, несомненно, цело. Но где моё сердце? Где моя душа? Юноша, я даю тебе совет: не ищи таких приключений. Лучше тебе будет отправиться домой к своим родным, если это возможно. Да и, кроме того, многочисленные спутники будут лишь помехой в таком путешествии, а ты… Неужели ты согласишься отправиться в одиночку?

Вальтер возразил старику:

– Я их господин, и они сделают всё, о чём я их попрошу. Они будут даже рады взять себе все мои товары, если я напишу соответствующее свидетельство о том, что по своей воле передаю их им.

– Сынок! Сынок! – закричал старик. – Я молю тебя, не ходи туда! Там верная смерть!

Вальтер ничего не ответил, словно что-то сдерживало его. Впрочем, позже старик вновь разговорился и рассказал Вальтеру много полезного об этом племени медведей и об

их обычаях, подробно описывая каждый, хотя Вальтер уже не слушал его: про себя он решил не ходить к этим дикарям, но снова спросить о земле, в которую ведёт северный проход, так и не решился.

Глава VII
Вальтер приходит к расселине

Внезапно, прервав их беседу, раздался звук охотничьих рогов. Казалось, охотники трубили все разом. Старик поднялся и сказал:

– Судя по звуку, охота окончена, и теперь все собираются вместе. Сейчас примерно пятый час пополудни, и вскоре твои люди вернутся с прекрасной олениной, которую они добыли. Я должен поспешить, чтобы быть дома раньше их, разжечь огонь, принести воды и подготовить всё для обеда. Молодой господин, ты пойдёшь со мной или подождёшь своих людей здесь?

Вальтер ответил беспечным тоном:

– Я полежу и подожду здесь. Я не пропущу их – дорогу к твоей хижине хорошо видно. К тому же мне наверняка придётся вмешаться, чтобы навести порядок, ведь некоторые из моряков довольно грубы, от них можно ожидать чего угодно, особенно сейчас, когда они разгорячены охотой и свежим воздухом.

Вальтер произнёс это так, словно и не нужно было ему ничего, кроме хорошего ужина да крепкого сна, но в его душе боролись надежда и страх, а сердце стучало так сильно, что старик, как казалось юноше, мог услышать его. Но тот, не догадываясь о мыслях молодого человека, кивнул головой и спокойно направился к дому.

Когда старик отошёл подальше, Вальтер осторожно поднялся. С собой у него была дорожная сумка, в которой лежало немного сыра и сушёной рыбы, а также небольшая фляжка с вином, короткий лук и колчан стрел. На поясе висели надёжный меч и охотничий нож. Вальтер осмотрел своё снаряжение, проверил, всё ли на месте, а затем быстрым шагом спустился с кургана. Уже внизу юноша заметил, что курган будет закрывать его от взгляда тех, кто выходит из леса, если он, конечно, направится к проходу на юг напрямик.

Теперь ничто не мешало Вальтеру уйти туда, куда он задумал. Можно было не бояться, что старик оглянется и увидит его или что на него набредёт отставший охотник.

В душе Вальтеру казалось, что если его спутники и найдут его, то скорее позволят отправиться в это путешествие, чем остановят. Юноша запомнил очертания скал возле прохода и теперь не боялся заблудиться, так как их вершины были видны отовсюду, разве только заросли кустарника могли их скрыть.

Не успел Вальтер отойти далеко от кургана, как вновь услышал звук нескольких охотничьих рогов. Юноша посмотрел через густые листья (он как раз спустился в кустарник) и заметил на холме трубящих охотников. Без сомнения, они искали его. Так как Вальтера нельзя было разглядеть, он не стал беспокоиться, а просто, притаившись, полежал некоторое время. Тогда охотники спустились и направились к хижине старика, продолжая трубить на ходу, но не так, как трубят во время гона дичи. Вальтер решил, что они пока не особенно переживают за него.

Так Вальтер отправился к проходу в скале, и ничего не происходило с ним по пути, пока с наступлением сумерек он не дошёл до цели. Это оказался отвесный скол, расселина. Юноша не увидел поблизости ни холма, ни склона, по которым он сумел бы добраться до неё. Можно было надеяться только на то, что ему удастся залезть по груде камней. И действительно, карабкаясь по ним, Вальтер с трудом, но всё же достиг этого прохода, который оказался узким, зажатым между двумя отвесными скалами ущельем. По дну его протекал ручей. Увидев это, Вальтер решил, что особых препятствий здесь не предвидится, и поэтому, хотя и близилась ночь, продолжал идти. Он шёл довольно долго и после наступления ночи, так как поднявшаяся луна ярко освещала путь. Наконец, пройдя уже достаточно большое расстояние и сильно устав, Вальтер решил, что может позволить себе отдых. Он лёг на траву,

пробивавшуюся среди камней, слегка перекусил тем, что было в дорожной сумке, попил воды из ручья и, наконец, заснул. Если днём он ещё думал о возможных опасностях этого пути, то теперь усталость превозмогла все мысли, и спал Вальтер крепко, как спят в Ланг-тон-он-Хольме.

Глава VIII
Вальтер проходит через пустошь

Когда Вальтер проснулся, день только занимался. Юноша вскочил на ноги, подошёл к ручью, попил из него, умылся и снова отправился в путь. Спустя три часа ущелье, которое до этого всё время плавно шло вверх, стало круче. Склоны по краям его, наоборот, всё снижались, пока, наконец, совсем не исчезли. Вальтер оказался на каменистом склоне горы. Трава здесь почти не росла, а ручей и вовсе исчез, зато время от времени Вальтеру встречалась речка с болотистыми берегами. Такие места Вальтер осторожно обходил стороной, чтобы не завязнуть. Он почти не отдыхал и даже ел на ходу. День стоял солнечный и безветренный, а так как небо было ясное, Вальтер ориентировался по солнцу и безошибочно продвигался на юг. Он шёл весь день, но пейзаж вокруг не менялся, разве что склон становился то более крутым, то более пологим. Незадолго до наступления темноты ему повстречалось мелкое озерцо немногим больше двадцати ярдов* в ширину. Вальтер, хотя и мог до наступления сумерек пройти ещё немного, решил, что лучше остановиться на отдых у источника воды.

Когда вновь занялась заря, Вальтер проснулся и сразу встал, стараясь не тратить много времени на завтрак, да и всё остальное он делал быстро. Он решил, что, какие бы опасности ни встретились ему теперь, его уже не смогут вернуть обратно.

За всё время своего пути Вальтер ни разу не видел зверя крупнее лисицы. Однажды пробежал мимо какой-то заяц неизвестного ему вида. Изредка встречались птицы: одна или две вороны и ястреб. Пару раз юноша видел высоко в небе парящего орла.

Третью ночь Вальтер снова провёл на этой каменистой пустоши, которая за время пути всё поднималась и поднималась. В конце следующего дня юноша заметил, что склон уже долгое время не такой крутой, но больше ничего так и не поменялось: куда ни посмотри – всё та же бесконечная пустошь. Наступила четвёртая ночь его пути. На этот раз Вальтер не нашёл источника воды, у которого мог бы остановиться, поэтому проснулся он от мучившей его жажды так рано, что ночная прохлада ещё не успела уйти.

В этот день Вальтер заметил, что склон уже почти не поднимается, и снова долгое время не было ничего примечательного, но к полудню, когда жажда стала невыносимой, он набрёл на источник, тонкой струйкой вытекающий из-под большого утёса. Вначале юноша только утолял жажду, не замечая ничего вокруг, – так сильно он хотел пить, но когда он напился и взглянул на воду, то даже вскрикнул от неожиданности: ручей тёк на юг! Дальше Вальтер шёл уже с лёгким сердцем. Ему попадались и другие ручьи, и все они текли в ту же сторону. Юноша торопился изо всех сил, но, несмотря на это и на то, что путь его и в самом деле теперь шёл вниз, ночь застала его всё на той же пустоши, поэтому остановился он только тогда, когда усталость окончательно его сморила. При лунном свете казалось, что он вошёл в неглубокую долину, прикрытую с юга гребнем горы. Там Вальтер и остался на ночь.

Спал он долго, а когда проснулся, солнце стояло уже высоко, а небо было таким ярким, как никогда. Вальтер встал, поел немного из того, что у него осталось с собой, попил воды из ручья, вдоль которого он шёл вчера и у которого устроился на ночь, а затем отправился в дальнейший путь, надеясь, что сегодня, наконец, произойдут какие-нибудь перемены. Но не успел он отойти от места своего ночлега, как почувствовал в воздухе какой-то приятный нежный запах, которого раньше не было, ведь до этого, а особенно в последние три-четыре дня, воздух был сухой и блёклый, как и сам пустырь. Вальтер пошёл дальше, поднимаясь на гребень, который он видел вчера вечером. Он, конечно, больше смотрел себе под ноги, чем по сторонам, как и всякий человек, взбирающийся по крутому склону, а когда понял, что находится на вершине, то остановился передохнуть и оглядеться. Он стоял на выступе

огромного хребта. Гора уступами спускалась вниз. Эти уступы были не такими пологими, как те, по которым он поднимался последние несколько дней. Теперь склоны стали довольно крутыми, хотя отвесных утёсов и обрывов было мало. Ещё ниже, где оканчивалась пустошь, лежала чудесная страна покрытых лесом холмов, зелёных равнин и укромных долин. Эта страна раскинулась далеко, во все стороны, и только на самом горизонте виднелись высокие голубые горы, чьи пики были покрыты снегами.

Радость, охватившая Вальтера от самого только этого вида, сменилась нахлынувшей нерешительностью. Он даже почувствовал слабость и головокружение, и ему пришлось сесть. Так, закрыв лицо руками, он и сидел какое-то время. Наконец, он снова пришёл в себя, встал и внимательно осмотрел долину. Юноша не увидел ни единого признака человеческого жилья, но всё же сказал себе, что эта добрая зелёная страна ещё очень далеко от него, чтобы что-либо хорошенько разглядеть, а потому, покинув пустошь, он всё равно будет искать людей и их жилища. Приняв такое решение, Вальтер не стал попусту тратить время, а сразу отправился вниз по склону: ему предстояло ещё найти пропитание.

Глава IX
Вальтер встречает первого из троих незнакомцев

Вальтеру постоянно приходилось сворачивать с намеченного пути – то дорогу преграждали скалы, такие крутые, что юноша не решался взобраться на них, то встречались непроходимые болота. Так или иначе, но прошли три полных дня, прежде чем Вальтер выбрался из каменистой пустоши. Воду он теперь встречал в изобилии, зато скудные съестные припасы подошли к концу, несмотря на всю его бережливость, но это не слишком беспокоило юношу, так как он отличался внимательностью, а потому без труда мог набрать диких плодов да подстрелить по пути небольшого оленя или зайца. Мясо можно было приготовить на огне, так как у Вальтера были с собой кремень и огниво. Кроме того, чем дальше шёл юноша, тем больше росла в нём уверенность, что вскоре ему встретится какое-нибудь жилище, такое же милое и гостеприимное, какой показалась ему эта страна. Он не боялся препятствий, разве только помнил слова старика о том, что местные племена могут взять его в рабство.

Но когда Вальтер подошёл к первым зелёным холмам, он был очень изнурён и решил, что отдых принесёт ему сейчас больше пользы, чем охота. В последние три дня юноша спал совсем мало, поэтому он лёг под ясенем у ручья и заснул, хотя день ещё не закончился, а когда на заре проснулся, ему совсем не хотелось вставать, и он лежал ещё часа три, не засыпая, но и не поднимаясь. Наконец, Вальтер встал и продолжил спуск, но движения его стали медленными от голода, он сильно ослаб, и всё же аромат прекрасной земли был для него как чудное благоухание цветов в букете.

И вот Вальтер пришёл к равнинной местности, заросшей деревьями. Там попадались и дубы, и ясени, и съедобные каштаны, и горные вязы, и грабы, и рябины, но на лес это не было похоже: деревья росли не беспорядочно, как в зарослях, а так, словно были посажены кем-то в саду или королевском парке.

Вскоре Вальтер наткнулся на большую черешню, чьи ветви гнулись под тяжестью плодов. Юноша обрадовался, притянул одну ветвь к себе и начал собирать и есть черешни, но внезапно он услышал совсем рядом с собой странный звук: кто-то рычал или ревел, кто-то небольшой, но очень свирепый. Этот ужасающий звук не походил на голос ни одного из известных Вальтеру животных. Как говорилось выше, юноша не был из малодушных, но усталость от длительного пути и голод, необычность местности и уединение чрезвычайно ослабили его дух. Он повернулся на звук. Колени его тряслись, тело охватила мелкая дрожь. Он посмотрел по сторонам, а потом с криком упал в обморок: около него, прямо у ног стоял тот самый, одетый во всё жёлтое карла, которого Вальтер уже видел ранее, и глядел вверх с оскалом на своём страшном волосатом лице.

Вальтер не знал, сколько он пролежал под деревом, словно мёртвый, но, очнувшись, снова увидел карлу, сидящего рядом с ним, а когда карла понял, что Вальтер поднял голову, он снова издал тот ужасный резкий звук, но на этот раз юноша разобрал среди рёва слова: карла говорил! И вот что он сказал:

– Ну-ка, стой! Кто такой?! Откуда идёшь? Чего поиск ведёшь?

Вальтер приподнялся и ответил:

– Я человек. Зовут меня Вальтером. Я пришёл из Лангтон-он-Хольма, а ищу еду.

Карла скривил лицо, изобразив то ли сочувствие, то ли усмешку, и произнёс:

– Я знаю всё это: я спросил тебя, чтобы проверить, будешь ли ты лгать. Меня послали помочь тебе, и я принёс вот эту омерзительную буханку хлеба, как раз такую, как вы, чужаки, едите. На, бери!

С этими словами карла достал из своего заплечного мешка буханку и сунул её Вальтеру, который, несмотря на голод, взял хлеб с некоторым сомнением.

Карла снова закричал:

– Ты неженка, чужак? Или тебе нужно мясо? Тогда дай мне твой лук и одну-две стрелы, и, если ты так устал или так ленив, я сам добуду тебе кролика или зайца или, может, перепёлку. Ах, да, я забыл: ты же неженка и не будешь есть мясо, как я, с кровью и всем прочим! Тебе же надо будет его наполовину сжечь в огне или попортить горячей водой, как, говорят, ест моя госпожа или как ест Проклятый и как ест Вещь. Я знаю, как ест Вещь, я видел.

– Нет-нет, – перебил его Вальтер. – Этого будет достаточно.

Он приступил к еде, и хлеб оказался на диво вкусным. Когда Вальтер слегка утолил свой голод, он спросил у карлы:

– А кого ты назвал проклятым и кого вещью? И кто твоя госпожа?

Карла снова испустил невнятный визг, в котором на этот раз читался страшный гнев, а затем произнёс:

– У Вещи лицо белое и розовое, похожее на твоё, и руки белые, как твои, но белее, и под одеждой всё как у тебя, но всё также белее. Я видел Вещь. Да, я видел Вещь! О, да, да, да, видел!!!

С этими словами карла опять начал тараторить и визжать, прерываясь взрывами хохота и стуча кулаком по траве. Вдруг он затих, сел прямо, а потом, опять ужасно захохотав, сказал:

– Но ты, дурак, подумаешь, что Вещь прекрасна, если попадёшь в её руки, а затем будешь раскаиваться, как раскаивался я. О, как хорошо я помню её насмешки и издёвки! И её слёзы и крики! И её нож! А, ты спросил ещё о моей госпоже? Какая госпожа, хочешь знать? О, чужак, какая же ещё может здесь быть госпожа? Что я могу поведать тебе о ней? Она словно сотворила меня заново, как сотворила племя медведей, но она не создавала Проклятого, не создавала Вещи. Она бесконечно ненавидит её, как и я, и придёт когда-нибудь день…

На этом карла прекратил рассказывать и снова начал визжать, а потом произнёс, тяжело дыша:

– Я уже наболтал тебе лишнего. Ох, если моя госпожа узнает! Теперь мне пора.

Сказав это, карла достал из сумы ещё две буханки хлеба и швырнул их Вальтеру, затем повернулся и пошёл прочь. Он то шёл прямо, как тогда, когда Вальтер впервые встретил его на пристани Лангтон-он-Хольма, то кувыркался, подпрыгивая и перекатываясь, словно брошенный ребёнком мяч, то вдруг начинал бежать на четвереньках, как дикий зверь, и время от времени издавал всё тот же резкий злой крик.

Вальтер сидел до тех пор, пока карла не скрылся из виду. Поначалу он не мог двигаться, до того его поразил ужасный, отвратительный вид карлы, а кроме него и страх чего-то, что Вальтеру и самому было непонятно. Постепенно он набрался смелости, осмотрел оружие и сложил хлеб в свою суму.

Затем Вальтер поднялся и пошёл дальше, дивясь, да, впрочем, и ужасаясь тому, что может принести следующая встреча. На самом деле для юноши было бы хуже смерти, если бы все встречи в этой стране оказались такими, как эта, ведь, судя по ней, может случиться и так, что Вальтеру придётся защищать свою жизнь и убивать, и, возможно, ему предстоит быть убитым самому.

Глава X
Вальтер встречает ещё одного жителя этой странной земли

Вальтер шёл по прекрасной стране, останавливаясь, чтобы отдохнуть и перекусить, и солнце светило так ярко, так радостно, что страхи оставили юношу. Теперь он пребывал в прекрасном расположении духа, и ничего не случилось с ним до самой ночи, когда он, устроившись под высоким раскидистым дубом и положив рядом с собой обнажённый меч, сразу же заснул. Проснулся Вальтер поздно, солнце к тому времени стояло уже высоко.

Он встал и отправился в дальнейший путь. Страна вокруг была такой же прекрасной, как и вчера. Возможно, она была даже более прекрасной: поляны полны цветов, дубы и каштаны ещё выше, чем те, которые встречались раньше. Вальтер видел множество оленей и мог бы легко добыть себе мяса, но он уже не обращал на них внимания, так как теперь в его сумке лежал хлеб, а разводить огонь юноша всё же боялся. Кроме того, Вальтер не сомневался, что сегодня с ним что-то произойдёт, и это будет что-то хорошее. Даже тот ужасный карла был по-своему вежлив с ним, не причинил ему вреда, даже наоборот – помог, а вот Проклятого и Вещи, о которых говорил карла, Вальтер всё же побаивался.

После того как он прошёл достаточно много и летнее утреннее солнце поднялось уже высоко, Вальтер разглядел впереди серую скалу, возвышающуюся посреди кольца дубов, и повернул в ту сторону. Юноша ещё не видел скал в этой равнинной стране. Когда он подошёл поближе, то заметил ключ, бьющий из-под скалы и бегущий далее узеньким ручейком, а когда перевёл взгляд на скалу, исток и ручей, то, к своему удивлению, увидел и дитя Адама, сидящее у ключа в тени скалы. Вальтер подошёл ещё ближе и понял, что это была женщина в одеждах зелёного цвета, подобного цвету травы, на которой она сидела. Женщина играла с водой родника. Она закатала рукава до локтя, чтобы не замочить их, туфли из чёрной кожи лежали рядом на траве, ноги её блестели от капель воды.

Возможно, за шумом и плеском ручья она не услышала, как подошёл Вальтер, и только когда он очутился совсем рядом, подняла голову и увидела его. Это была уже знакомая ему девушка, участвовавшая в том самом шествии, которое Вальтер с удивлением наблюдал трижды. Она, покраснев, быстро одёрнула платье и расправила рукава, но осталась сидеть на месте, а Вальтер в это время стоял не двигаясь. Он всё хотел заговорить с ней, но не мог произнести ни слова, и только сердце его сильно стучало.

Девушка заговорила первой. Голос у неё был ясный и приятный, и в нём не слышалось никакой тревоги:

– Ты ведь чужой в этих краях, правда? Я раньше не видела тебя.

– Да, – ответил Вальтер. – Я из чужих мест. Ты не боишься меня?

– Зачем мне тебя бояться? Я испугалась сначала, решив, что ты сын короля. Я не ожидала увидеть здесь кого-то другого. Уже долгое время, до твоего прихода, он был единственным мужчиной в этой стране.

Вальтер спросил:

– Разве ты не знала, что я скоро приду сюда?

– О, нет! – удивилась девушка. – Откуда мне было знать?

– И правда, но тот, другой, казалось, знал и искал меня, потому что он принёс мне хлеб.

Девушка посмотрела на него с беспокойством и, слегка побледнев, спросила:

– Какой другой?

Так как Вальтер не знал, кто для неё этот карла, слуга он или нет, то решил не показывать, что тот был ему противен, и ответил так:

– Низкорослый мужчина в жёлтой одежде.

Когда же девушка это услышала, то неожиданно сильно побледнела, откинула назад голову и, взмахнув руками, сказала слабым голосом:

– Прошу, не говори мне о том человеке и даже не думай о нём, если я могу тебе запретить это.

Вальтер ничего не ответил, и вскоре девушка, справившись с собой, открыла глаза и улыбнулась ему доброй улыбкой, словно извиняясь за то, что так внезапно напугала его. Затем она встала, и так как ручей был очень узок, стояли они совсем близко друг к другу, но Вальтер всё ещё с тревогой смотрел на неё. Он спросил:

– Я обидел тебя? В таком случае я прошу прощения.

Она ещё более любезно взглянула в его сторону и ответила:

– О, нет! Ты нисколько не обидел меня!

И сильно покраснела, а он отчего-то тоже покраснел, но затем девушка так же внезапно побледнела и приложила руку к груди, Вальтер же опять испугался:

– О Господи! Я вновь обидел тебя! В чём же на этот раз я допустил ошибку?

– Ни в чём, ни в чём, – сказала она. – Я почему-то чувствую беду, не знаю, словно какая-то мысль, появившись, охватила всю меня, но я даже не понимаю, какая. Может быть, я скоро разберусь в этом тревожном чувстве. Прошу тебя, оставь меня на время. Я посижу здесь, а когда ты вернёшься, я, быть может, пойму что-то, а может, и нет, но в любом случае поговорю с тобой.

Девушка выглядела серьёзной, и Вальтер спросил её:

– Сколько времени мне подождать?

Она нахмурилась:

– Недолго.

Он, улыбнувшись, отступил и отошёл к другому краю кольца дубов, но так, чтобы оставаться в поле зрения девушки. Там он стоял до тех пор, пока не показалось ему, что ждёт он уже очень долго, но Вальтер сдержался, решив, что девушка может отослать его снова, если он подойдёт чересчур рано, и он постоял ещё, пока опять не показалось ему, что он уже весьма долго ждёт, но она не звала его, поэтому он снова запретил себе оборачиваться, наконец, он поднялся, сердце его стучало, а сам он дрожал. Быстрым шагом Вальтер вернулся к девушке, которая всё ещё стояла у скалы на берегу ручья, свесив руки и опустив к земле глаза. Когда же он подошёл, девушка взглянула на него и пылко произнесла:

– Я так рада, что ты вернулся, хотя тебя и не было совсем чуть-чуть.

По правде говоря, не прошло и получаса.

– Я за это время передумала многое и теперь могу рассказать тебе кое-что.

– Милая девушка, – сказал он, – между нами ручей. Он неширокий, но не лучше ли будет мне перейти на твою сторону, чтобы мы могли посидеть рядом на зелёной траве?

– Нет, – возразила она, – ещё не время для этого. Подожди сперва, пока я не расскажу тебе о моих мыслях, всё своим чередом.

Она снова побледнела, с беспокойством разглаживая складки платья, и, помедлив, произнесла:

– Вот первое, что я могу тебе сказать: хоть ты и увидел меня впервые только час назад, ты сразу пожелал, чтобы я с тобой говорила любезно, быть может, как невеста. Если я не права, то больше мне нечего тебе поведать. Не на что будет и надеяться.

– Да! – чуть ли не закричал Вальтер. – Да, это так! Не знаю, как ты об этом догадалась, но всё это правда, и я признаюсь, что ты в самом деле моя любовь, моя заветная, желанная любовь.

Но тут девушка прервала его:

– Тс-с-с! Тише! И у леса могут быть уши, а говоришь ты громко. Имей терпение, и я как-нибудь объясню тебе, как я догадалась об этом. Не знаю, будет ли жить твоя любовь после того, как ты получишь меня. Не можешь знать этого и ты. По крайней мере, у меня надежда на это невелика. Хотя я и увидела тебя впервые менее часа назад, но я тоже сразу захотела говорить с тобой, захотела, чтобы ты был моим любимым, моим желанным. Вот так я догадалась или понадеялась на то, что и ты полюбил меня, мой друг. Теперь ты дорог мне, я полна радости и чувствую в своём сердце огонь, но я должна рассказать тебе о том страхе, о том зле, которое лежит между нами.

Тогда Вальтер протянул к ней обе руки и опять вскричал:

– Всё верно! И какое бы зло ни опутало нас, теперь мы оба знаем, что ты любишь меня, а я люблю тебя! Не подойдёшь ли ты поближе, чтобы я мог обнять тебя и поцеловать если и не твои мягкие губы или твоё милое лицо, то хотя бы твою маленькую ручку, или чтобы я мог как-то дотронуться до тебя?

Девушка посмотрела на Вальтера спокойно и сказала нежным голосом:

– Нет, друг мой. Ничто из этого пока невозможно, и то, что это невозможно, и есть часть зла, которое опутало нас, но послушай, милый, я ещё раз предупреждаю, что у тебя слишком громкий голос, а в этой глуши зло может оказаться где угодно! Итак, я сейчас напомнила тебе о том, что нам двоим уже было известно, а теперь я расскажу тебе о том, что знаю лишь я одна, ты же не знаешь. Но перед этим было бы лучше, если бы ты дал мне слово не касаться меня, может быть, только взять за руку, не больше, и тогда мы вместе отойдём немного от камня и ручья и сядем на открытой поляне. В этих местах легко может укрыться тот, кто захочет подслушать наш разговор.

Пока девушка говорила, она вновь побледнела. Вальтер ответил ей:

– Если так должно быть, то я даю тебе своё слово, потому что люблю тебя.

Когда он произнёс это, девушка преклонила колени, обулась и легко перепрыгнула через ручеёк, а затем они вдвоём, держась за руки, прошли около половины фарлонга* и сели в тени стройной рябины. Дерево стояло посреди поляны, на которой не было, кроме него, ни кустов, ни деревьев, где можно было бы спрятаться.

Девушка приняла рассудительный вид и сказала Вальтеру так:

– Вот, что я должна теперь поведать тебе. Ты пришёл в страну, где опасно искренне любить, поэтому, даю тебе честное слово, я была бы рада, если бы ты смог уйти отсюда живым, даже если это будет означать мою смерть от разлуки с тобой. Что же до меня, то опасность, грозящая мне, гораздо меньше той, что угрожает тебе, то есть опасности погибнуть. Вот, смотри, это железное кольцо на моей ноге – знак того, что я невольница, а ты понимаешь, как расплачиваются невольники за свои преступления. Более этого я не успею тебе ничего рассказать: ни кто я, ни откуда пришла, но когда-нибудь раскроется и эта тайна. Госпожа моя – злая, не знаю даже, могу ли я назвать её женщиной или нет. Некоторые считают её божеством и поклоняются ей как божеству, и нет божества более жестокого и более равнодушного к другим, чем она. Меня она глубоко ненавидит, но даже если бы она меня любила, мне бы это не помогло, когда бы ей вдруг захотелось наказать меня. Моё положение вряд ли изменится, но расставание со мной сейчас не принесло бы ей радости, только горе и боль, поэтому я и сказала, что моей жизни ничто не угрожает, до тех пор, конечно, пока какая-нибудь страсть внезапно не охватит её, и она не убьёт меня, хотя и будет позже сожалеть о содеянном. Её несдержанность – наименьшая из её страстей, но в несдержанности ей не отказать. Много раз плела она сети для очередного юноши, последней её добычей – а надеюсь, ты не станешь её добычей – был юноша, о котором я тебе уже говорила. Это сын короля. Он всё ещё у нас, и я боюсь за него. Недавно она наскучила ему, хотя не будет преувеличением сказать, что она прекрасней всех земных красот! Но она наскучила ему, как я сказала, и он обратил своё внимание на меня. Если бы я была неосторожна, он предал бы

меня величайшему гневу моей госпожи. Хотя он и благородный юноша, но сейчас он попал в неволю, и в нём нет больше сострадания. Теперь он стал трусом и готов уничтожить меня ради кратковременных радостей, а потом он снова будет стоять в хорошем настроении возле моей хозяйки и улыбаться ей, и она простит ему, но мне не будет прощения. Видишь, каково мне между этими двумя жестокими себялюбцами? Более того, есть и другие, о которых я пока не буду говорить тебе.

Девушка закрыла лицо руками и заплакала:

– Кто избавит меня от этой жизни в смерти?

Вальтер вскричал:

– Я! Я избавлю тебя! Зачем же ещё я прибыл в эту страну?

Он даже чуть было не обнял её, но вспомнил своё обещание и отпрянул в страхе, так как понял, почему она взяла с него такое слово. Вальтеру оставалось только плакать вместе с ней.

Тут девушка вдруг перестала рыдать и сказала уже другим голосом:

– Мой друг, ты говоришь о том, что избавишь меня, а ведь скорее я избавлю тебя от опасности. Теперь я попрошу прощения за то, что огорчила тебя своим горем. Ты не отгонишь его поцелуями и нежными объятиями. Я раздавлена воспоминанием о страданиях в этой стране и о радостях внешнего мира.

Девушка всхлипнула было, но сдержалась и продолжила:

– Теперь, мой друг и любимый, послушай внимательно, это важно, я расскажу, как тебе поступить. Во-первых, по тому, что урод встретил тебя у входа в нашу страну и дал тебе хлеба, я могу догадаться о том, что госпожа ждала тебя. Впрочем, твой приход сюда может означать только одно: она сплела свою сеть, и ты попался. Не припомнишь ничего, что подтвердило бы мою догадку?

Вальтер сказал:

– Трижды ясным днём я видел, как мимо меня прошли образы этого урода, тебя и славной дамы, будто это были живые люди.

И Вальтер вкратце пересказал ей, что с ним случилось после того, как он увидел трёх незнакомцев на пристани Лангтон-он-Хольма.

Девушка ответила ему:

– В таком случае я уже с уверенностью могу сказать тебе, что ты попался в её ловушку, как я и предполагала. Вот почему, мой друг, я не позволяю тебе целовать или ласкать меня, хотя бы я и сама желала этого. Одна госпожа будет обладать тобой, только для этого она и заманила тебя сюда. Она сведуща в колдовском искусстве (как и я в некотором смысле), и как только ты коснёшься меня или хотя бы моего платья рукой или губами, госпожа учует мою любовь к тебе, а если и пощадит тебя, то не пощадит меня.

Девушка замолчала, потупив взор, а Вальтер опечалился и смутился от понимания своей беспомощности, так как ничего не знал о колдовстве.

Наконец, девушка снова заговорила:

– Всё же мы не умрём, не попытавшись изменить свою участь. С этого момента ты знаешь, чего тебе опасаться, поскольку теперь она желает тебя, а не сына короля. Помни об этом всегда, какой бы она тебе ни показалась. Сын короля отныне волен любить кого хочет, пусть даже он этого ещё не знает, а значит, и я вольна сказать ему это. Впрочем, она настолько зла и своенравна, что может меня и за это наказать, даже если бы я и угадала её желание. Дай мне немного подумать.

Она снова надолго замолчала, а через время произнесла:

– Да, это опасно, и план, который я обдумываю, рискован, поэтому я пока не раскрою его тебе, и не спрашивай меня впустую. По крайней мере, не может быть ничего хуже того, что будет, если мы не попытаемся осуществить его, а сейчас, мой друг, из всех опасностей

самая страшная – наша разлука. И ещё одно я скажу тебе: ты полюбил ту, которая будет тебе верна, что бы ни случилось, но я не в силах продлить свою жизнь, и обещания мои перед угрозой смерти стоят так же мало, как если бы их дала тебе обманщица, но при этом ты, которого я полюбила, мил, верен, простодушен и смел. Если ты выстоишь перед всеми искушениями, то и сам спасёшься, и меня спасёшь, поэтому поклянёмся оба, что простим друг другу и обман, и всё невольное предательство в тот день, когда мы сможем любить друг друга открыто.

Вальтер воскликнул:

– Любовь моя, конечно, я поклянусь! Ты святая для меня, и я буду клясться, словно на мощах святых: клянусь на твоих руках и твоих ногах!

Эти слова были приятны девушке. Она засмеялась, покраснела и взглянула на Вальтера по-доброму, но затем её лицо снова стало серьёзным, и она сказала:

– А я клянусь твоей жизнью!

Затем она продолжила:

– Теперь тебе больше нечего здесь делать. Ты можешь идти прямо к Золотому дому, где живёт моя госпожа. Это единственный дом в здешних краях, кроме того, которого не видно. Золотой дом ты найдёшь к югу отсюда, идти здесь недалеко. Как она поступит с тобой, я не знаю, но всё, что я сказала о ней, о тебе и о сыне короля – всё правда, поэтому дам тебе ещё один совет: будь всегда осторожным и хладнокровным в своём сердце, какой бы вид тебе ни пришлось принять при этом. Если тебе придётся поддаться ей, то поддавайся как можно позже, чтобы выиграть время, но и не слишком поздно, чтобы не пришлось потом краснеть за то, что поддался из-за страха. Береги свою жизнь, мой друг, чтобы не повергнуть меня в неизбывное горе. Ты скоро снова увидишь меня: может быть, завтра, может быть, через несколько дней, только не забывай, что я делаю всё, что могу. Также следи за тем, чтобы не обратить на меня внимания больше, чем ты обращал его на ничтожных служанок на улицах твоего города. О, любовь моя! Печально наше первое расставание, как печальна и наша первая встреча, но верю, случится и новая встреча, и будет она лучше первой, а последнее расставание наступит ещё очень, очень не скоро.

С этими словами она встала со своего места, а Вальтер, ничего не говоря, опустился перед ней на колени. Затем он поднялся и пошёл прочь. Отойдя немного, он обернулся – девушка стояла там же. Только когда она увидела его спину во второй раз, она отвернулась сама.

Вальтер же продолжил свой путь по этой прекрасной стране, и его сердце было полно надежды и страха.

Глава XI
Вальтер встречается с госпожой

После расставания с девушкой, когда солнце преодолело уже более половины своего дневного пути, Вальтер определил по нему направление на юг, как ему и было велено. Он шёл быстрым шагом, словно спешащий на битву воин, которому кажется, что время перед встречей с врагом идёт слишком медленно.

За час до заката юноша увидел, как что-то светится и искрится за дубовыми стволами. Когда же он вышел на поляну, то стало ясно, что это чудно построенный дом из белого мрамора. На его светлых позолоченных стенах были вырезаны различные узоры и фигуры, тела и одежды которых были ярко раскрашены. Окна выглядели очень нарядно, перед массивной дверью возвышался портик с колоннами, а из колонн выступали очертания людей и животных. Вальтер взглянул на крышу – она вся светилась и сияла, так как была покрыта листами жёлтого металла, должно быть, настоящего золота.

Всё это Вальтер рассматривал на ходу, не задерживаясь. Он не хотел мешкать, поскольку решил, что перед смертью у него будет много времени и он успеет насмотреться на все эти красоты, но всё же юноша заметил, что, хотя дом и был небольшим, по убранству с ним не сравнился бы ни один дворец из любой части света.

Вальтер взошёл на крыльцо, вступил в сводчатый многоколонный зал, где стены были расписаны золотом и ультрамарином, на полу же поверх тёмного фона были рассыпаны разноцветные блёстки, а в окнах переливались разными цветами узорчатые витражи. Посреди залы искрился золотой фонтан. Вода сбегала по двум облицованным золотом и перекрытым серебряными мостиками стокам. Зал был очень длинным и плохо освещённым, поэтому только когда Вальтер прошёл фонтан, он заметил, что был не один. У другого конца на троне сидела та самая дивная дама, чей образ уже трижды являлся Вальтеру. Она надела те же золотые украшения с драгоценными каменьями, которые он некогда видел на ней. Словно яркий свет исходил от неё! Её вид слепил Вальтеру глаза, и, не в силах сделать больше ни шага, юноша упал на колени, но дама была не одна: рядом с ней сидел молодой мужчина, весьма приятный на вид, насколько мог судить Вальтер, в дорогих одеждах, перепоясанный мечом в ножнах, отделанных драгоценными камнями. На голове у него был надет жемчужный венец. Дама и мужчина держались за руки и, казалось, вели нежные речи, но они говорили так тихо, что Вальтер не слышал ничего, пока этот мужчина не произнёс громко:

– Ты заметила, что в зал вошёл человек?

– Да, – произнесла дама. – Я вижу – вон он стоит на коленях. Пусть он подойдёт ближе и расскажет нам о себе.

Вальтер встал и подошёл ближе. На лице его были смущение и стыд. Он смотрел на сидящих перед ним и удивлялся красоте дамы. Мужчина же рядом с ней был строен, черноволос, с правильными чертами лица, но на его внешность Вальтер почти не обратил внимания и даже не подумал, что тот похож на благородного человека.

Дама так и не сказала Вальтеру ни слова, зато мужчина спросил его:

– Почему ты не встаёшь на колени снова?

Вальтер хотел было ответить ему довольно грубо, но дама опередила его с ответом:

– Друг мой, какая разница, стоит ли он на коленях или нет. Пусть лучше скажет, если захочет, конечно, что он желает от меня и для чего пришёл сюда.

Вальтер, хотя и чувствовал себя слегка обиженным, был смущён видом дамы и ответил ей так:

– Госпожа, в своих странствиях я пришёл в эту землю и в твой дом, и если моё присутствие нежеланно для тебя, то я могу покинуть их и отправиться в дальнейший путь. Если ты велишь, я уйду из твоего дома и твоей страны.

Тогда дама посмотрела на Вальтера, и когда их взгляды встретились, он ощутил в сердце смешанное чувство: боль страха и боль желания. Теперь она обратилась к нему, но её слова звучали холодно, и нельзя было угадать в них ни гнева, ни какого-либо иного чувства.

– Чужестранец, – сказала она, – я не запрещала тебе находиться здесь. Ты можешь побыть у нас немного, если хочешь, но учти, что это не королевский двор. Мне, правда, поклоняется народ, а может, и несколько народов, но тебе о них лучше не знать. Слуг у меня двое, их ты увидишь. Один странен на вид, он может напугать тебя или по собственной прихоти причинить тебе зло, но он никому, кроме меня, не станет подчиняться по своей воле. Другой слуга, вернее, служанка – женщина, невольница. От неё мало толку, но если ей приказать, она делает женскую работу, которую никто другой не будет здесь делать… Впрочем, что тебе до этого? Да и я… зачем рассказываю всё это? Я никого не прогоняю, но если тебе у нас не понравится, то не жалуйся, ты можешь уйти, когда захочешь. Но я слишком долго говорю с тобой, ты же видишь, что у нас беседа с принцем. Ты сам тоже королевский сын?

– Нет, госпожа. Я всего лишь сын купца.

– Это не имеет значения, – ответила дама. – Ты можешь выбрать любую из комнат моего дома.

Сказав так, она продолжила свой разговор с сидящим подле неё мужчиной. Она говорила о птицах, певших под её окном этим утром, о своём купании в лесном пруду после утомительной охоты и о прочих подобных пустяках, и слова она произносила так, словно в зале не было больше никого, кроме неё и сына короля.

Вальтер ушёл от них пристыжённый, чувствуя себя так, как чувствует, наверное, бедняк у королевских ворот. Он подумал, что скорее возненавидит эту женщину, чем полюбит её, и что она никогда не прельстит его, несмотря на всю её красоту.

Больше в доме он никого не встретил. Стол был накрыт к ужину, постель была застлана, и всё было готово ко сну, но никого из детей Адамовых, кто делал бы это, Вальтер не видел. Никто его не приветствовал и никто ему ничего не запрещал. Вальтер поел, попил и лёг спать, оставив все мысли до следующего дня, когда он, возможно, вновь увидит знакомую девушку где-нибудь между восходом и закатом солнца.

Глава XII
Четыре однообразных дня в лесу за гранью мира

Когда Вальтер проснулся, никто его не ожидал, и даже не было слышно, чтобы в доме находился кто-то ещё, кроме него. Юноша позавтракал и вышел в лес. Он бродил среди деревьев, пока не наткнулся на ручей, в котором и умылся. После он лёг было под деревом вблизи ручья, но вскоре ему подумалось, что девушка может зайти за ним в дом, и он упустит её, поэтому Вальтер решил вернуться.

Надо сказать, что к северу от дома, на расстоянии в половину полёта стрелы, был орешник, вокруг которого росли деревья пониже дубов и каштанов, виденных Вальтером накануне. Здесь были в основном берёзы, кусты рябины да молодые ясени с порослью. Через эти заросли и проходил путь Вальтера, и когда он дошёл до выхода из них, то увидел, что дама прогуливается с королевским сыном, и тот нежно держит её под руку.

Вальтер решил, что будет невежливо снова прятаться в кустарнике после того, как его заметили, поэтому он спокойно пошёл к дому мимо гуляющих. Принц бросил на него хмурый взгляд, но дама не обратила на Вальтера никакого внимания, словно он был деревом из этого леса. Лицо её сияло улыбкой, особенно прекрасной утром, но прошлым вечером она была так высокомерна и так презрительна с Вальтером, что теперь он даже не посмотрел на её улыбку. Пара прошла, огибая орешник, и Вальтер не удержался и проводил их взглядом, так пленила его красота дамы, но тут случилось нечто неожиданное: когда гуляющие проходили орешник, ветви за их спиной раздвинулись и в просвете показался злобный карла. Тот ли самый или другой – Вальтер не знал. Одежды на карле практически не было: он прикрывался своими желтоватыми волосами да ещё был опоясан кожаной перевязью, на которой висел страшный обоюдоострый кинжал. Карла стоял, глядя на Вальтера, и ухмылялся, но не было похоже, чтобы он узнал юношу. Вальтер не мог понять, был ли это тот карла, которого он видел накануне, или другой. Затем карла упал на живот и пополз через высокую траву за дамой и её возлюбленным. Когда Вальтер увидел, как он ползёт, то подумал, что больше всего карла походил на хорька. Он полз удивительно быстро и скоро скрылся из виду. Вальтер же ещё долго смотрел ему вслед, а затем прилёг рядом с орешником так, чтобы хорошо видеть дом и вход в него, так как он решил, что скоро оттуда должна показаться девушка и как-нибудь успокоить его, но прошло несколько часов, а она не показывалась. Вальтер всё лежал там и лежал, да думал о девушке, да всё ждал с нетерпением, когда он увидит её, мудрую и добрую, пока, наконец, не мог уже воздерживаться более от слёз. И Вальтер заплакал в ожидании её. Затем он встал, подошёл к дому и в самом мрачном настроении сел на ступени крыльца.

В этот же момент он увидел, что дама и её спутник возвращаются. Принц помог своей госпоже подняться по ступеням, и она прошла так близко от Вальтера, что он уловил аромат её одеяний, почувствовал, как гладкий шёлк прикасается к нему, но не укрылось от юноши и то, что одежды дамы были в беспорядке: правой рукой (за левую её вёл сын короля) она придерживала ткань на груди, рукав на правом плече был порван. Когда пара миновала Вальтера, принц вновь метнул на юношу угрюмый взгляд. Он не сказал ни слова, но вид его был ещё более свиреп, чем раньше, зато его спутница опять не обратила на своего гостя никакого внимания.

Когда дама с принцем прошли мимо, Вальтер решил вернуться в дом. Колонный зал был пуст, стояла тишина, и только еле слышно журчал фонтан. Обед был уже на столе. Вальтер ел и пил в одиночестве, а когда подкрепился, снова вышел в лес, чтобы искать и ждать. Без прекрасной девушки время тянулось для него нестерпимо медленно.

Юноша решил, что на этот раз будет ночевать не в доме, а под сенью леса, но только стемнело, как в резных воротах появился сын короля в ярких одеждах и направился прямо к Вальтеру.

– Тебе следует войти в дом, – сказал он. – Пройди сейчас же в свою комнату и не смей покидать её впредь с самого заката до тех пор, пока не рассветёт! Моя госпожа боится выходить, когда ты бродишь в темноте вокруг дома.

Сказав это, сын короля отвернулся и пошёл обратно в дом. Вальтер последовал за ним, вспомнив предостережения девушки и здраво рассудив, что не стоит возражать ему.

Посреди ночи Вальтер проснулся. Ему показалось, что он слышал поблизости чей-то голос. Он встал, огляделся, думая, что это девушка пришла говорить с ним, но комната, погружённая в полумрак, была пустой. Тогда Вальтер подошёл к окну и выглянул наружу. Луна ярко светила, позволяя хорошо разглядеть поляну у дома. По поляне гуляли дама и сын короля. На нём была пёстрая лёгкая одежда из тонких тканей, но на ней не было ничего, и только длинные светлые волосы прикрывали её тело. Вальтеру стало стыдно, что он смотрел на даму в таком виде, когда рядом с ней находился мужчина. Он лёг обратно в постель, но пока не заснул, перед его глазами стоял образ светловолосой женщины на росистой траве в лучах луны.

Следующий день был схож с этим, как две капли воды, и следующий за ним тоже. Вальтер грустил всё больше, и мучительно тягостно ему было ждать исполнения своих надежд. Четвёртое утро также ничем не отличалось от предыдущих. Когда настала полуденная жара, Вальтер, надеясь укрыться в тени, направился к орешнику, где лёг и уснул, утомлённый тяжким своим ожиданием. Скоро его разбудили голоса, которые Вальтер сразу же узнал. Они принадлежали даме и сыну короля.

Принц как раз закончил говорить, и Вальтер услышал госпожу. Сладким и тихим, но сильным и даже с небольшой хрипотцой голосом она произнесла:

– Отто, мне думается, было бы лучше иметь чуть больше терпения, пока мы не выясним, что он за человек и откуда прибыл, а избавиться от него будет легко в любое время. Достаточно сказать одно слово нашему карле-королю, и дело будет окончено за пару минут.

– Терпение! – сердито воскликнул принц. – Я не знаю, какое может быть терпение, пока он здесь! Я же вижу, что он груб, и резок, и своеволен. Всего лишь хитрец низкого происхождения! На самом деле я понимаю, что у него самого терпения достаточно. На днях я загнал его домой, как собаку! И у него не хватило мужества ответить мне! Признаюсь тебе, что, когда он шёл за мной, я думал обернуться и дать ему пощёчину, чтобы увидеть, смогу ли я выудить из него хотя бы одно слово брани!

Дама засмеялась:

– Отто! Не знаю, что и сказать тебе! То, что ты считаешь трусостью, на деле может оказаться рассудительностью и мудростью. Он чужой здесь, все его друзья далеко, а враги близко. Думаю, нам следует испытать его. Впрочем, я не советую тебе испытывать его пощёчинами, разве что при нём не окажется оружия, а его руки будут связаны. Иначе ты будешь недолго радоваться своему удару.

Когда Вальтер услышал, каким голосом она это сказала, её слова не могли не тронуть его, и он в своём одиночестве подумал, что ответ дамы прозвучал дружелюбно.

Вальтер не шевелился, а сын короля тем временем отвечал:

– Я знаю, как ты надеешься использовать этого бродягу. Ты хочешь посмеяться надо мной. Думаешь, его дерзость тебе поможет, но ты ничего не знаешь о причинах этой дерзости. Если ты считаешь, что я недостоин тебя, отошли меня прочь. Я вернусь в страну отца: там все будут меня почитать, да и в женской любви я не испытаю недостатка.

С этими словами принц, видимо, пытался приобнять даму, потому что она сказала:

– Нет, не клади своей руки на моё плечо. Сегодня это рука не любви, но гордыни и безрассудства. Ты уже мечтаешь о господстве надо мной! И покинуть эти земли я тебе не позволю, пока твой нрав не смягчится. Нельзя допустить, чтобы ты уехал от меня в гневе.

За этими словами последовало молчание, а потом снова раздался голос принца:

– Моя госпожа, я прошу тебя простить меня! Но неужели ты не видишь, что я боюсь того, что ты могла охладеть ко мне? И только поэтому во мне родились раздражительность и ревность. Насколько же ты выше всех королев мира! А я всего лишь бедный юноша, который без тебя был бы никем!

Дама молчала, и сын короля продолжил:

– Разве я не буду прав, о, моя богиня, если скажу, что этот сын купца даже не обратил внимания на тебя, на твою красоту и на твоё величие?

Дама засмеялась и возразила:

– Возможно, он просто не верит, что сможет чего-то добиться от меня. Он же видит, что ты постоянно рядом со мной. Кроме того, я всегда говорила с ним холодно, жёстко и высокомерно. Бедный юноша, он так ослеплён моей красотой и так смущается передо мной! Всё это очень хорошо видно по его глазам и по выражению его лица.

Последние слова дама снова произнесла таким добрым и приятным голосом, что Вальтер не мог оставаться равнодушным. Он даже подумал, не знает ли она о том, что он близко и всё слышит, а потому и говорит как для сына короля, так и для него, но её собеседник точно не догадывался об этом и отвечал так:

– Госпожа, разве ты не видишь, что его глаза в последнее время блуждают в поисках другой красавицы, не тебя? Если ты спросишь меня, то я не считаю невероятным предположение, что он мог полюбить твою служанку.

Он говорил сбивчивым голосом, словно съёжившись в страхе перед надвигающейся грозой, и когда дама ответила, её тон и в самом деле изменился, но он не был гневен, скорее резок, напряжён и холоден одновременно. А ответила она ему так:

– Верно, этот вариант не стоит исключать, но не следует и постоянно думать о моей невольнице. Если то, что ты говоришь, правда, мы узнаем это при следующей же встрече с ней, и если она будет лукавить, тем хуже для этой девчонки! Тогда мы поговорим с ней у фонтана в зале и выпытаем всю правду о том, что произошло у источника в лесу.

Принц задал ещё один вопрос, и голос его дрожал всё больше:

– Моя госпожа, не лучше ли будет выпытывать истину у него самого? Служанка стойкая и не скоро поведает нам правдивую историю, а вот юношу, я думаю, несложно будет заставить признаться.

– Нет, нет, – резко прервала его дама. – Я сделаю так, как сказала.

После минутного молчания дама продолжила:

– А вдруг окажется, что он и есть наш господин?

– Такого не может быть! – воскликнул сын короля. – Ты смеёшься мне в глаза! Чтобы при твоём огромном могуществе и безграничной мудрости над тобой властвовал этот грубиян?

– А я могу и не позволить ему командовать, мой принц! Я знаю, и я говорила тебе это, что у тебя на сердце, но ты не знаешь, что на сердце у меня. Но успокойся! Я вижу, ты просил за эту девушку – нет, не по словам я поняла твои чувства, но я вижу, что ты просил за неё по твоим трясущимся рукам, по беспокойным глазам, по нахмуренному лбу, и так как ты просил за неё, я буду к ней благосклонна на этот раз, но я не уверена в том, поможет ли ей твоё заступничество в будущем. Пойми это, Отто! Ты так часто обнимал меня… А теперь ты можешь уходить, если хочешь.

Вальтеру показалось, что сын короля остолбенел от слов дамы, потому что он ничего не ответил, но вскоре поднялся с травы, на которой сидел, и отправился медленным шагом

к дому. Дама ещё немного полежала на полянке, а затем также ушла, но в лес, в ту сторону, откуда пришёл Вальтер, когда впервые увидел её Золотой дом.

Вальтер был потрясён услышанным и не знал, что и думать. Ему казалось, что за этим разговором скрываются ужасные, коварные дела, и от таких мыслей в душе юноши нарастал гнев. Всё же, рассудив, он решил, что ничего предпринимать сейчас не стоит. Ему следует считать себя связанным по рукам и ногам до тех пор, пока он снова не встретится с девушкой.

Глава XIII
Перед охотой

На следующее утро Вальтер проснулся рано, но в унынии, на сердце у него было тяжело, и он ничего уже не ждал от нового дня, не сомневаясь в том, что перемен не будет, как не было их в предыдущие четверо суток, но он ошибся. Когда Вальтер спустился в Колонную залу, дама была уже там. Она восседала на троне в одиночестве, одетая в лёгкое платье из белого льна. Когда дама услышала шаги Вальтера, она обернулась, а увидев юношу, обратилась к нему:

– Подойди, гость.

Вальтер подошёл к ней, и она продолжила:

– Тебя не приняли как полагается в этом доме, тебя не почтили, но ты не покинул меня. По правде говоря, ты и не можешь покинуть мои владения без моей же помощи, но я благодарна тебе за то, что ты ждал моих распоряжений и терпел все эти четыре долгих дня не жалуясь. Я не считаю тебя неблагородным человеком. Ты крепок и хорошо сложен, ты обладаешь ясным взором и на вид кажешься храбрым, и сейчас я задам только один вопрос: хочешь ли ты служить мне, отблагодарив таким образом за то, что я приняла тебя в своём доме?

Вальтер отвечал ей сперва довольно сбивчиво, так как был поражён резкой переменой в её отношении к нему. Теперь дама говорила с ним дружелюбно, так, как знатная дама обычно говорит с юношей, желающим оказать ей услугу. Ответил же он так:

– Госпожа, я покорно и от всего сердца благодарю за предложение служить тебе. В эти дни я готов был проклясть бесплодность моих ожиданий, ведь я не мог просить ничего больше искренней службы у славной хозяйки.

Дама слегка нахмурилась и сказала:

– Не называй меня хозяйкой. Только один человек в этом доме так обращается ко мне – моя служанка, а ты ведь не мой слуга. Называй меня дамой и, будь любезен, стань моим оруженосцем. В этом новом качестве ты послужишь мне на охоте. Приготовь то, что тебе потребуется: возьми лук и стрелы, прикрепи к поясу меч. В этой прекрасной земле водятся животные и более опасные, чем кролик с оленем. Сейчас я удалюсь: хочу одеться к охоте, пока день ещё молод, чтобы продолжение этого летнего дня было самым счастливым!

Вальтер поклонился даме, а она поднялась и удалилась в свои покои. Тогда юноша собрал всё необходимое и вышел на крыльцо, чтобы скоротать время там. Ждать ему пришлось менее часа, но вместе с дамой из дома появилась её служанка, и, когда Вальтер увидел её, сердце его забилось, и только с трудом он заставил себя не смотреть слишком пристально на свою дорогую подругу. Одета она была так же, как и при первой их встрече, и ничего не изменилось в её облике, разве что зародилась в ней любовь с тех пор, и она приложила много усилий, чтобы не открылось это чувство её хозяйке, которая, впрочем, не обращала внимания на служанку или, по крайней мере, делала вид, что не замечает её, а в лице самой девушки, казалось, читались внимание и готовность угодить своей госпоже.

Вальтер не понимал, почему девушка была такой спокойной и такой обходительной со своей хозяйкой, ведь он помнил о презрении, которым окружали её в неволе, помнил и все угрозы, слышанные им от её хозяйки. Вальтер встал перед дамой на колено, а та сказала девушке, указывая на него:

– Посмотри, моя служанка, на нашего нового оруженосца, как он красив! Каким храбрецом он будет в зелёном лесу! Посмотри, разве он не хорош собой? Разве не волнительно думать о всех тех опасностях, страхе и бедствиях мира вне леса, которые он преодолел, чтобы дойти до нашей блаженной земли, чтобы поселиться здесь под одной крышей со своей

госпожой и её служанкой? А ты, мой оруженосец, посмотри на эту красивую, стройную девушку и скажи, нравится ли она тебе? Разве есть что-нибудь более милое в этом одиноком месте?

На лице дамы сияла искренняя добрая улыбка, лицо Вальтера также не выражало всей его внутренней борьбы, хотя и сложно ему было не смотреть на любимую девушку, а сама девушка настолько владела собой, что нельзя было и заподозрить, что на её лице отражаются ложные чувства. Служанка стояла со скромным, но счастливым видом, слегка улыбаясь, краснея, опустив глаза, словно смущаясь красивого незнакомого юноши.

Дама взглянула на неё мягко и сказала:

– Подойди, дитя, не бойся этого честного и свободного человека. Он сам, похоже, немного боится тебя и уж точно боится меня. Боится, впрочем, как любой мужчина.

С этими словами она взяла служанку за руку, притянула к себе и прижала к своей груди, поцеловав в щёки и в губы, затем слегка расшнуровала платье, оголив одно плечо, и приподняла юбку девушки так, чтобы видны были ноги, обратившись затем к Вальтеру:

– Посмотри сюда, мой оруженосец! Какая замечательная вещица обитает среди наших грубых дубов! Что ты смотришь на железное кольцо на её ноге? Это всего лишь знак того, что она моя, и я не могу без неё.

Дама, взяв служанку за плечи, развернула её, будто шутя, и сказала:

– Теперь иди и приведи сюда наших серых борзых. Нам предстоит вернуться с добычей, чтобы не угощать этого славного воина хлебом да мёдом.

Служанка ушла, стараясь не оглядываться на Вальтера, как ему показалось. Сам же юноша стоял в сильном замешательстве: он был смущён как чистосердечной добротой этой благородной дамы, так и тем, что по-новому взглянул на красоту девушки, которую только и жаждал увидеть с тех самых пор, как впервые переступил порог этого дома. И само это ожидание, и то, что случилось во время него, казалось ему теперь лишь страшным сном.

Вальтер стоял, думая обо всём этом и глядя перед собой в одну точку, как вдруг дама прервала его размышления, рассмеявшись ему в лицо и коснувшись его руки со словами:

– Что ж, оруженосец, разве теперь, когда ты увидел мою служанку, ты не остался бы дома ради возможности поговорить с ней? Только помни слово, которое ты дал мне сегодня! И ради тебя скажу ещё одно, пока её нет с нами. Я прежде всего хотела теперь удалить тебя из дома, потому что есть и другие глаза, и довольно привлекательные глаза, что смотрят на мою белолокотную служанку! И кто знает, не обнажатся ли мечи, если я не буду более внимательной и не уберегу своего оруженосца от всякого пылкого желания?

Сказав это, дама сделала шаг в сторону, и Вальтеру стал виден орешник. Ему вдруг показалось, что он снова заметил то изжелта-коричневое, полное злобы существо, ползущее под ветвями деревьев, а обернувшись на даму и встретившись с ней глазами, он на какое-то мгновение понял, что смотрит она совсем не тем искренним и добрым взглядом, какой был у неё на протяжении всего времени разговора. Но выражение лица дамы сразу же поменялось, и она вновь весело и сладкозвучно обратилась к Вальтеру:

– Вот и хорошо, господин оруженосец: ты теперь пришёл в себя и, может, уделишь немного внимания своей даме?

Когда Вальтер увидел, что дама была неискренна, он ужаснулся тому, что может произойти с ним и с девушкой, если он не возобладает над своей страстью и не скроет её, поэтому он опустился перед дамой на одно колено и заговорил с ней тем же уверенным тоном, каким и она говорила с ним.

– Самая великодушная из дам, ты ошибаешься, – произнёс он. – Я и не намерен пережидать сегодня в доме, когда ты будешь на охоте, и если речь моя затруднена, если взгляд мой блуждает, то это потому только, что разум мой оцепенел от твоей красоты да от твоих медовых слов.

Дама рассмеялась ему в лицо, но презрения не было в этом смехе. Она произнесла:

– Это хорошо сказано, мой оруженосец. Именно такие слова оруженосец и должен был сказать даме, которой он служит, в час, когда утро прекрасно, когда с неба светит солнце и когда она и он сам, как и весь мир, радуются.

Дама стояла так близко, что положила руку на плечо Вальтеру, и он мог видеть её сияющие глаза. На самом деле смущённый вид юноши не был так уж неискренен. Ведь, несомненно, не существовало никого прекрасней этой дамы: в своём охотничьем наряде она походила на языческую богиню-охотницу. Зелёное платье ниспадало складками, на ногах были обуты сандалии, в руке дама держала лук, а за её спиной висел колчан. Дама была выше и крупнее фигурой, чем милая Вальтеру девушка, белее лицом и ярче цветом волос. Свежестью и благоуханием она могла сравниться лишь с прекраснейшим цветком.

Она сказала:

– Ты похвально вёл себя, оруженосец, прежде охоты, и если ты так же славно покажешь себя на охоте, всё будет хорошо, и ты останешься желанным гостем в моём доме. Смотри! Вот и служанка возвращается с нашими серыми борзыми! Подойди к ней, и мы отправимся в лес, как только ты примешь свору из её рук.

Вальтер взглянул в ту сторону, куда показывала дама, и увидел служанку, которая приближалась к ним с двумя парами тянущих её за собой борзых на привязи. Он с небрежной легкостью подбежал к ней, думая, не взглянет ли она на него или не шепнёт ли слово, но она передала ему ремни с той же смущённой полуулыбкой на лице, а затем пошла к даме, покачиваясь на ходу, как ива на ветру, и встала перед своей госпожой, опустив руки. Тогда дама повернулась к ней и сказала:

– Смотри за собой, моя служанка, пока нас не будет. Этого юношу тебе не стоит бояться, он честный и верный, но я не знаю, как тебе быть с сыном короля. Ведь он горяч в любви и упрям, а сейчас в его душе сидит злоба и к тебе, и ко мне. Если ты поступишь по его воле – только недоброе принесёт это тебе, а если не поступишь – опасайся его. Тогда лишь я одна смогу встать между его яростью и тобой. Вчера он был прям со мной: он сказал, что хочет наказать тебя, как наказывают невольников, но я попросила его попридержать такие слова, и язвила ему, и смеялась над ним, пока он, раздражившись, в ярости не покинул меня. Так что помни об этом, чтобы не попасть в западню, расставленную его коварством.

Девушка бросилась даме в ноги, целуя и обнимая их, затем она встала, и дама грациозно положила руку ей на голову, громко сказав Вальтеру:

– Теперь, мой оруженосец, давай оставим все эти заботы, хитрости и страсти позади! Пронесёмся через зелёный лес подобно язычникам старых дней!

С этими словами дама подобрала подол своего платья так, что показались белые ноги, и быстрым шагом направилась в сторону леса, который лежал к югу от дома. Вальтер пошёл за ней, удивляясь её красоте и не дерзая обернуться на девушку. Он знал, что она томилась по нему и что на неё он мог полагаться, чтобы избавиться от оков этого дома, от коварства и лжи.

Глава XIV
Охота на оленя

По мере того как охотники углублялись в лес, ландшафт менялся. Становилось меньше огромных раскидистых деревьев, зато чаще встречались заросли. В одной из них охотники подняли оленя-пятилетку, и Вальтер, спустив собак, сам припустил за ними. Дама была рядом. Она бежала неожиданно быстро, хорошо справляясь с дыханием. Вальтер мог только удивляться, как она поспевала за собаками. Борзые неслись изо всех сил, не обращая внимания на колючий кустарник да удары упругих ветвей, но олень опережал и собак, и охотников, и, наконец, ушёл в густые заросли, за которыми виднелось большое озеро. Охотники последовали за ним, но олень бросился в воду и у них на глазах переплыл на другой берег, пока преследователи пробирались через спутанные ветви. Надежды нагнать его больше не было, и на первый раз охотники остались ни с чем.

Дама бросилась на прибрежную траву, а Вальтер созвал собак и разбил их по парам. Затем он обернулся к даме и тут заметил, что она плачет от злости из-за того, что они упустили добычу, и снова Вальтер удивился тому, как легко появляются у неё слёзы от любого волнения. Он не решался спросить, что тревожит её, или попробовать утешить её, но не мог и оставаться равнодушным к тому, какой прекрасной она была и в горе.

Наконец, дама подняла голову, обернулась к Вальтеру и сказала ему сердито:

– Оруженосец! Отчего ты смотришь на меня таким глупым взглядом?

– Действительно глупым, моя госпожа, – отозвался он, – но глуп я оттого, что вижу тебя и не могу ничего другого делать, кроме как смотреть на тебя.

Дама ответила капризным голосом:

– Фу! Оруженосец, день ещё далеко не закончился, чтобы заниматься любезными разговорами. То, что было уместно дома, неуместно здесь. Кроме того, учти: я знаю о том, что у тебя на сердце больше, чем ты думаешь.

Вальтер понурился и покраснел, а дама посмотрела на него и по-доброму улыбнулась:

– Послушай, оруженосец, мне жарко, я устала и в плохом настроении от того, что мы упустили дичь, но сейчас мне станет лучше. Мои колени и плечи подсказывают мне, что холодная вода этого озера приятна жарким полднем, и я забуду свои неудачи, когда окунусь в неё, поэтому отойди с борзыми за кустарник и жди меня там, но не смей оборачиваться, слышишь! Если обернёшься – остерегись, пожалеешь! Я не заставлю тебя долго ждать.

Вальтер поклонился в ответ, повернулся и пошёл прочь. Теперь, когда он отошёл от дамы на какое-то расстояние, он считал её совершенством и практически забыл все свои сомнения и страхи, и уже неважно было, явился ли перед ним чистый образ безо лжи и порока или злое существо в обличье прекрасной женщины. В действительности же, когда Вальтер увидел, как она ласкала дорогую ему и желанную им девушку, сердце его вновь отвернулось от дамы, и хотя его глаза и уши позже говорили обратное, тогда эта женщина была для него змеёй, обвившей тело простой девушки, которую он любил.

Но теперь дама изменилась совершенно. Вальтер лежал на траве и ждал, когда она придёт. Она появилась примерно час спустя, улыбаясь ему, и была свежей и радостной, и зелёное платье на ней спускалось до самых пят.

Вальтер вскочил ей навстречу, а дама подошла к нему ближе и спросила, смеясь:

– Оруженосец, нет ли еды в твоей сумке? Помнится, я накормила тебя, когда ты пришёл голодный ко мне в дом. Теперь твоя очередь оказать мне ту же услугу.

Вальтер по-простому, смущённо улыбнулся ей и достал из своей сумки хлеб, мясо и вино, затем он разложил еду на траве перед дамой, а сам покорно встал рядом, но дама запротестовала:

– Нет, нет, мой оруженосец, садись рядом со мной и ешь со мной. Сегодня мы оба охотники.

Вальтер подчинился, чувствуя дрожь в теле, но дрожал он не от благоговения перед её величием и не от страха и ужаса перед её коварством и колдовской силой.

Некоторое время охотники сидели за едой, и дама говорила с Вальтером о многочисленных землях, в которых он бывал, да об обычаях тамошних жителей. Наконец, она сказала:

– Ты поведал мне многое и ответил на многие мои вопросы, как следует верному оруженосцу, желающему ублажить свою даму. Теперь же поведай о том городе, где ты был рождён и где вырос. Об этом городе ты мне ничего ещё не рассказывал.

– Моя госпожа, – отвечал ей Вальтер, – это большой и красивый город, и многим он нравится, но я покинул его, и больше он для меня не существует.

– Разве у тебя там нет родни? – удивилась дама.

– Есть, – ответил юноша. – И родня есть, и враги. Есть и лживая женщина, ждущая меня там, чтобы лишить жизни.

– Кто же она? – заинтересовалась дама.

И Вальтер тогда ответил:

– Она моя жена.

– Она была красивой женщиной?

Вальтер помолчал немного, а затем произнёс:

– Вначале я хотел сказать, что она казалась почти такой же прекрасной, как и ты, но вряд ли это было так на самом деле. Всё же она была очень красива. А сейчас я скажу тебе о другом, моя добрая и милостивая госпожа. Мне странно, что ты так подробно расспрашиваешь меня об этом городе Лангтон-он-Хольм, в котором я был рождён и в котором до сих пор живёт моя родня. Я считал, что ты и сама должна его хорошо знать.

– Почему я должна его знать? – удивилась дама.

– Отчего же ты удивлена? Ты не знаешь этого города?

И снова презрение проскользнуло в словах дамы:

– Ты думаешь, что я брожу по свету в поисках всяких ярмарок подобно купцам? Ты ошибаешься, ибо я живу в Лесу за Гранью Мира, и больше нигде меня не найти. Почему же ты задаёшь такие вопросы?

– Прошу простить меня, моя госпожа, если я поступил неверно, спросив тебя об этом. Дело же было так: мои собственные глаза видели трёх чужестранцев на пристани Лангтона. Я наблюдал за тем, как они взошли на корабль и уплыли из гавани. Первым из них шествовал странного вида карла, которого я уже встретил здесь. Вслед за ним ступала твоя служанка, а за ней шла ты, моя милостивая и прекрасная дама.

Пока Вальтер говорил, выражение лица дамы менялось. Она покраснела, затем побледнела, сжала зубы, но позже взяла себя в руки и сказала:

– Оруженосец, я верю, что ты не лжёшь и не выдумываешь. Я верю, что ты видел нечто, что было очень похоже на меня, но сама я никогда не была в Лангтоне, и не думала даже об этом, и даже не знала о существовании такого города до тех пор, пока ты не назвал мне это место. Я считаю, что некий враг создал мой образ в той земле.

– Какой же враг, – удивился Вальтер, – мог сделать это?

Дама ответила не сразу. Наконец, трясущимися от гнева губами она произнесла:

– Разве ты не знаешь поговорку о том, что врагов следует искать в собственном доме? И тому, о ком мы говорим, чёрным покажется день, когда я найду его.

Сказав это, дама вновь замолчала, сжав кулаки и стиснув зубы от гнева. Вальтер даже испугался того, что она припомнит ему сейчас все его промахи за этот день. Он подумал, что напрасно рассказал ей так много, но вскоре дама опять приняла беспечный вид, хорошее настроение вернулось к ней, и вновь любезно и по-доброму она обратилась к Вальтеру:

– Честно говоря, что бы там ни было, я благодарна тебе, мой оруженосец и мой друг, за то, что ты мне рассказал всё это, и уж ни в коем случае не считаю, что ты лгал мне, да и кроме того, разве не это видение привело тебя сюда?

– Несомненно оно, моя госпожа.

– В таком случае, мы должны поблагодарить того, кто его создал, ты ведь желанный гость в нашей земле.

С этими словами дама протянула Вальтеру руку, а он, встав на колени, взял её и поцеловал, и словно раскалённое железо пронзило его сердце! Вальтер почувствовал, что слабеет, голова его отяжелела, но он продолжал держать руку дамы в своей руке и многократно целовал её: и кисть, и запястье, и выше, до плеча, не понимая, где он находится в этот момент.

Наконец, дама слегка отодвинулась от него и встала.

– Сейчас уже давно день, и если мы не хотим вернуться без дичи, нам предстоит решительнее взяться за дело, так что поднимись, оруженосец, возьми борзых и следуй за мной. Я знаю, что недалеко отсюда есть заросли, дающие прибежище множеству оленей: и больших, и маленьких. Пойдём же скорей!

Глава XV
Добыча

Охотники прошли молча ещё с полмили. Порой дама просила Вальтера следовать рядом с ней, а не сзади, как полагалось бы слуге. Время от времени она дотрагивалась до руки юноши, обращая его внимание то на зверя или птицу, то на дерево, и это приятное ощущение её тела настолько переполняло Вальтера, что, бывало, он не мог думать ни о чём больше, кроме как о ней.

Когда же они подошли к началу зарослей, дама повернулась к Вальтеру и сказала:

– Оруженосец, я неплохой следопыт, и теперь не стоит бояться, что мы оплошаем во второй раз. Я применю хитрость. Натяни тетиву и жди меня здесь, не двигаясь, а я без собак войду в заросли и подниму зверя на тебя. Тогда я и посмотрю, насколько ты быстр и точен в стрельбе, и если ты оправдаешь мои ожидания, то получишь награду от меня.

С этими словами она снова подоткнула подол юбки за пояс, взяла свой гнутый лук, достала из колчана стрелу и, легко ступая, скрылась в зарослях, оставив Вальтера с нетерпением ждать, когда он увидит её снова. Он различал шорох сухой листвы у неё под ногами да треск кустарника, когда она продиралась сквозь него.

Ждал он несколько минут, а потом услышал со стороны зарослей крик, отдалённо похожий на тот, которым охотники поднимают добычу. Вальтер плавно, без суеты пустился в направлении голоса, по дороге понимая, что что-то, по-видимому, пошло не так.

Не успел он углубиться далеко в заросли, как увидел стоящую посреди небольшой поляны даму с бледным, как смерть, лицом. Колени её подогнулись, тело качалось и тряслось, руки бессильно свисали, лук и стрела лежали рядом, а в десяти ярдах перед ней припало к земле, медленно приближаясь к жертве, косматое чудовище в жёлтой шкуре.

Вальтер тотчас же остановился. Одна стрела уже лежала на тетиве, и ещё одну он держал в правой руке. В мгновение ока он натянул и спустил тетиву. Стрела пролетела близко от дамы, и, словно молния с небес, глубоко вонзилась в плечо жёлтого льва. Лес сразу огласился громким рыком. Зверь заметался, пытаясь перекусить стрелу, но Вальтер сразу же выпустил вторую и, откинув лук, бросился на льва с обнажённым мечом в руке, пока тот катался по земле и не мог кинуться на жертву. Осторожно Вальтер приблизился к нему и, вонзив меч прямо в сердце, отпрянул назад, опасаясь того, что умирающий зверь может ударить его лапой, но вот силы покинули льва, рык унялся, и он уже лежит бездыханный у ног охотника.

Вальтер недолго смотрел на него, он повернулся к даме, а она беззвучно, в неестественно согнутой позе рухнула на землю там, где стояла. Тогда Вальтер встал перед ней на колени, придерживая её голову, и просил подняться, поскольку враг её был повержен. Вскоре она потянулась, легла прямо и перевернулась на траве, словно спала. На её лицо вернулся румянец, напряжение спало, и улыбка скользнула по губам. Так дама лежала ещё какое-то время, а Вальтер сидел рядом и смотрел на неё. Наконец, она открыла глаза, села и, узнав Вальтера, улыбнулась ему, спросив:

– Что случилось, оруженосец? Почему я заснула и видела сны?

Вальтер ничего не отвечал ей. Наконец, память вернулась к даме, она поднялась, дрожа и бледнея, и попросила:

– Покинем этот лес, ибо враг ещё здесь.

Дама шла быстрым шагом впереди Вальтера всё время, пока они не выбрались из зарослей к тому месту, где оставили собак. Борзые ждали их, нетерпеливо скуля. Пока Вальтер собирал их по парам, дама не стала медлить, а так же быстро пошла дальше, в сторону дома. Наконец, освободившись, Вальтер пустился догонять её.

Дама уже замедлила шаг и, обернувшись к Вальтеру, сказала:

– Оруженосец, подойди ко мне.

Когда же он подошёл, она попросила:

– Я снова утомилась. Давай сядем под этой рябиной и отдохнём.

Они сели, и дама сначала молча смотрела себе на колени, а затем спросила:

– Почему ты не снял со льва шкуру?

Вальтер ответил:

– Госпожа, я вернусь и сниму с него шкуру, и принесу её тебе.

Вальтер поднялся было, но дама ухватила его за край одежды, притянув обратно:

– Нет, тебе не следует идти, подожди вместе со мной здесь. Сядь рядом.

Вальтер сел, и дама обратилась к нему:

– Тебе сейчас нельзя уходить от меня. Я очень боюсь: раньше я никогда не смотрела в лицо смерти.

Когда дама сказала это, она побледнела, поднесла руку к груди и ненадолго замолчала. Наконец, она, улыбаясь, повернулась к Вальтеру:

– Как я выглядела, когда стояла перед лицом врага?

И она положила свою руку на руку юноши.

– Обворожительно! – ответил Вальтер. – Ты была прекрасна, как всегда, но я боялся за твою жизнь.

Дама же, не убирая руки, произнесла:

– Мой добрый и верный оруженосец! Я обещала прежде, чем вошла в те заросли, что награжу тебя, если ты добудешь зверя, и вот зверь мёртв, хотя ты и оставил его шкуру. Проси же теперь награды, но прежде хорошо обдумай, какой она должна быть.

Вальтер чувствовал тепло её руки и вдыхал её сладкий аромат, смешавшийся под жарким полуденным солнцем с лесными запахами, и сердце его было затуманено желанием. Вальтер уже собрался было просить даму в качестве награды отпустить служанку, чтобы они могли вместе уехать в другие земли, но мысль его разрывалась между двумя этими влечениями. Дама же, проницательно наблюдавшая за ним, сняла свою руку с его, и сразу же сомнение и страх проникли в душу Вальтера, и он промолчал и не стал просить.

Дама весело засмеялась и сказала:

– Наш добрый оруженосец оказался робким! Он боится дамы больше, чем льва! Скажи, будет ли для тебя наградой поцеловать меня в щёку?

Дама склонила к Вальтеру своё лицо, и он поцеловал её в бархатистую щёку, а затем сел, продолжая глядеть на неё и думать о том, что же случится с ним на следующий день, а дама поднялась и сказала ему:

– Пойдём, оруженосец, вернёмся домой. Не надо смущаться. Остальную награду ты получишь позже.

Дальше они шли в молчании и вернулись домой незадолго до заката. Вальтер оглядывался в поисках девушки, но её не было. Дама же сказала ему:

– Я иду в свою комнату. Твоя служба на сегодня окончена.

Затем она вежливо кивнула ему и ушла.

Глава XVI
О служанке и сыне короля

Вскоре Вальтер снова вышел из дома и принялся медленным шагом прогуливаться по лесным полянам, пока не пришёл к ещё одним кустарниковым зарослям. То ли из чистого любопытства, то ли оттого, что хотел уединиться и обдумать всё, что произошло с ним сегодня, но так или иначе Вальтер углубился в заросли и лёг там под густыми ветвями. Как юноша ни старался думать о том, к чему следует готовиться в ближайшие дни, мысли его неизменно витали вокруг двух женщин да чудовищного карлы, а душу его заполняли страх, желание и надежда.

Когда же Вальтер так лежал, он услышал приближающиеся шаги. Юноша посмотрел сквозь ветви и, хотя солнце и село уже, в вечерних сумерках смог разобрать мужскую и женскую фигуры, которые, держась рука об руку, проходили мимо него. Сперва Вальтер решил было, что это принц гуляет с дамой, но затем он понял, что, хотя мужчина и был, в самом деле, сыном короля, женская фигура принадлежала служанке! Это её руку держал королевский сын! В его глазах Вальтер разглядел огонь страсти, тогда как девушка была очень бледна. Но вот она заговорила, и голос её был спокоен.

– Принц, – обратилась она к спутнику, – ты часто в гневе угрожал мне и угрожаешь сейчас, и ты снова в гневе, но теперь ты ближе к цели, так как моя хозяйка, которая наскучила тебе, точно так же скучает с тобой. Теперь она уже не воздаст мне за кражу твоей любви, теперь, после появления чужестранца, поэтому, раз я всего лишь невольница, бедная и беспомощная между вами двумя, такими могущественными, то у меня нет выбора, я должна повиноваться тебе.

Когда девушка говорила, она оглядывалась, словно её мучил страх. Вальтер в ярости уже чуть было не вытащил меч и не ринулся из своей засады на королевского сына, но вовремя понял, что в таком случае он погубит и девушку-служанку, и себя самого, поэтому он сдержался, хотя на этот раз бездействие далось ему тяжело.

Девушка остановилась так близко к тому месту, где скрывался Вальтер – а было между ними всего лишь около пяти ярдов*, – что Вальтер засомневался, не видит ли она его. Что же до принца, то он настолько был поглощён красотой девушки, что вряд ли видел что-либо ещё.

Вальтер смотрел в сумерки, и ему казалось, что около разговаривающей пары кто-то притаился в траве. Жёлто-коричневое тело страшных очертаний, должно быть, принадлежало чудовищному карле или кому-то из его рода, и когда Вальтер разглядел это чудище, то мурашки побежали у него по спине, но в тот момент раздался голос принца:

– Милая моя, я приму твой дар и не буду больше угрожать тебе, даже если не радостно и благосклонно ты даёшь мне его.

Девушка улыбнулась ему одними губами, взгляд же её непрестанно блуждал.

– Мой господин, – сказала она, – разве это не противоречит моей женской природе?

– Что ж, я сказал, что приму твою любовь даже так, а теперь я хочу снова услышать, что ты не любишь этого подлого чужака и что ты не видела его кроме как этим утром, когда при вас была госпожа. Несомненно, я хочу, чтобы ты поклялась в этом.

– На чём же мне поклясться?

– Ты поклянёшься моим телом.

С этими словами сын короля встал ближе к девушке. Она же вырвала из его руки свою руку, положила её ему на грудь и произнесла:

– Я клянусь в этом твоим телом.

Принц улыбнулся, приобнял девушку за плечи и начал целовать в лицо. Затем отступил он неё и спросил:

– Начало хорошее, но скажи мне теперь, когда я смогу прийти к тебе?

– В один из ближайших трёх дней, но не раньше: завтра или послезавтра я дам тебе знать точный день и час.

Девушка произнесла эти слова громко и отчётливо.

Он снова поцеловал её и сказал:

– Не забудь о своём обещании, иначе я исполню свою угрозу.

Сказав так, принц развернулся и направился к дому. Вальтер увидел, как жёлто-коричневое пятно последовало за ним в сгущающейся темноте.

Девушка же стояла не двигаясь какое-то время и глядела вслед королевскому сыну и ползущему за ним соглядатаю. Затем она повернулась к кустарнику, в котором прятался Вальтер, и раздвинула ветви. Вальтер вскочил, и они встали лицом к лицу. Мягко, но довольно пылко девушка сказала:

– Друг, ещё не касайся меня!

Вальтер ничего не ответил, только сурово посмотрел на неё. Она же спросила:

– Ты сердишься на меня?

Вальтер снова не произнёс ни слова, и девушка продолжила:

– Мой друг, молю тебя хотя бы об одном: не играй с жизнью и смертью, со счастьем и напастью. Вспомни клятву, которую мы дали друг другу не так давно! Неужели ты думаешь, что я успела перемениться с тех пор? И разве у тебя теперь другое отношение ко мне? Если да, то скажи мне. Я же думаю, что ни я, ни ты не изменились, кто бы ни целовал мои сжатые губы, и чьи бы губы ни целовал ты, но если ты изменился и больше не любишь меня и не желаешь моей любви, то пусть эта сталь, – и девушка достала из-за пояса острый нож, – достанется тому, кто своей глупостью и трусостью заставил тебя, мой друг, разгневаться, и моему другу, чьё сердце, мне казалось, я завоевала. И будь что будет! Но если ты не изменился и держишь нашу клятву, то вскоре мы оставим всё зло и горе позади, а впереди перед нами раскинется долгая радостная жизнь да честная смерть. Если только ты сделаешь, как я прошу тебя, о, мой друг! Мой дорогой и первый друг!

Вальтер взглянул на девушку, и её нежное чувство передалось ему. Сердце переполнилось любовью, выражение лица изменилось, на глазах выступили слёзы. Вальтер заплакал. Слёзы капали к ногам девушки, а он протягивал к ней руки.

Тогда девушка сказала самым нежным голосом:

– Теперь я вижу, что ни я, ни ты не изменились. Как грустно оттого, что нельзя прямо сейчас взять твою руку, обнять тебя и поцеловать столь любимые мной губы! Но так и должно быть. Мой дорогой, даже и сейчас я бы с радостью долго стояла рядом с тобой, хотя мы и не можем общаться, но долго стоять здесь опасно: всегда неподалёку от меня есть злобный соглядатай, который, правда, сейчас следует за принцем, но, как только тот войдёт в дом, вернётся, поэтому нам следует разлучиться. Впрочем, на слово-два ещё есть время. Во-первых, план, который я составила для нашего освобождения, уже в действии. Сейчас я не решусь поведать тебе о нём, да для этого и нет времени, но вот о чём я должна сказать тебе. Слушай, хоть моя хозяйка и сильна в колдовстве, у меня есть некоторые чары, которых нет у неё. Например, я могу изменить вид человеческий так, что его будут принимать за другого. Есть и ещё кое-что, что тебе следует знать. О чём бы госпожа тебя ни попросила, не отказывай ей, чтобы не обидеть её. И ещё одна просьба: где бы ты ни увидел меня, не заговаривай со мной, не делай мне знаков, даже если я буду одна. Только если я нагнусь и дотронусь до кольца на моей ноге правой рукой, – только в таком случае жди, что я заговорю с тобой. И последнее, что я скажу тебе прежде, чем мы снова разойдёмся. Когда мы станем свободны, и ты узнаешь всё, что я сделала, прошу тебя, не считай меня злой и порочной и не

гневайся на меня за то, что я совершу. Ты ведь хорошо знаешь, что моё положение не то, в котором находятся другие женщины. Я слышала, что когда рыцарь отправляется на войну и разбивает врагов, в честном ли бою или коварными уловками, то после возвращения домой, к своим родным, его восхваляют, и благословляют, и увенчивают цветами, и в соборе славят Бога за избавление друга, народа и города. Почему же мы не можем поступить так же? Теперь я всё сказала, дорогой мой друг. А сейчас прощай! Прощай!

С этими словами девушка развернулась и пошла к дому самым быстрым шагом, но не по прямой, а как будто обходя что-то. Когда же она ушла, Вальтер опустился на колени и поцеловал то место, на котором стояли её ноги, затем встал и тоже направился к дому. Шёл он медленно и часто останавливался.

Глава XVII
О лесном доме и удовольствиях в нём

Следующим утром Вальтер до самого полудня бродил по дому без дела, а затем, взяв лук и стрелы, отправился в северную часть леса, чтобы пострелять дичь. Он ходил по лесу, пока не убил оленёнка, и только тогда присел отдохнуть в тени раскидистого каштана. Было самое жаркое время дня. Вальтер огляделся и заметил недалеко небольшую поляну с потоком, текущим по ней. Юноша подумал, что неплохо было бы искупаться в нём, так он и поступил. Берега ручья заросли ивняком, и Вальтер лежал обнажённый у самой кромки воды, над ним колыхалась тень от ветвей, а лёгкий ветерок гнал рябь вдоль ручья.

Полежав так некоторое время, Вальтер оделся и отправился было дальше, вверх по течению, но не сделал он и трёх шагов, как заметил, что навстречу ему вдоль потока идёт женщина. Когда Вальтер увидел, что она остановилась и протянула руку вниз к лодыжке, его сердце забилось сильней, ибо он подумал, что это девушка-служанка, но, приглядевшись, он понял, что это была её хозяйка. Она не двигалась, словно ожидая, когда он подойдёт к ней, и Вальтер приблизился, и смутился, поскольку оказалось, что тело её было покрыто всего лишь лёгким тёмно-серым шёлковым платьем, украшенным на бёдрах вышитой цветочной гирляндой. Ткань платья была настолько тонкой, что, когда ветер колыхал подол или трепал рукава, оно совсем не скрывало фигуру, а словно вода обтекало её. Только гирлянда скрывала то, что было за ней. Дама радостно и довольно улыбалась, приветствуя Вальтера нежным и ласковым голосом:

– Я желаю тебе доброго дня, мой верный оруженосец, и рада тому, что мы встретились.

С этими словами она протянула ему руку, которую Вальтер, встав на колени, поцеловал вначале, а потом отпустил, но, отпустив, остался стоять на коленях, склонив голову.

Дама рассмеялась ему в лицо, наклонилась и, положив правую руку на плечо, подняла его и спросила:

– Что с тобой, мой оруженосец? Почему ты встаёшь передо мной на колени, словно перед божеством?

Вальтер же, запинаясь, отвечал:

– Я не знаю, почему, но, возможно, ты и есть мой идол, ибо я боюсь тебя.

– Боишься? – удивилась дама. – Ты всё ещё боишься меня после того, как видел вчера, как сильно испугалась я сама?

– Да, боюсь. Теперь, когда я вижу тебя неприкрытой, мне кажется, что не было никого из равных тебе с языческих времён.

– Ты всё ещё не решил, какой же дар просить от меня в награду за то, что ты убил моего врага и спас меня от смерти?

– О, моя госпожа! Я сделал для тебя ровным счётом то же, что сделал бы для любой дамы, да, впрочем, и для любого человека, попавшего в беду. Как мужчина, я обязан был поступить так. Не говори мне больше о дарах. Кроме того, – тут Вальтер покраснел, и голос его пресёкся, – разве ты не одарила меня вчера приятным подарком? Чего же более осмелюсь я просить?

Дама ответила не сразу. Она внимательно посмотрела на Вальтера, и он вспыхнул под её взглядом. Затем её лицо исказил гнев, дама покраснела и нахмурила лоб. Когда она заговорила, в голосе её звучало раздражение. Она произнесла такие слова:

– Что я слышу? Оказывается, тебе мой дар кажется недостойным? Тебе, чужестранцу, бродяге! Тебе, чья мудрость – низкая мудрость мира вне Леса! Сейчас перед тобой стою я, восхитительная в своей наготе и настолько преисполненная мудростью, что могу эту дикую землю превратить для того, кого полюблю, в царство, полное великой радости, большей,

нежели ты найдёшь в любом городе мира! А ты… Нет, это враг наделил бесхитростного коварством! И всё же я возьму верх над его кознями, пусть даже ты будешь мучиться из-за этого, а я пострадаю за тебя!

Вальтер стоял перед дамой, повесив голову и протянув к ней руки, словно молил оставить гнев, и размышлял, какой ей дать ответ. Теперь юноша боялся за себя и за девушку. Наконец, он поднял глаза и смело произнёс:

– Нет, госпожа. Я ведь знаю цену твоим словам и помню, как ты встретила меня. Я знаю, что на самом деле я для тебя низкого происхождения и ничего не значу. Я не стою даже того, чтобы разрешить мне прикоснуться к краю твоих одежд. Я был неосмотрительно дерзок и виноват пред тобой. Без сомнения, это так. Я заслужил твой гнев, но я не прошу простить меня, так как я сделал то, что должен был сделать.

Теперь дама смотрела на него спокойно, без гнева. Было похоже, будто она читала в глубине его сердца. Вскоре на её лицо вернулось радостное выражение, она захлопала в ладоши и закричала:

– Это бессмысленные слова! Вчера я видела твою доблесть, а сегодня узнала красоту твоей души. Послушай, я думаю, что, если ты и не годишься для глупышки из числа земной знати, ты вполне годишься для меня, а я и мудра, и могущественна, и прекрасна, и, если ты обижен тем, что я пренебрегла тобой, когда ты только явился к нам, не злись на меня. Я поступила так, чтобы проверить тебя. Теперь и ты, и я эту проверку прошли.

Тогда Вальтер снова пал пред ней на землю, обняв её колени, и снова она подняла его. Её рука скользнула по его плечу, её щека слегка задела его щёку, и она поцеловала его в губы со словами:

– Забудем на этом все обиды: и твои, и мои. Теперь настанут дни, наполненные только весельем и радостью!

Но сейчас же её улыбающееся лицо приняло серьёзный вид. Дама казалась одновременно и полной достоинства, и любезной, и доброй. Она взяла Вальтера за руку и сказала:

– Ты, должно быть, посчитаешь мою комнату в Золотом доме среди Леса слишком царственной для себя, ведь ты сам не такой знатный, как я, поэтому я думаю, что тебе будет приятно место, которое я выбрала сегодня для встречи с тобой. Недалеко отсюда, на другой стороне потока, есть беседка удовольствия, которую не каждый чужеземец в этой стране сможет найти. В ней я стану для тебя похожей на провинциальных девушек твоей страны, и ты перестанешь бояться меня.

Они прогуливались во время разговора, и хотел того Вальтер или нет, но её нежный голос приятным эхом отдавался в его сердце, а дама посматривала на него довольным и счастливым взглядом.

Так в беседе они перешли поток вброд недалеко от места, где когда-то купался Вальтер, и вскоре пришли к высокому плетёному забору. Дама открыла простую калитку, и вместе они ступили во дворик, превращённый в прекраснейший сад. Там были ряды розовых кустов и жимолости, липа в цвету и длинные дорожки, покрытые травой и отделённые друг от друга газонами лилий и гвоздик с левкоем, и множество других душистых цветов. Через сад тёк ручей, впадавший в поток, который они только что перешли. Посреди же сада стоял домик. Опорные столбы его соединялись деревянным каркасом, крыша была крыта соломой, имевшей такой насыщенно-жёлтый цвет, словно скошена она была совсем недавно.

Вальтер осматривался и удивлялся увиденному. Он пытался понять, что произойдёт теперь и что его ожидает в дальнейшем, но мысли юноши уже не могли задерживаться подолгу ни на каком предмете, кроме прелестной дамы, обрамлённой прекрасным садом. Дама же стала здесь такой нежной, такой доброй с ним, что сознание Вальтера затуманилось, он держал чью-то руку в своей руке и чувствовал совсем близко чьё-то благоухающее тело.

Так Вальтер с дамой гуляли по саду в лучах заходящего солнца, и когда они вошли, наконец, в прохладную тень домика, они ласкали и любили друг друга, и были похожи на простодушных влюблённых, которым нет нужды опасаться наступления утра, так как между ними не посеяны семена раздора и смерти.

Глава XVIII
Служанка назначает вальтеру встречу

Когда Вальтер проснулся на следующий день, на постели рядом с ним никого не было. Солнце уже давно взошло. Юноша встал, обошёл весь сад, но и там никого не увидел. Хотя он и трепетал от предчувствия новой встречи с дамой, в глубине души он грустил и боялся того, что могло произойти. Как бы то ни было, когда он нашёл калитку, через которую они проходили днём раньше, он вышел из сада в узкую долину. Отойдя на пару шагов, Вальтер оглянулся – и не увидел ни сада, ни плетёного забора, ни вообще какого-либо признака того, что здесь только что был домик. Юноша нахмурился. Некоторое время он неподвижно стоял, пытаясь осознать то, что с ним произошло, и на сердце у него становилось всё тяжелее. Затем он пошёл своей дорогой, но как только пересёк поток, тотчас увидел, что к нему навстречу идёт женщина. Сперва Вальтер, всё ещё находясь под очарованием происшедшего в удивительном саду, подумал было, что это возвращается дама, но вот женщина остановилась, нагнулась и дотронулась до кольца над правой ступнёй – это была служанка. Вальтер подошёл ближе и увидел, что лицо девушки уже не кажется таким грустным, как в прошлый раз. Теперь её щёки горели, а глаза блестели.

Вальтер пошёл к ней, и девушка сама сделала несколько шагов навстречу, протянув руки к юноше, но сразу же опустила их и, улыбаясь, сказала:

– Ах, друг мой, надеюсь, в последний раз мне приходится просить тебя не прикасаться ко мне. Не касаться ни руки, ни даже края одежды.

Радостно стало на сердце у Вальтера, он внимательно, с любовью посмотрел на неё и спросил:

– Почему ты так говоришь? Что случилось за это время?

– О, друг мой, – начала было она, – случилось то, что…

Но только она это сказала, как улыбка ушла с её лица, и девушка смертельно побледнела. Она смотрела куда-то налево от себя, туда, где бежал поток. Вальтер взглянул туда же, и ему на мгновение показалось, что он видит уродливого карлу в жёлтых одеждах, выглядывающего из-за серой скалы, но в следующий миг видение исчезло. Девушка, хотя и была бледна как смерть, продолжила говорить ясным, уверенным и твёрдым голосом, но уже без ноток радости или нежности. Она всё так же стояла лицом к Вальтеру и спиной к потоку:

– А случилось то, мой друг, что теперь уже нет более нужды сдерживать твою и мою любовь, поэтому я прошу тебя: приходи в мою комнату (это красная комната прямо над твоей – ты раньше не знал об этом), приходи сегодня за час до полуночи, и наша печаль окончится. А теперь нам надо расстаться. Не иди за мной, но помни то, что я тебе сказала!

И с этими словами девушка отвернулась и умчалась вниз вдоль потока, как ветер.

Вальтер же остался в недоумении размышлять о том, что значила эта встреча, и не мог он для себя решить, добро ли она принесёт или зло. Он помнил, как девушка побледнела и какой ужас её охватил при виде безобразного карлы, но в то же время, как казалось ему, она высказала всё, что хотела. Как бы то ни было, Вальтер решил для себя так: что бы ни случилось, а он пойдёт на встречу со служанкой.

Он вытащил меч и огляделся, нет ли где признака присутствия того злого существа, но вокруг никого не было, только трава, поток да кусты. Тогда Вальтер с обнажённым мечом в руке начал взбираться по склону холма, покидая долину, поскольку он решил идти в Золотой дом, а других путей туда он не знал. Когда юноша добрался до вершины, летний ветерок подул ему в лицо, и он увидел, как уходит вниз покрытый травой откос, поросший могучими дубами и каштанами. Вальтер приободрился от этого простого вида земли, дающей жизнь

и деревьям, и травам. Он чувствовал меч у себя в руке и был полон силы и желания, и мир был открыт перед ним.

Вальтер решительно улыбнулся, вложил меч в ножны и направился к дому.

Глава XIX
Вальтер отправляется за шкурой льва

Вальтер вошёл под прохладный полумрак портика и, вглядываясь в глубину колонного зала, увидел золотой блеск, исходящий откуда-то из-за фонтана. Когда же юноша прошёл фонтан, он понял, что это дама восседает на престоле в своих королевских одеяниях. Она окликнула его, и он подошёл. Дама поприветствовала Вальтера и заговорила с ним любезно и ласково, хотя и не показывая вида, будто он значит для неё больше, чем может значить верный оруженосец для благородной дамы.

– Оруженосец, – позвала она, – я решила, что мне нужна шкура вражьего слуги, того льва, которого ты вчера убил. Пусть она будет ковром под моими ногами. Поэтому теперь же пойди и возьми свой охотничий нож, а когда снимешь со зверя шкуру, принеси её сюда. Это и будет твоя служба на сегодня, так что можешь не торопиться, ибо другой службы я тебе не дам. Да пребудет с тобой удача!

Вальтер опустился перед дамой на одно колено, а она любезно улыбнулась ему в ответ, но не протянула руки для поцелуя и не оказала какого-либо иного знака внимания. Хотя он и без того считал её вероломной, но сейчас, видя такое обращение с собой, Вальтер не мог не задаться вопросом: та ли женщина теперь перед ним, которая всю прошедшую ночь пролежала в его объятиях?

Как бы то ни было, Вальтер отправился к тем зарослям, в которых он убил льва. Добрался он до них уже после полудня, в самую жару. Он углубился в заросли и нашёл то место, где лежала дама, когда она потеряла сознание от страха перед львом. На этом месте ещё оставалась примятая её телом трава, по форме напоминавшая тень зайца, но когда Вальтер прошёл туда, где должен был лежать лев, то ничего не обнаружил. Не виднелось в округе и знака того, что здесь что-то было! Остались, правда, следы самого Вальтера, на земле лежали две его стрелы – с красным оперением и с синим. Но льва не было! Сначала Вальтеру пришло на ум, что кто-то успел побывать здесь до него и утащил тело, но он сразу же сам рассмеялся этой мысли. Как могло быть так, что тело столь крупного зверя утащили, не оставив ни следов, ни каплей крови или клочков шерсти, если его разделали на месте? И более того: не было никаких иных примет, которые бы явно виднелись после ухода унесших тело людей. Мысли Вальтера смешались, и он снова рассмеялся, говоря самому себе: «А я-то считал, что поступил, как мужчина, но, по всей видимости, я и не стрелял ни в кого, и никого не было перед отцовским мечом. Единственная правда в том, что это страна лжи, и здесь нет ничего и никого принадлежащего истине и жизни, кроме меня самого. Может, скоро и эти деревья с травой вокруг меня исчезнут, и земля уйдёт из-под ног. И полечу я среди облаков…»

С такими мыслями Вальтер развернулся и пошёл по дороге, ведущей к Золотому дому. Он двигался медленно и всё думал о том, что же его теперь ждёт. Размышляя, он добрался до пруда, у которого они упустили оленя, вошёл в воду, решив освежиться, и искупался, потом побродил вокруг, но ничего нового не заметил.

День подходил к концу, и Вальтер продолжил свой путь к Золотому дому. Солнце уже клонилось к закату, когда Вальтера от дома отделял всего лишь один холм. Здесь юноша остановился и огляделся.

В это время он увидел женскую фигуру на вершине холма. Женщина тоже заметила его и быстро побежала вниз. Тотчас Вальтер понял, что это была девушка-служанка.

Девушка бежала очень быстро и остановилась только в трёх шагах от Вальтера. Тогда она наклонилась и дотронулась до кольца на ноге, что было их условным знаком. Голосом, прерывистым после бега, она вымолвила:

– Послушай меня! Но не говори сам, пока я не скажу всё. Я просила тебя прийти сегодня ко мне потому, что я видела рядом того, кого следовало обмануть, но ради твоей клятвы, и ради твоей любви ко мне, и ради тебя самого я умоляю тебя: не приходи ко мне вечером, как я просила с утра! Вместо этого спрячься ближе к полуночи в орешнике, что рядом с домом, и жди меня там. Ты слышал всё? Ты сделаешь, как я прошу? Скажи просто «да» или «нет», я не могу ждать ни мгновения. Кто знает, не следует ли за мной кто-нибудь и на этот раз?

– Да, – быстро ответил Вальтер. – Но, друг мой и любовь…

– Ни слова больше, – прервала она. – Надейся на лучшее.

И, развернувшись, девушка быстро убежала прочь, но не тем путём, каким пришла, а в другую сторону, словно хотела подойти к дому с заднего крыльца.

Вальтер же медленно пошёл своей дорогой, думая, что сейчас ему совершенно ничего не остаётся делать, кроме как позволить событиям развиваться своим чередом. Хотя, конечно, не подобало мужчине быть в игре лишь пешкой, которую движет чужая воля.

А ещё в пути Вальтер вспоминал лицо и взгляд девушки, вспоминал, как она бежала к нему, как стояла перед ним. Весь этот разговор занял не больше минуты, но Вальтер видел в ней одновременно и желание быть с ним, и страдание от любви к нему, и душевную муку.

Вальтер поднялся на вершину холма, откуда уже был виден на расстоянии не дальше полёта стрелы Золотой дом. Заходящее солнце окрашивало его позолоченные крыши в красный цвет, и Вальтер увидел человека, словно блестящего золотом, сталью и серебром. Сын короля в приподнятом настроении шёл к нему навстречу. Когда они поравнялись, мужчина весело окликнул Вальтера:

– Доброго вечера тебе, оруженосец моей госпожи! Я должен бы теперь обращаться с тобой учтиво, поскольку благодаря тебе я стану счастливым сегодня, и не только сегодня, но и завтра и на долгое ещё время! А ведь раньше я говорил с тобой совсем не так!

Его лицо сияло от радости, его глаза сверкали. Принц был приятным человеком, но Вальтеру он казался таким же дурным, как и всё тут. Такая ненависть к этому счастливцу жила в душе Вальтера, что ему было нелегко ответить, но всё же он сдержался и сказал так:

– Благодарю тебя, королевский сын! Приятно, что кто-то счастлив в этой необыкновенной земле.

– Разве сам ты не счастлив, оруженосец моей госпожи?

Вальтер не собирался открывать свои мысли даже намёком, ибо он считал принца своим врагом, поэтому он добродушно и немного наивно улыбнулся, как может улыбнуться мужчина, которому повезло в любви, и сказал:

– Конечно, счастлив! С чего же мне не наслаждаться счастьем? Иначе и быть не может!

– Тогда почему ты сказал, что рад тому, что кто-то счастлив? Кто же тогда несчастлив, по-твоему?

Сын короля внимательно посмотрел на Вальтера.

Вальтер задумчиво ответил:

– Я так сказал? Должно быть, я имел в виду тебя, поскольку, когда мы впервые встретились, ты был совсем другим. Казалось, что-то угнетало тебя.

При этих словах лицо принца прояснилось, и он произнёс:

– Верно, так оно и было. Тогда я жил в неволе, но тогда же я посеял зерно истинного желания в своём сердце. В те дни оно не росло, но сейчас я стою у начала своей свободы, а желание моё зацвело. Послушай, оруженосец, я почитаю тебя за хорошего человека, хотя ты и бываешь глуповат, поэтому я не буду больше говорить с тобой загадками, а скажу прямо: служанка ответила мне взаимностью, и теперь она моя. А через два-три дня с её помощью я вновь увижу мир.

С кривой улыбкой Вальтер спросил:

– А что дама? Что она скажет на это?

Принц покраснел, но улыбнулся, хотя уже поддельной улыбкой, и сказал:

– Господин оруженосец, ты и сам хорошо знаешь ответ на свой вопрос. К чему мне рассказывать тебе, что для неё твой мизинец дороже всего моего тела. Я говорю с тобой прямо во многом из-за того, что осуществлением моих желаний в любви и планов освобождения из неволи в какой-то мере я обязан тебе. Ты занял моё место рядом с этим нежным тираном. Не бойся за меня! Она меня отпустит. Теперь лучше следи за собой! И опять я отвечаю тебе откровенно, потому что моё сердце переполнено светом и надеждой. Этот наш разговор может только радовать меня, теперь он не может принести мне никакого вреда. Даже если ты пригрозишь рассказать всё даме, я буду уверен, что ты не поступишь так. Я знаю, что твоё сердце преданно той жемчужине, что держит моя рука, и ты прекрасно понимаешь, на чью голову падёт гнев нашей госпожи. Ведь это будет не твоя и не моя голова!

– Ты говоришь правду, я не предам тебя.

Некоторое время они шли молча, но затем Вальтер спросил:

– А что ты будешь делать, если девушка откажет тебе? Что ты тогда предпримешь?

– Святые небеса! – яростно вскричал королевский сын. – Она заплатит за свой отказ! Я тогда…

Но он прервался на полуслове и продолжил уже тише, хотя выглядел таким же решительным:

– Зачем говорить о том, что только может произойти. Она дала своё согласие очень мило и нежно.

Вальтер видел теперь, что его собеседник лжёт, поэтому сам он оставался спокойным. Он спросил:

– А когда ты станешь свободным, ты снова отправишься в свою страну?

– Конечно. Она отведёт меня туда.

– А сделаешь ли ты её своей женой и королевой, когда вернёшься в страну своего отца?

Сын короля нахмурился:

– Когда я приду в свою страну, я смогу сделать с ней что захочу. Конечно же, я не сделаю с ней ничего, что бы ей не понравилось.

На этом их беседа прервалась, принц пошёл в сторону леса, весело напевая, а Вальтер, трезво всё обдумав, – в сторону дома. На самом деле он не был сильно опечален услышанным. Он знал, что сыну короля доверять нельзя, а кроме того, юноша решил, что это двойное свидание, назначенное девушкой, наверняка устроено ради него самого. Вальтер был полон сил, но неспокоен, хоть и не подавлен. Его душа металась между надеждой и страхом.

Глава XX
Вальтер приглашён ещё на одно свидание

Итак, Вальтер вошёл в многоколонный зал и увидел, что дама ходит из стороны в сторону перед троном. Когда же он приблизился, она воскликнула голосом, в котором больше слышалась страсть, чем раздражённость:

– Что же ты наделал, оруженосец? Зачем ты пришёл сюда?

Вальтер был смущён таким приветствием. Он поклонился даме и сказал:

– О, любезная дама! Ты задала мне службу, и я здесь, чтобы рассказать тебе о ней.

– Тогда рассказывай! Поведай мне, что случилось?

– Госпожа! – ответил Вальтер. – Когда я вошёл в те заросли, где ты упала в обморок, я не увидел трупа льва, не было там и следов того, что зверя оттащили.

Дама сначала пристально посмотрела на Вальтера, а затем подошла к своему трону и села. Спустя минуту она сказала юноше более нежным голосом:

– Ну разве я не говорила тебе, что нападение льва – дело рук какого-то моего врага? И вот – теперь ты и сам это видишь!

После этих слов дама опять замолчала, сдвинув брови и стиснув зубы. Когда она вновь заговорила, голос её был уже резким и жёстким.

– Но я её преодолею! Я наполню её жизнь страданием, но не дам ей умереть, а она будет много раз желать смерти! Она узнает, что бывает, когда враги близко, а друзья далеко, и некому избавить от печали!

Её глаза сверкали, а лицо потемнело от гнева, но когда дама посмотрела на Вальтера и увидела, что он стал угрюмым, она сразу смягчилась.

– Но ты не горюй о таких мелочах! Это дело не имеет к тебе никакого отношения. Слушай: сейчас уже вечер, и близится ночь. Ступай в свою комнату, там для тебя приготовлены одежды, какие теперь тебе подобают и какие впредь ты будешь носить. Надень их и приведи себя в порядок, а затем возвращайся сюда, чтобы есть и пить со мной. После сможешь делать что захочешь до самой полуночи, но к полуночи приходи в мою комнату. Ты попадёшь туда через дверь слоновой кости в верхней галерее. Там я сообщу тебе нечто, что принесёт благо и тебе, и мне, но врагу одни только беды и горе.

С этими словами дама протянула Вальтеру руку, и он поцеловал её. Затем юноша покинул даму и отправился в свою комнату, где и нашёл приготовленную одежду. Она была пышно и богато украшена, и Вальтер гадал, не поставлена ли на него новая ловушка. В конце концов он решил, что если это и ловушка, то он всё равно не знает, как избежать её, поэтому юноша переоделся и стал столь великолепен в новых одеяниях, словно был славнейшим из королей и в то же время прекраснее любого короля на свете.

Вальтер вернулся в многоколонный зал. Начиналась тихая безлунная ночь. Деревья в лесу стояли так неподвижно, словно это были и не деревья вовсе, а только их нарисованные образы, но зал освещал яркий свет многочисленных свечей, и фонтан сверкал их отражённым светом. Нежно журчал ручеёк, унося воду прочь от фонтана. Мерцали серебряные мостики, и блестели все колонны в зале.

А на возвышении красовался по-королевски накрытый стол. За ним сидела дама в своём великолепнейшем наряде, а за её спиной покорно стояла служанка. На ней, как и на её госпоже, было надето нарядное платье, казавшееся золотой мерцающей паутиной, но ноги девушки оставались неприкрытыми, и железное кольцо у неё на лодыжке было хорошо видно.

Вальтер подошёл к трону, и дама поднялась и поприветствовала его. Она взяла его за руки, и поцеловала в обе щеки, и посадила рядом с собой. Они приступили к еде, а девушка

прислуживала им, но дама не обращала на неё внимания, словно та была одной из колонн зала. Вальтера же дама часто одаряла нежным словом и ласковым прикосновением руки, давая ему пить из своей чашки или есть из своей тарелки. Сам же Вальтер, стараясь казаться робким, и в действительности был страшно напуган. Он принимал знаки внимания дамы со всей возможной учтивостью и не смел и взглянуть на служанку. Пиршество казалось ему чрезвычайно долгим, и ещё более удлиняли его усталость от ожидания ласки врага и необходимость быть строгим с другом. После того как дама с Вальтером закончили есть, они остались за столом, и дама долго расспрашивала Вальтера о том, как живут в мире, а Вальтер отвечал, что мог, хотя на самом деле он практически обезумел от этих двух одновременных свиданий, которые обе женщины ему назначили.

Но вот заговорила и сама дама:

– Теперь я должна покинуть тебя ненадолго. Ты знаешь, где и при каких обстоятельствах мы встретимся в следующий раз. Пока же отдыхай, поступая по собственному желанию, да смотри не уставай, так как я люблю видеть тебя бодрым и весёлым.

Дама, полная достоинства и величия, поднялась и поцеловала Вальтера в губы, прежде чем покинуть зал. Служанка последовала за ней, но уже в самих дверях остановилась и сделала условный знак рукой, взглянув через плечо на Вальтера, словно приглашая его к чему-то. На её лице было выражение страха и тоски. Вальтер кивнул ей, пытаясь показать, что он будет ждать её в орешнике, как они договаривались. В тот же миг девушка скрылась в дверях.

Вальтер покинул зал и направился к выходу. Ночь уже давно началась, но когда он вышел на крыльцо, то наткнулся на принца. Тот оглядел его одежды, драгоценные камни на которых сверкали в лунном свете, рассмеялся и сказал:

– Теперь ты выше меня, ведь я всего лишь сын короля, и короля далёкой земли, а ты король над королями, либо станешь им этой ночью. К тому же ты король той страны, в которой мы оба находимся.

Вальтер слышал издёвку в его словах, но сдержал свой гнев и ответил:

– Добрый господин, ты доволен своей судьбой и сейчас, когда солнце уже село? У тебя нет сомнений или тревог? Сдержит ли служанка своё слово или она дала согласие только для того, чтобы протянуть время? А не попросит ли она помощи против тебя у своей хозяйки?

Как только Вальтер произнёс это, он сразу раскаялся в содеянном из-за страха за себя и за девушку. Он подумал, как бы не возбудить какое-нибудь подозрение в душе этого глупого юноши, но принц только рассмеялся и ответил на последние слова Вальтера так:

– Вот и видно из твоих фраз, что ты ничего не знаешь о том, что лежит между моей возлюбленной и твоей. Разве агнец просит помощи против пастуха у волка, даже если ему необходима эта помощь? Просит? Поинтересуйся сам у своей госпожи при случае, какого она мнения о невольнице. Я уверен, у неё будет припасена интересная история для тебя. Служанка цела до сих пор только благодаря знанию колдовского искусства. Я ещё раз повторю: она сделает так, как я захочу. Если уж она и оказалась между молотом и наковальней, то я – меньшее зло, которое она изберёт. Думаю, вскоре ты и сам поймёшь это. Доволен ли я своей судьбой? Даже больше, чем доволен!

И принц пошёл мерным шагом в ярко освещённый зал. Вальтер же в эту лунную ночь отправился гулять, и гулял он час или более, затем осторожно прокрался в зал, а оттуда в свою комнату, в которой он снял королевское облачение, надел старые одежды, подпоясался мечом и взял нож, лук и стрелы. Затем юноша снова прокрался в зал, а оттуда в лес. Он отошёл подальше от дома, сделал крюк и вернулся с другой стороны, подобравшись с севера к орешнику. Там он и залёг, ожидая наступления полуночи.

Глава XXI
Вальтер с девушкой сбегают из золотого дома

Вальтер выжидал, спрятавшись в орешнике и прислушиваясь к каждому, даже еле слышному звуку. Сначала он ничего не слышал, кроме ночного леса, но вдруг из дома донёсся продолжительный скорбный крик. У Вальтера подступил комок к горлу, но не успел он сообразить, что ему следует делать, как до него донёсся звук бегущих в его сторону лёгких ножек. Ветви раздвинулись, и перед ним предстала девушка – босая, в белом лёгком платье. Она схватила Вальтера за руку, и он почувствовал запах её тела. Сбивающимся от бега голосом она крикнула:

– Бежим! Сейчас же! Пока ещё есть время! Не спрашивай теперь ни о чём, чтобы не сбилось дыхание, – бежим!

Вальтер не стал медлить. Он последовал за девушкой, а бегали они оба хорошо.

Направлялись они на юг – туда, где недавно Вальтер охотился вместе с дамой. Они то бежали, то, устав, переходили на шаг, но и тогда старались идти быстро. Так к рассвету они добрались до той рощи, где Вальтер встретил льва, и продолжали бежать дальше. Девушка почти ничего не говорила, лишь время от времени подбадривала Вальтера или произносила какое-нибудь нежное слово. Так они бежали всю ночь, и так настало утро. Беглецы встретили его на вершине холма. Дальше, за ним, шла равнина с редкими деревьями. Она постепенно поднималась, пока не переходила в другие, длинные и зелёные, холмы, далеко за которыми виднелись голубые горы.

Тогда девушка сказала:

– Вон там лежат внешние горы племени медведей. Хотя это и опасно, но мы должны идти туда.

Вальтер положил было руку на рукоять меча, но девушка не дала его вытащить.

– Нет, друг мой, – сказала она, – только терпение и мудрость помогут нам пройти те земли, а не окровавленный меч воина, хотя бы и храброго. Посмотри: внизу через равнину пробегает небольшая речка. Почему бы нам не отдохнуть у неё? А кроме того, я смогу рассказать тебе, что жжёт моё сердце. Я, наверное, должна буду попросить у тебя прощения, но я боюсь тебя.

– Как так боишься?

Девушка ничего не ответила, а взяла Вальтера за руку, и они спустились с холма. Вальтер же произнёс:

– Ты говоришь, мы можем отдохнуть, – разве мы уже в безопасности?

– Этого я не могу сказать, пока не узнаю, что с моей госпожой. Если она не в силах направлять погоню, то вряд ли преследователи найдут нас без её помощи.

Девушка поёжилась, и Вальтер почувствовал, как вспотела её рука.

Девушка продолжила:

– Ожидает нас опасность или нет, – всё равно сейчас нам следует отдохнуть. Я повторю: я боюсь тебя, и этот страх жжёт меня так, что я не могу идти дальше, пока не расскажу тебе всего, что должна рассказать.

– Я ведь ничего не знаю об этой даме, о её могуществе и о её слугах. Я тебя ещё расспрошу обо всём подробнее, но, кроме того, разве не любит тебя королевский сын, этот подлец?

Девушка слегка побледнела:

– О нём можешь не думать. Его тебе нечего было бояться. Он был способен только предать, но сейчас он уже не может ни любить, ни ненавидеть, ибо он умер в эту полночь.

– Как? – удивился Вальтер.

– Нет, подожди. Позволь, я поведаю тебе всё сразу, иначе, боюсь, ты обвинишь меня, но сперва давай умоемся и отдохнём хорошенько, а во время отдыха я расскажу тебе обо всём.

За таким разговором беглецы спустились к берегу речки, медленно текущей по песчаному ложу и разливающейся там, где её путь преграждали камни. Девушка показала на один из них:

– По другую сторону той серой глыбы буду купаться я, а по эту – ты, мой друг. Посмотри, восходит солнце!

Они прошли каждый на своё место и умылись, и смыли всю пыль ночного пути, а когда Вальтер снова оделся, девушка вышла к нему, свежая и взбодрённая холодной водой. В подоле у неё были вишни – над её купальней свисали ветви дикого дерева. Тогда они оба сели на прикрытый травой песок и позавтракали тем, что послала им эта дикая местность. Вальтер был рад возможности беспрепятственно смотреть на девушку – милую и нежную, но всё же они оба пока ещё стеснялись друг друга и робели, поэтому Вальтер за время завтрака только пару раз поцеловал её руки, и хотя девушка больше не уклонялась от его ласк, её смелости ещё не хватало на то, чтобы позволить ему обнять себя.

Глава XXII
О карле и о прощении

Итак, девушка начала свой рассказ:

– Мой друг, теперь я должна поведать тебе о том, что я сделала ради тебя и ради меня, и если ты решишь, что я виновна и меня следует наказать, вспомни сначала, что все свои поступки я совершала ради тебя и ради нашей надежды на счастье. Начну я с того, что объясню…

Тут девушка неожиданно прервала свой рассказ, вскочила и, пристально глядя на вершину холма, указала на неё Вальтеру. Лицо её побледнело, ноги тряслись так, что она едва стояла. От страха девушка не могла произнести ни слова, и только невнятное бормотание слетало с её губ.

Вальтер тоже вскочил. Он положил руку на её плечо и посмотрел туда, куда она указывала. Вначале он ничего не увидел, а затем… Жёлто-коричневый камень катился вниз по утёсу – это было то самое злобное существо, которое первым встретило Вальтера, когда он пришёл в Лес за Гранью Мира. Скатившись, карла встал на ноги, и все увидели, что на нём одежда из жёлтой парчи.

Вальтер схватил с земли лук. Он встал, заслонив собой девушку, и натянул тетиву, но оружие урода было уже готово, когда Вальтер только нагибался за луком, и прежде, чем юноша успел спустить тетиву, карла выстрелил, и его стрела оцарапала руку девушки чуть выше локтя. Показалась кровь, и карла издал ужасный резкий крик. Тогда Вальтер пустил свою стрелу. Она была нацелена верно и ударила карлу прямо в грудь, но тут же отскочила в сторону, словно урод был сделан из камня. Карла снова закричал своим ужасным голосом и выпустил вторую стрелу. Девушка в тот же момент свалилась, как подкошенная, рядом с Вальтером, который решил, что это стрела поразила её. Он почувствовал прилив ярости, бросил лук и, вытащив меч, большими шагами направился к склону холма, наступая на карлу. Тот снова закричал, и теперь Вальтер разобрал в этом крике слова. Карла обращался к юноше так:

– Глупец! Ты будешь свободен, только покинь Врага!

– А кто этот враг?

Карла взвыл:

– Она! Вот эта бело-розовая Вещь, лежащая там! Она ещё не умерла, но умирает от страха передо мной. О, да! У неё есть для этого причины! Ведь я мог бы пронзить ей стрелой сердце так же легко, как поцарапал руку, но мне нужно её живое тело, чтобы отомстить!

– Что ты хочешь сделать с ней?

Теперь, когда Вальтер услышал, что девушка не умерла, он снова пришёл в ярость и стоял, выжидая только удобного случая для атаки.

Карла вместо ответа опять нечленораздельно завыл, а затем сказал:

– Что же я с ней сделаю? Пусти меня к ней, и ты можешь встать рядом и посмотреть, что я с ней сделаю! Клянусь, ты покинешь наши места с необычной историей! Я пока ещё отпускаю тебя.

Вальтер спросил тогда:

– Но в чём же причина твоей злобы? Что она тебе сделала?

– Причина! В чём причина? – заревел карла. – Разве я не сказал тебе, что она Враг? И ты ещё спрашиваешь, что она сделала? Что? Глупец, она же убийца! Она убила госпожу, мою госпожу, создавшую нас, которую все мы почитали и которой поклонялись! О, какой же ты нахальный глупец!

Говоря так, карла натянул тетиву ещё раз и выпустил стрелу, которая попала бы Вальтеру в лицо, если бы он не успел вовремя нагнуть голову. Тогда Вальтер с громким криком ринулся вверх по склону и был рядом с карлой прежде, чем тот успел вытащить свой меч. Подпрыгнув, Вальтер нанёс странному существу удар прямо по макушке, и такой силы был этот удар, что тяжёлый меч прошёл до самых зубов. Карла умер в одно мгновение.

Вальтер немного постоял над ним, а затем, видя, что карла не шевелится, пошёл вниз к речке, у которой лежала, сжавшись и закрыв лицо руками, девушка. По телу её пробегала мелкая дрожь. Вальтер взял её за запястье и сказал:

– Поднимись, встань! Расскажи мне всё об этом убийстве.

Но она только ещё больше съёжилась и, глядя на него дикими глазами, спросила:

– Что ты сделал с ним? Он ушёл от нас?

– Он мёртв, – ответил Вальтер. – Я убил его. Он там, на склоне холма, лежит с расколотой головой. Если, конечно, не исчез так же, как исчез лев, которого я убил, и если вдруг он снова не ожил. А ты сама? И ты такой же обман, как и все они? Расскажи мне о твоём преступлении.

Девушка поднялась и, дрожа, встала перед ним.

– О, ты сердит на меня, и я не могу выносить твоего гнева. Ах, что же я сделала? Ты убил одного, а я, возможно, другую. Мы никогда бы не смогли сбежать, если бы эти двое не были мертвы. Ах, ты же не знаешь! Ты не знаешь! О, горе мне! Что же мне сделать, чтобы унять твой гнев?

Вальтер посмотрел на неё, и, когда подумал о возможной разлуке, его сердце застучало сильнее. Он всё глядел и глядел, и милое, такое несчастное лицо девушки растопило его гнев. Вальтер бросил меч, обнял её за плечи и, прижав к себе, почувствовал её нежный запах, начал целовать в лицо, а затем поднял девушку, как ребёнка, посадил на зелёную траву, а сам спустился к речке и набрал в шляпу воды. После, вернувшись к девушке, дал ей пить и сам умыл ей лицо и руки, так что краска вернулась на её щёки и губы. Девушка улыбнулась ему и, поцеловав его руки, сказала:

– О, теперь ты добр ко мне.

– Ты верно сказала, что если ты убила, то и я убил, и если ты лгала, то и я лгал, и если ты изображала распутную – а я верю, что ты только изображала, – то я уж точно был таковым, поэтому теперь я прошу твоего прощения. Когда силы вернутся к тебе, расскажи мне, как другу, свою историю, а я выслушаю её со вниманием и любовью.

Вальтер опустился перед девушкой на колени и поцеловал её ноги. Она же сказала:

– Да, да. Как ты хочешь, так я и сделаю, но позволь вначале спросить тебя кое о чём. Ты похоронил это ужасное создание? Ты скрыл его в земле?

Вальтер понял, что страх всё ещё переполняет её, и юноша подумал о том, как мало он знает обо всём, что происходило здесь до его появления. Ответил же он так:

– Нежная моя! Я ещё не сделал этого, но если тебе кажется, что его надо теперь похоронить, то я тотчас же пойду и всё сделаю.

– Пойди, – ответила девушка. – Но сначала ты должен отрубить ему голову, а когда ты будешь его закапывать, положи её рядом с задом. Иначе может случиться страшное. Прошу тебя, поверь мне: захоронить карлу не будет лишней предосторожностью!

– Я и не думал сомневаться, – отозвался Вальтер. – Конечно, трудно убить зло такой силы, какая была в нём.

Он достал свой меч и пошёл было в поле копать карле могилу, но девушка остановила его.

– Я должна пойти с тобой. Страх переполняет меня, и я не могу оставаться здесь одна.

И они вдвоём пошли туда, где лежал мёртвый карла. Девушка не осмелилась взглянуть на него, но Вальтер заметил, что тот был опоясан большим грубым саксом*. Вальтер вынул

его из ножен и отрубил уроду страшную голову его же собственным оружием. Затем с помощью девушки он вырыл могилу. Она копала мечом Вальтера, а он сам – ужасным саксом. Наконец, могила получилась достаточно глубокой и в меру широкой. Они положили в неё карлу вместе с его оружием, а затем закопали.

Глава XXIII
О счастливом окончании бурного дня

После погребения карлы Вальтер с девушкой спустились обратно к речке, и он попросил её:

– А теперь расскажи мне свою историю.

– Не здесь, друг мой, – ответила девушка. – Это место – место малодушия и страха перед мерзким негодяем. Словами не описать, какой же он мерзкий! Давай уйдём отсюда! Ты видишь, я снова вернулась к жизни.

– Но, – возразил Вальтер, – ты же ранена стрелой карлы. Ты выдержишь путь?

Девушка засмеялась:

– Если бы за всю мою жизнь я не испытывала большей боли, то не о чем было бы мне и рассказывать, но я вижу, что тебе доставляет печаль эта рана. Мы её быстро вылечим.

После недолгих поисков возле речки девушка нашла нужные ей травы. Что-то пошептав над ними, она протянула их Вальтеру, чтобы тот сделал повязку. Вальтер оторвал от своей рубахи полосу ткани и примотал травы к раненой руке девушки. После этого она была готова выступить в путь, но Вальтер остановил её.

– Ты же босая, а если наша дорога будет проходить по местам, похожим на те, что мы оставили позади, то ты быстро собьёшь ноги, и наше путешествие закончится. Я, кажется, придумал, как сделать тебе башмаки.

Она же возразила:

– Я вполне могу идти и босой. Пожалуйста, прошу тебя, давай не будем задерживаться здесь. Отойдём подальше! Хотя бы на милю…

Она так жалобно посмотрела на Вальтера, что он не мог больше возражать.

Беглецы пересекли речку и отправились в дальнейший путь. Нападение карлы задержало их, было уже ближе к полудню. Но, пройдя всего одну милю, они сели в тени развесистой акации. Невдалеке виднелись горы. Вальтер сказал:

– Сейчас я буду вырезать из подола своей куртки башмаки для тебя. Она сделана из буйволовой кожи и хорошо подойдёт для этого, а ты, пока я работаю, расскажешь мне свою историю.

– Ты очень добр, – отозвалась девушка. – Но я попрошу тебя ещё об одном одолжении. Давай подождём с моим рассказом до конца дня. Нам сейчас лучше уйти как можно дальше от этих мест. Хотя ты и убил карлу-короля, но могут быть и другие существа из его рода. Некоторые места в лесу кишат такими, как он. Конечно, разума им недостаёт. Они ведь лишь ненамного умнее диких зверей, и если их, как ищеек, не пустить по следу, то сами они могут только случайно наткнуться на нас. Но есть и ещё одна причина, по которой я прошу тебя отложить рассказ, – добавила она, краснея. – Хоть я уже почти не боюсь твоего гнева, так как со мной ты всегда оставался добрым, я всё же стыжусь того, о чём должна тебе поведать. Впереди у нас так много времени до конца этого чудесного дня! Давай просто насладимся отдыхом, а когда ты сделаешь мне обувь, сразу отправимся в путь.

Вальтер ласково поцеловал её и согласился. Он начал кроить кожу и постепенно изготовил башмаки. Девушка примерила их и сказала с улыбкой:

– Теперь я вновь чувствую себя здоровой и сильной, и это не только благодаря нашему отдыху, но и благодаря твоей любви и доброте. Скоро, когда мы уйдём из этой страны в другую, столь же прекрасную, ты увидишь, какой я могу быть хорошей, ведь наша страна и в самом деле – страна лжи и печали для детей Адама.

Так Вальтер с девушкой отправились в путь. Шли они довольно быстро и не делали остановок ещё часа три после полудня, но потом решили отдохнуть на краю лесных зарос-

лей, на поляне, которая изобиловала земляникой. Ягод было так много, что их можно было есть, пока не надоест. Вальтер подстрелил одного за другим двух диких голубей, сидевших на высоком дубе, и подвесил их к поясу, чтобы приготовить вечером. Затем беглецы снова отправились в путь. С ними не случилось ничего стоящего внимания, пока в закатный час они не добрались до берега небольшой речки, чуть шире предыдущей. Тогда девушка села и сказала Вальтеру:

– Милый мой, этим вечером твоя подруга дальше не пойдёт. По правде говоря, я просто не могу больше идти, поэтому давай сейчас съедим убитую тобою дичь, а затем я поведаю тебе свою историю. Я уже не могу откладывать этот разговор, а потом, я надеюсь, мы спокойно заснём, и никто не потревожит наш сладкий сон.

Теперь голос девушки звучал весело, будто она больше ничего не боялась. Вальтера весьма ободрили и её слова и то, как она их произнесла. Он разжёг огонь и выкопал земляную печь, потом ощипал и испёк подстреленных голубей так, как делают все лесные охотники, после чего беглецы съели их с большим аппетитом, радуясь жизни и весьма приободрившись благодаря такому ужину. Когда же с едой было покончено, Вальтер на случай ночной да предрассветной прохлады и для отпугивания диких зверей подбросил дров в костёр. Тем временем наступила ночь, взошла луна, девушка подсела ближе к огню и начала свой рассказ.

Глава XXIV
Девушка рассказывает свою историю

– Теперь, друг мой, при свете луны и нашего костра я расскажу тебе всё, что смогу передать словами. Было же это так…

Если я всё же целиком отношусь к детям Адама, то я не смогу сказать тебе, сколько мне может быть лет. В моей жизни, знаешь ли, есть периоды, о которых память оставила мне лишь обрывки, и, без сомнения, многое я забыла насовсем. Я хорошо помню, как была вполне счастлива маленьким ребёнком. Меня окружали люди, которых я любила и которые любили меня. Я росла не в этой земле, но земля моего детства была так же прекрасна, как эта. Начало года, золотая его середина, увядание и конец, а затем снова начало – всё было полно счастьем, но это прошло, и потом какое-то время был только мрак, поскольку я ничего дальше о себе не помню, кроме того, что я существовала. Следующее, о чём я вспоминаю отчётливо, это то, что я уже молодая девушка, имеющая некоторые знания и страстно желающая узнать больше. Тогда-то я и перестала чувствовать счастье. Я жила среди людей, которые говорили мне: пойди, и я шла, говорили мне: сделай, и я делала. Никто не любил меня, но никто и не причинял мне боли. Моё сердце было полно ожидания чего-то, чего я и сама не знала. Я всё ещё жила не в этой стране, но в стране, которую я не любила. Я помню дом – большой и пышный, но совсем не уютный. За этим временем снова следует темнота, а за ней – лишь отрывочные воспоминания, после которых наступило злое время. Я уже была почти зрелой женщиной. Меня окружало множество людей – грязных, жадных и бессердечных. Мой дух стал жёстче, а тело слабее. Те, кого я считала глупее себя, говорили мне, что делать, и я не слушала их. Те, кого я считала трусливее себя, били меня, и я жила в нужде, побоях и постоянных страданиях, но всё, что со мной происходило, было для меня словно изображением на потускневшей картине, и среди всех людей, окружавших меня, кроме недругов были и друзья. Была старуха, которая рассказывала мне красивые истории о другой жизни, где все люди возвышенны и прекрасны или, по крайней мере, смелы и отважны. Она поселила в моём сердце надежду, она учила меня, она передала мне многие знания… многие… Я стала мудрой, и если бы захотела, могла бы стать и сильной, но всё это время я была никем в той стране, в том, как мне помнится, большом и грязном городе.

Как-то раз я заснула, и мне приснился кошмар. Временами он казался красивым, а временами страшным. В нём я встретила свою хозяйку вместе с тем уродом, чью голову ты сегодня расколол, но когда я проснулась, сон перешёл в явь, и я в самом деле оказалась уже в этой земле и стала такой, какой ты меня знаешь сейчас. Началась моя жизнь здесь. Я стояла посреди того зала с колоннами, который ты видел. Я была полуодета, мои руки связали. Карла подвёл меня к даме, и я услышала его хриплый голос: «Госпожа, подойдёт ли вот эта?» А затем я услышала нежный голос госпожи: «Эта подойдёт. Ты получишь свою награду. Теперь надень на неё невольничий знак». Я помню, как карла потащил меня куда-то, и моё сердце сжалось от страха перед ним, но тогда он не причинил мне вреда, а только надел на ногу это железное кольцо.

С того времени я и жила здесь невольницей у своей госпожи. Эту жизнь я помню день за днём, и больше нет уже тёмных провалов и снов в моей памяти, хотя рассказывать тебе об этой жизни почти что нечего, но вот что надо тебе поведать: несмотря на эти сны, а может, и благодаря им, я не утратила те знания, которым обучила меня старуха, и я жаждала всё больших знаний. Возможно, эта жажда и сделает теперь нас обоих счастливыми, но в то время она принесла мне только горе. Вначале моя хозяйка казалась просто капризной. Как и любая знатная дама, она была то ласковой к своей приобретённой невольнице, то жестокой, по настроению, хотя жестокой она была не со зла, а бесцельно, но в конце концов она

поняла, что и я обладаю некоторыми из знаний, благодаря которым она жила по-королевски. Конечно, узнала она об этом не сразу, а мало-помалу, случайно открывая мои умения. Прошло около двух лет моей неволи, и она начала видеть во мне свою соперницу. После потянулись ещё три утомительных года. Почему-то мне казалось, что была причина, по которой она не могла сразу убить меня или замучить до смерти, но ничто не запрещало ей сваливать на меня всевозможные горести и несчастья. Наконец, она натравила на меня своего слугу – этого карлу, чью голову ты расколол сегодня. Многое я вынесла от него такого, о чём не осмелюсь рассказать тебе, но пришло время, когда я больше не могла выносить его. Тогда я показала ему этот острый нож. (И я вонжу его в своё сердце, если ты не простишь меня!) Я сказала карле, что если он не оставит меня, то я убью – не его – но себя саму, а с этим карла не мог смириться, поскольку госпожа приказала ему, что в любом случае я должна остаться живой, а её руку останавливал страх. Была ей во мне какая-то нужда, несмотря на мои знания, из-за которых она ненавидела меня. Ненависть же эта росла и временами так бушевала в ней, что перебарывала страх, и в какое-нибудь подобное мгновение она наверняка убила бы меня, если бы я не скрывалась от неё благодаря своему искусству.

Теперь я расскажу тебе о том, что случилось, когда немногим больше года назад в земли моей госпожи прибыл сын короля. Он был вторым обычным человеком здесь, ты был третьим, и все мы попали сюда из-за её колдовства. Когда принц только появился у нас, он казался нам – и мне самой, и, в большей степени, моей госпоже – прекрасным, словно ангел. Она сильно полюбила его. Он также полюбил госпожу, но по-своему, так как он был легкомысленным подлецом с чёрствым сердцем. В то же время он положил глаз на меня и предложил мне свою любовь – нечистую и недостойную, как мне вскоре стало ясно, так как, когда я отказала ему (скорее из-за страха перед хозяйкой), он не пожалел меня, а разгневался и постарался расставить мне ловушку. С тех пор я не видела от него помощи и не слышала доброго слова, но, друг мой, вместо грусти и тоски я продолжала учиться, я становилась всё мудрее в ожидании дня своего освобождения, и вот он пришёл, – и вот пришёл ты!

С этими словами она взяла руки Вальтера и поцеловала их, он же поцеловал её лицо, и её губы были мокрыми от слёз. Девушка продолжила рассказ:

– Месяц назад госпоже всё же надоел этот негодяй, каким бы красивым он ни был. Настала твоя очередь попасться в её сети. Я догадываюсь, как это случилось. Как-то раз ясным днём я была в зале, прислуживая хозяйке, и злобная тварь, которой ты расколол голову, лежала там же у порога, как вдруг напал на меня сон. Я боялась рассердить госпожу и поначалу изо всех сил старалась побороть его, но колонный зал поплыл у меня перед глазами и, наконец, исчез вовсе. Под ногами вместо резных мраморных плит появились грубые камни мостовой. Я чувствовала запах моря и корабельных снастей, передо мной возвышались городские здания, а сзади были видны корабли. Канаты и паруса хлопали на ветру, мачты качались. Я слышала крики моряков. Подобные моменты уже давно растворились в тумане моей прошлой жизни.

Я ступала по набережной, передо мной шествовал карла, а за мной – госпожа. Мы взошли на большой корабль, он набрал ход и выплыл из гавани, и сразу же корабельщики подняли флаг.

Вальтер перебил рассказчицу:

– А что было на нём изображено? Не щит ли с волком, скалившимся на деву? Ведь эта дева, возможно, ты?

Девушка согласилась:

– Да, так оно и было. Только подожди, позволь я расскажу всё до конца! Море и корабль растворились в воздухе, но я оказалась не в зале Золотого дома, а на улице того же города, который только что покинула. Мы втроём опять шли куда-то, но это видение было несколько смазанным, я плохо помню подробности – вижу перед собой лишь дверь в добротный дом,

но всё очень быстро растворилось, и я снова оказалась в колонном зале дома, в котором я стала невольницей.

– Послушай, – опять перебил её Вальтер, – позволь задать тебе ещё один вопрос: меня ты не видела там, на причале у твоего корабля?

– Нет, не видела. Там было много народу, но все люди тогда казались мне чуждыми и безжизненными, словно тени. Слушай дальше: три месяца спустя снова напал на меня сон, когда мы были все втроём в колонном зале, но и этот сон был неясным. Видела я, что снова мы идём по шумной городской улице, но этот город был не похож на тот, что привиделся мне в первый раз. Справа от нас у двери какого-то дома стояли мужчины…

– Да, да! – вскричал Вальтер. – Одним из них был как раз я!

– Любимый, подожди немного, – улыбнулась девушка. – Мой рассказ близится к концу, и я попрошу тебя слушать внимательно, потому что боюсь, как бы ты не решил, что мой поступок непростителен. Дней двадцать спустя после этого сна было у меня свободное время, хозяйка тогда отпустила меня ненадолго. Я пошла отдохнуть к роднику возле дуба… А может, это она вложила мне в голову мысль пойти туда, чтобы получить свидетельство против меня. Я села у источника, но не потому, что любила сидеть на земле, а потому, что на сердце у меня было тяжело. Незадолго до того принц требовал немедленно покориться ему, угрожая ежедневными мучениями и бесчестьем. Силы оставили меня, и я уже была почти готова согласиться, чтобы иметь хоть малейший шанс жить немного лучше, чем в этих невыносимых мучениях, но тут я должна поведать тебе о другом, и я прошу – отнесись к этому серьёзно. Чтобы отказывать этому негодяю, нужно было мужество, и более всего оно поддерживалось во мне осознанием того, что мои магические силы – силы девицы, а не женщины, и с того самого момента, как я стану женщиной, я утрачу их. Ты, должно быть, подумаешь обо мне плохо, узнав, что я тогда решила за один раз лишиться всего, что с таким трудом собирала всю свою жизнь – так низко пала я от страха перед госпожой.

Итак, я сидела там, размышляя о своём положении, когда увидела идущего ко мне мужчину. Конечно, я решила, что это сын короля, но это был чужестранец с золотыми волосами и серыми глазами, а когда он заговорил, голос у него оказался таким добрым, что сердце моё проснулось, и я поняла, что друг мой пришёл ко мне, и… О, друг мой! Я плачу сейчас, потому что вспомнила час нашей первой встречи!

Вальтер ответил ей:

– Я тоже думаю, что пришёл именно ради тебя, любовь моя. Я выдержу всё, что ты мне ни скажешь, лишь бы мы оказались в безопасности вдали от этих злых мест, но ты, наверное, опять будешь ругать меня за мою несвоевременную нежность.

Девушка рассмеялась сквозь слёзы:

– О, нет, бедный ты мой! Не буду, если останешься благоразумным.

Она наклонилась к нему, обняла его голову и долго целовала его. От сильной любви к ней и жалости в глазах Вальтера появились слёзы.

Девушка же сказала:

– Увы, друг мой, но и сейчас ты можешь посчитать меня виновной и отвернуться от меня, когда услышишь, что я сделала ради нас с тобой. О, если б я могла искупить свою вину, чтобы только нам не разлучаться!

– Не бойся, дорогая моя, – ответил ей Вальтер. – Я думаю, что частично уже знаю, что ты сделала.

Девушка вздохнула и продолжила:

– Я признаюсь тебе, что запрещала целовать и обнимать себя до этого дня потому, что знала – моя хозяйка наверняка почувствует, если ты притронешься с любовью хотя бы и к моему пальцу. Тем утром перед охотой она целовала и сжимала меня в объятиях чуть ли не до смерти, показывая тебе мои плечи и ноги, именно с целью испытать меня, и тебя она

тогда испытывала: хотела видеть, не заблестят ли твои глаза, не зардеются ли щёки. Ведь она сильно ревновала тебя! Кроме того, друг мой, даже когда мы ещё только гуляли вместе у родника возле скалы, я уже размышляла, нельзя ли нам сбежать из этой страны обмана. Ты спросишь, почему невозможно было просто взяться за руки и побежать, как мы побежали сегодня. Мой друг, я знаю точно, что, будь она жива, мы бы не дошли даже до этого места. Она бы натравила на нас своих слуг, и они вернули бы и тебя, и меня нам же на горе, поэтому, как я и сказала тебе, я с самого начала задумала смерть этих двоих: карлы и моей хозяйки, иначе было бы невозможно, чтобы и ты остался в живых, и я избежала смерти. А о том негодяе, что угрожал мне наказанием как невольнице, я и не думала, меня не волновало, жив он или умер, так как я знала, что твой доблестный меч или даже твой кулак быстро укротят его, поэтому я решила, что притворюсь перед сыном короля, будто готова сдаться ему, что я и сделала, как ты знаешь, но ни ночью, ни в какое другое время я не делила с ним постель и впервые пообещала разделить только тогда, когда ты слышал наш разговор за день перед тем, как получил задание принести львиную шкуру. До этого дня я совершенно не знала, что делать, и хотела, с болью и горечью, попросить тебя сдаться перед страстью бесчестной женщины. Когда же мы беседовали у потока, я увидела, что злобная тварь (чей череп ты раскроил сегодня) следит за нами. Всегда, когда я вижу его, даже когда я просто вспоминаю его, – ах, да, он мёртв теперь! – меня охватывает страх, но тогда, посреди этого страха меня озарила мысль, как уничтожить врага. Для этого я и сделала карлу посланником к хозяйке, когда пригласила тебя разделить со мной ложе, зная, что он услышит мои слова. Ты понимаешь, что он, конечно же, сразу принёс ей новости, а я поспешила к принцу просить его, а не тебя, прийти ко мне ночью. Затем я стала ждать встречи с тобой. Я искала тебя повсюду, хватаясь за каждый шанс, и, наконец, увидела тебя, когда ты возвращался после поиска шкуры несуществующего льва, и предупредила. Если бы не эта встреча, то ничего не получилось бы.

Вальтер спросил:

– А лев был её или твоим творением?

– Её, конечно. Зачем мне было этим заниматься?

– Действительно, зачем? Но она и в самом деле упала тогда в обморок! И потом так сильно была разгневана на врага…

Девушка улыбнулась:

– Если бы её ложь не выглядела правдиво, то она не была бы таким мастером обмана, такой, какой я её знаю. Врать можно не только языком, а на врага она ведь и в самом деле гневалась! Врагом же была я, и в эти дни её гнев никогда не оставлял меня. Но я продолжу рассказ.

Знай, что когда ты в тот вечер вошёл в зал, хозяйка уже проведала о твоей будущей встрече со мной и уже решила убить тебя, но прежде она хотела вновь почувствовать твои объятия, поэтому и уделяла тебе столько внимания за столом (чем надеялась досадить и своей служанке), поэтому и пригласила к себе. Она думала, что ты не посмеешь отказаться, даже если потом тебе надо будет идти в мою спальню.

Итак, подлец был в моих руках, как ты понимаешь. Я дала ему зелья, и он лёг в постель. Когда же я подошла к нему, он уже не мог ни двинуться, ни даже открыть глаз. Я легла рядом с ним, чтобы госпожа знала, что моё тело было здесь, ибо иначе она сразу что-то заподозрила бы. Пока я лежала с ним, я придала ему твой облик, так что никто не мог бы сказать, что это не ты лежишь рядом со мной. Тогда, вся дрожа, я стала ждать, что произойдёт. Прошёл час, в который ты должен был побывать в её комнате, и настал час, в который, как считала моя хозяйка, ты должен был прийти ко мне. Вот-вот уже она сама должна была прийти, и сердце моё стучало сильнее – так я боялась её жестокости!

Наконец, я услышала какие-то звуки из комнаты госпожи, тогда я встала из постели и спряталась за портьерой. Я готова была умереть от страха, но вот она, мягко ступая, вошла в комнату, держа лампу в одной руке и нож в другой. Скажу тебе правду: у меня и самой был нож на случай, если придётся защищать свою жизнь. Госпожа держала лампу высоко над головой. Она подошла к кровати, и я услышала, как она бормочет: «Её здесь нет! Но её найдут!» Она наклонилась над постелью и положила руку туда, где только что лежала я. Затем она взглянула на человека, которому я придала твой образ. Хозяйка задрожала, у неё подкосились ноги, и лампа выпала из её рук на пол и погасла. Комнату заливал лунный свет, поэтому мне и без лампы было видно всё, что там происходило. Госпожа издала звук, похожий на рёв дикого зверя, и я увидела, как она подняла руку. Блеснула сталь, а затем рука с кинжалом опустилась вниз… Я чуть не лишилась сознания, – мне вдруг почудилось, что человек в моей постели был тобой. Подлец умер, не издав ни звука. Почему я должна печалиться из-за его смерти? Я не могу плакать по нему. Госпожа прижала его тело к себе и разорвала одежду на его плечах и груди с бессвязными причитаниями, но некоторые слова я поняла. Я услышала, как она сказала: «Я забуду. Я должна забыть. Наступят новые дни…» Ненадолго нависла тишина, а затем она вскричала страшным голосом: «О, нет, нет, нет! Я не могу забыть! Я не могу забыть!» И, издав продолжительный скорбный вопль, наполнивший ночную тьму невыразимым ужасом (ты не слышал его?), она схватила с постели нож, вонзила его себе в грудь и рухнула мёртвой на кровать, где уже лежало тело только что убитого ею мужчины, а я вспомнила, что ты ждёшь меня, и радость поборола мой страх, не могу отрицать этого. Я помчалась к тебе, взяла твои руки в свои, и мы побежали вместе. Будем ли мы и дальше вместе?

Вальтер отвечал медленно, не прикасаясь к девушке, а она, сдерживаясь от плача и рыданий, сидела, глядя на него с тоской в глазах. Вальтер произнёс тогда такие слова:

– Я верю, что ты рассказала мне всё. Хитрость ли твоя погубила её или её собственная злоба, но так или иначе, а она была убита прошлой ночью, а ведь в ночь до того она лежала в моих объятиях. Это было зло, и причиной этого зла был и я. Я любил не её, а тебя и желал ей смерти, чтобы я мог быть с тобой. Ты знаешь это и всё же любишь меня, даже слишком сильно любишь. Что же я могу сказать? Если и виновен кто в обмане, то и я участвовал в нём, и если и виновен кто в убийстве, то и я участвовал в нём. Скажем же друг другу, скажем перед Богом и его святыми: «Мы вдвоём составили заговор, чтобы убить женщину, мучившую одного из нас, и если мы поступили дурно, то вместе и должны понести наказание, ибо мы сделали это как один человек, у которого одна душа».

С этими словами Вальтер обнял девушку и по-дружески нежно поцеловал, успокаивая её, а потом сказал:

– Может быть, завтра при свете дня я попрошу тебя рассказать мне об этой женщине, сейчас же оставим её в покое. Ты теперь очень устала, и я хотел бы, чтобы ты отдохнула.

Вальтер походил по лесу, собрал кучу валежника для постели, накрыл валежник своей курткой и уложил туда девушку. Она же кротко легла, с улыбкой сложила на груди руки и заснула, а сам Вальтер сторожил у костра всю ночь, пока не занялся рассвет, а затем также лёг и уснул.

Глава XXV
О торжественном летнем наряде девушки

Когда настал день, Вальтер поднялся и увидел, что девушка уже возвращается с реки, свежая и румяная после умывания. Она подошла к нему и слегка побледнела, стыдливо отстранившись от него, но Вальтер взял её за руку и не таясь поцеловал. Они оба чувствовали себя счастливыми, и им не нужно было говорить о своей радости, хотя у них оставалось на сердце много того, что можно было рассказать друг другу, если б только для этого нашлись слова.

Они сели к костру и стали завтракать, а когда закончили, девушка сказала:

– Мой господин, ты видишь, что мы уже почти дошли до гор, и к закату будем в стране медвежьего народа, и вряд ли мы сможем не попасться им в руки, а если попадёмся, то вряд ли сможем сбежать, и всё же я думаю, что мы избавимся от опасности с помощью мудрости.

– А в чём эта опасность? – спросил Вальтер. – Я имею в виду, что самое страшное может нас ожидать.

Девушка ответила ему:

– Быть принесёнными в жертву их божеству.

– А если мы и избежим этого, то что потом?

– Одно из двух: они могут принять нас к себе в племя…

– А разлучат ли они нас?

– Нет.

Вальтер рассмеялся:

– Тогда в этом нет вреда. В чём же вторая возможность?

– В том, что они отпустят нас, и мы вернёмся в христианские страны.

– Я не уверен, что это лучшая возможность из двух, хотя ты, вероятно, думаешь именно так, но скажи мне, что за божество они почитают принесением ему в жертву чужестранцев?

– Их божество – женщина. Они почитают её как мать их народа, управлявшую племенами до появления вождей и Владык сражений.

– Но это было так давно, как же она может жить сейчас?

– Без сомнения, женщина тех дней уже умерла много-много лет назад, но они почитают каждый раз новую женщину, принимая её за воплощение их древней матери, и, по правде говоря, та, что лежит мёртвой в доме с колонным залом, и была последней из их божеств, и если они узнают об этом, то им понадобится новое божество. Мы им так и должны сказать.

– Да, да! – воскликнул Вальтер. – Хороший же приём мы получим от них, если придём к ним с руками в крови их божества!

Девушка улыбнулась и ответила:

– Когда я принесу им весть о том, что я убила её, они, без сомнения, сделают меня новым божеством, если, конечно, поверят.

– Странные вещи ты говоришь, – сказал Вальтер. – Но если всё будет так, то как это приблизит нас к нашим родным, к христианскому народу?

Девушка рассмеялась в ответ – такой радостной она стала теперь, когда знала, что его жизнь отныне – это часть её жизни.

– Дорогой! После этих слов я вижу, что твои желания полностью совпадают с моими, но что бы с нами ни случилось, мы можем теперь ждать, потому что отныне наше ожидание означает жизнь, а не смерть, хотя бы и такую жизнь, как сейчас, но, честно говоря, я думаю, они не будут нас задерживать, если решат, что я их божество. Они и не требуют, чтобы их божество постоянно жило среди них, не бойся.

Девушка снова засмеялась и сказала:

– Что такое? Ты смотришь на меня, думая, наверное, что жалкое из меня выйдет божество? В скудной одежде без рукавов, босая! Но подожди! Я знаю, как нарядиться, когда придёт время. Ты увидишь! А теперь, мой господин, не пора ли нам выступить в путь?

Они поднялись, отыскали брод через реку, где вода доходила девушке только до колен, и, направляясь к стране холмов, пошли дальше по зелёным склонам, на которых лишь местами попадались деревья.

Но вот они уже начали подъём в горы. В долинах между вершинами росли орехи и ягоды, среди густой травы виднелись цветы, в одной из долин путники и остановились, чтобы пообедать, так как Вальтер подстрелил по дороге зайца. Там они нашли и журчащий ручей у серого камня на поляне, где весело пели птицы.

Когда с едой было покончено и путники отдохнули, девушка поднялась и сказала:

– А теперь королева наденет свой убор, чтобы стать подобной божеству.

Она принялась за работу, а Вальтер смотрел на неё. Девушка сплела венок из самых свежих роз и надела его на голову. Талию она опоясала гирляндой из полевых цветов, концы которой свисали до колен. К подолу платья девушка подвязала цветочные банты. Сделала браслеты для запястий и лодыжек, украсила цветами свою обувь. Наконец, она возложила один венок на голову Вальтеру и, отойдя на пару шагов и поставив вместе ноги, а руки подняв, сказала:

– Теперь посмотри на меня! Разве я не Мать лета? Зачем мне одеваться в золото и шелка? Меня и в таком виде признает медвежий народ. Теперь пойдём, ты увидишь, что всё будет хорошо.

Она весело рассмеялась, но Вальтер не мог смеяться, печалясь о своей возлюбленной. Они пустились в путь, который теперь вёл вверх по склонам гор. Несколько часов прошли в приятной беседе. Наконец, Вальтер взглянул на девушку, улыбнулся ей и произнёс:

– Одно я скажу тебе, мой милый друг: была бы ты одета в золото и шелка, твои роскошные одежды, хоть бы даже с пятнами да прорехами, для медвежьего народа всё равно остались бы роскошными, но твой цветочный наряд увянет через пару часов и обратится в ничто. Я уже и сейчас вижу, как таволга свисает с твоего пояса, утратив цвет, а очанка на подоле твоего белого платьица уже не такая яркая и голубая, как была. Что ты думаешь об этом?

Девушка засмеялась и остановилась, оглянувшись через плечо. Пальцами она начала перебирать цветы, словно птица, расправляющая пёрышки. Затем она сказала:

– В самом деле всё увяло? Приглядись-ка хорошенько!

Вальтер взглянул и не поверил тому, что увидел: на его глазах кольца таволги вновь стали чистыми и свежими, цветки очанки опять заблестели на белых ногах девушки, розы раскрылись, и всё это было таких ярких, насыщенных оттенков и издавало такой аромат, что казалось, будто цветы живые и растут сами собой.

Вальтер был удивлён и несколько озадачен, девушка же сказала:

– Мой друг, не бойся! Разве я не говорила тебе, что владею тайными знаниями? Но мудрость моя больше не причинит никому вреда, и вспомни ещё одно: я сказала, что расстанусь со своими знаниями в тот день, когда стану счастливой сама, и только тебе будет принадлежать вся моя мудрость, мой господин, а пока пусть она ещё ненадолго останется при мне. Теперь же – вперёд! Смело и радостно – вперёд!

Глава XXVI
Путники приходят к медвежьему народу

Путники продолжили свой путь, и скоро они пришли в низинную страну, почти безлесную, только изредка встречались им какие-нибудь сучковатые колючие кусты, самым высоким из которых был дрок. Хотя шло только начало лета, поля были иссушены засухой. Теперь Вальтер с девушкой направлялись прямо на юг к горной цепи. Они уже видели голубые вершины, вздымающиеся над серыми холмами. Так они шли и шли, пока, наконец, не остановились, ближе к закату, после долгого восхождения на высокий склон, с вершины которого им открылись новые земли.

Внизу простиралась широкая равнина, зеленее тех холмов, которые они только что миновали. Посередине деревьев было больше – там равнина увлажнялась потоком, петляющим по её дну. Овцы с волами паслись на пастбищах, а в небо уходил высокий столб дыма от костра, разожжённого в середине круга, который был составлен из небольших круглых же построек, стены их были из дёрна, а крыши из тростника. В восточном конце долины виднелась постройка из больших камней (вблизи источников камня не было) – Кольцо Судьбы. Около костра посреди деревни и в других местах то тут, то там виднелись человеческие фигуры огромных размеров. Мужчины и женщины стояли или шли куда-то, а между ними играли дети.

Путники постояли ещё минуту-две, осматривая долину. Внизу всё было спокойно, хотя для Вальтера это место казалось странным и ужасным. Он спросил шёпотом, словно его могли услышать, хотя расстояние было такое, что и крик не вполне можно было бы разобрать:

– Это и есть медвежий народ? Что нам теперь делать?

Девушка ответила:

– Да, это и есть медвежий народ. Другие племена, подобные ему, живут дальше к северу и к востоку, ближе к морю. Что нам делать, спрашиваешь? Думаю, нам надо мирно спускаться к ним и не задерживаться здесь. Мы и в самом деле не сможем укрыться от них. Видишь, они уже нас заметили?

И действительно, трое или четверо рослых мужчин направлялись к вершине холма, на котором стояли Вальтер с девушкой, окликая чужаков громкими, грубыми голосами, но без злобы или угрозы. Девушка взяла Вальтера за руку, и они оба спокойно спустились вниз. Воины их увидели и остановились, ожидая, когда чужаки подойдут ближе. Вальтер заметил, что хотя они и были очень высокими и крупными, но всё же не такими сверхъестественно гигантскими, чтобы выглядеть как-то необычно. Мужчины носили длинные волосы, ярко-рыжие или с коричневым оттенком, и косматую бороду. Кожа их была смуглой от солнечного загара и ветра, это можно было заметить там, где её не прикрывала одежда, но темнокожими они не были, женщины с красивыми глазами выглядели миловидными. Ни в мужчинах, ни в женщинах не было ни признака свирепости или какой-либо злобы, наоборот, эти люди казались важными и серьёзными. Одежды на них было мало. И для мужчин, и для женщин она шилась из овечьих да оленьих шкур, а дети и вовсе бегали нагими.

Оружием им служили дубины, копья с наконечниками из кости или камня и безобразные топоры из больших кусков кремня, примотанных к деревянной рукояти, но ни сейчас, ни позже Вальтер не видел у них ни одного лука, зато у некоторых молодых людей были за плечами пращи.

Когда же воины подошли на три фатома, девушка возвысила свой ясный и нежный голос и поприветствовала их:

– Мир вам, медвежий народ! Мы пришли к вам ради вашего блага и не причиним вреда. Мы хотим знать, примете ли вы нас с миром.

В окружении воинов стоял старик в мантии из оленьей шкуры очень хорошей выделки. На руке у него было золотое кольцо, а на голове – венец из голубых камней. Старик сказал:

– Вы малы ростом, но прекрасны, и если бы вы были побольше, мы решили бы, что вы пришли из Дома божеств, но я слышал, что любое божество, а особенно наше, может быть и пониже ростом, чем мы, люди из племени медведей. Как это возможно, мне не понять, но если вы не из числа божеств и не из их рода, значит, вы просто чужестранцы, а с чужестранцами мы поступаем одним из трёх способов: либо встречаемся с ними на поле боя, либо приносим их в жертву, либо принимаем их в число детей Медведя. Ещё вы можете быть посланцами другого народа, пришедшими с предложением дружбы и союза с нами. В таком случае вы уйдёте от нас с миром, если не с дарами, а пока вы будете гостить здесь, ни в чём не нуждаясь. Итак, мы просим вас объявить нам, с чем вы пожаловали сюда.

Тогда заговорила девушка:

– Отец, мы легко можем ответить тебе на этот вопрос, но мне кажется, что вечером вокруг костра соберутся далеко не все из детей Медведя.

– Ты верно сказала, дева, – согласился старец, – у Медведя гораздо больше детей.

– В таком случае мы попросим вас разослать знаки сбора племён, и когда все встанут в Кольцо Судьбы, тогда мы и изложим вам наше дело, тогда и поступайте с нами так, как положено.

– Справедливые слова, – ответил старец. – Завтра до наступления полудня вы будете стоять в Кольце Судьбы в нашей долине и будете говорить с детьми Медведя.

Произнеся это, старец обратился к своим воинам и выкрикнул что-то на языке, которого путники не знали. К нему сразу же один за другим подбежали шестеро молодых мужчин, каждому из которых старец дал из своей сумы какую-то вещицу, а какую, Вальтер не смог разглядеть. Он понял только, что она была очень маленькой. Старец же сказал что-то каждому из гонцов, и те сразу бросились бежать в направлении, противоположном тому, откуда вошли в долину Вальтер и девушка. Вскоре бегуны скрылись в надвигающихся сумерках.

Старец повернулся к путникам и сказал:

– Мужчина и женщина! Кем бы вы ни были и что бы ни ожидало вас завтра, сегодня вы наши желанные гости. Ешьте же и пейте у нашего костра!

Все сели на траву вокруг тлеющих углей костра и ели творог и сыр, и пили в изобилии молоко, а когда пришла ночь, раздули огонь, чтобы стало светлее. Дикари разговаривали друг с другом, смеясь и дружелюбно жестикулируя, но к чужакам почти не обращались. В то же время враждебности они не проявляли, как опасались Вальтер с девушкой. Тогда же Вальтер отметил, что молодёжь обоего пола, казалось, не могла не следить за чужаками, и во взгляде юношей и девушек читалась нерешительность, а может, и страх.

В начале ночи старец поднялся и попросил путников идти за ним. Он привёл их в домик чуть больше остальных, стоящий в самой середине деревни, и дал знать, что тут они проведут остаток ночи. Он пожелал путникам спокойного сна, сказав, что здесь им нечего бояться до самого утра. Вальтер и девушка вошли внутрь и увидели постели из вереска. Они легли и поцеловали друг друга как брат и сестра, а снаружи их хижины, у самого порога, расположились четверо проворных вооружённых воинов, так что новопришедшие больше походили на пленных, а не на гостей.

Тогда Вальтер, не сдержавшись, сказал:

– Милая и дорогая моя подруга! Я много прошёл, считая с того самого дня, как увидел на пристани Лангтон-он-Хольма образы карлы, девы и дамы. Всё это время и все муки, что мне довелось претерпеть, стоят твоего поцелуя и доброго взгляда твоих глаз, но завтра,

боюсь, мой путь в этом мире окончится, хотя я и отправлюсь дальше, чем до Лангтон-он-Хольма отсюда, и пусть Бог и все Его святые хранят тебя среди этого дикого народа в то время, как я покину тебя.

Девушка тихо и нежно рассмеялась:

– Мой друг, ты говорил мне такие скорбные речи для того, чтобы я тебя больше любила? Тогда у тебя ничего не вышло, потому что я уже не могу любить тебя больше, чем сейчас, а сейчас я люблю тебя всем сердцем, но прошу тебя: взбодрись, ведь нас ещё не разлучают, да и не разлучат никогда. Я не думаю, что мы умрём здесь завтра или когда-либо. Мы умрём много лет спустя, уже после того, как познаем всю радость жизни, а пока я желаю тебе доброй ночи, мой милый друг!

Глава XXVII
Утро среди медвежьего племени

Вальтер лёг и заснул. Он крепко спал и проснулся только ясным днём. Девушка стояла над ним. Она уже освежилась, сходив искупаться на реку. Солнечные лучи из открытой двери падали рядом с подушкой Вальтера как раз на её ступни. Юноша повернул голову, протянул руку и погладил их, а она всё стояла, улыбаясь ему. Тогда Вальтер поднялся, посмотрел на неё и сказал:

– Как же ты свежа и радостна этим утром! И в то же время… в то же время… как мне жаль, что ты одела себя в эти увядшие, поникшие наряды из листьев и цветов и стала теперь похожа скорее на спутницу акробата, выступающего на майских праздниках!

И он пристально и с сочувствием посмотрел на неё.

Девушка весело рассмеялась:

– И правда! Я думаю, что и прочие считают так же, – ведь там уже собирают хворост для жертвенного костра, и гореть на этом костре будем мы с тобой, если я не смогу исправить положение с помощью тех знаний, которые передала мне старуха и которые я постоянно пополняла в перерывах между побоями от моей госпожи, не так давно любимой тобой.

Глаза девушки блестели, когда она говорила, щёки горели, а ноги словно были готовы пуститься в пляс от радости, но Вальтер нахмурил брови: в его голове промелькнула мысль – неужели она выдаст им его, оставшись жить одна? Он опустил взгляд, но девушка сказала ему:

– Посмотри мне в глаза, мой друг, и скажи, видишь ли ты в них ложь? Я знаю твои мысли, я знаю их. Разве ты не понимаешь, что радость моя – от твоей любви да от того, что скоро наступит конец нашим бедам?

Вальтер поднял голову, и их взгляды встретились. Глаза девушки излучали любовь, и Вальтер уже готов был обнять её, но она отстранилась от юноши:

– Нет, пока ещё ты не должен прикасаться ко мне, мой друг, иначе эти люди могут увидеть нас и решить, что мы чересчур влюблены друг в друга, и тогда они не поверят тому, что я хочу рассказать им. Скоро полдень, и племя медведей уже стекается в долину. В Кольце Судьбы собралось много народа и куча хвороста готова для жертвенного огня – нас ли сожгут на нём или другую жертву? Я сейчас попрошу об одной услуге. Исполнение её будет лёгким для тебя: веди себя так, словно ты и вправду принадлежишь к божественному роду, не отступай и не показывай и признака трусости, что бы ни случилось. Всегда соглашайся с тем, что я скажу. И, наконец, ещё одна просьба, единственно трудная для тебя, хотя ты уже и делал ранее нечто подобное. Я прошу тебя смотреть на меня не глазами господина, не глазами влюблённого, а так, словно ты самый обыкновенный мой слуга.

– Возлюбленная моя подруга! – ответил Вальтер. – Здесь ты моя хозяйка, и я выполню все твои просьбы, надеясь лишь на то, что мы будем жить вместе и умрём вместе.

Когда они так разговаривали, в хижину вошёл уже знакомый им старец, а с ним молодая девушка, несущая их завтрак: творог, сливки и землянику. Старец попросил гостей поесть. Вальтер с девушкой поели, пребывая в хорошем расположении духа. За трапезой старец говорил с ними серьёзно, но не резко, и не было слышно никакой вражды в его голосе. Он, по большей части, рассказывал о засухе, которая сжигала племенные низинные пастбища. Травы, говорил он, в орошаемых потоком землях и так немного, но и она увянет, если божество не пошлёт им дождя. Вальтер обратил внимание на то, что во время разговора старец и девушка внимательно изучали друг друга. Старец хотел понять, что она ответит на его слова, заинтересовалась ли она ими, а девушка, со своей стороны, говорила со старцем любезно и вежливо, но не сказала ничего, относящегося к делу. В то же время она старалась не смотреть

на него, её глаза постоянно блуждали с одного предмета на другой. Губы девушки также не находились в покое, но улыбались, дополняя улыбку её лучистых глаз, и на самом лице её была радость летнего дня.

Глава XXVIII
О новом божестве медвежьего племени

Наконец, старец сказал:

– Дети мои, теперь вы можете пойти со мной к Кольцу Судьбы нашего народа – медведей Южных долин. Там вы поведаете свою историю, а я буду просить племя сжалиться над вашими телами, как сжалился над ними я сам, особенно над твоим, девушка, – так ты прекрасна и привлекательна! Если же ваши слова будут лживыми подобно словам подлецов, то не видать вам славы ухода из этого мира посреди пламени – даром божеству и надеждой народа. Лжецы проходят под розгами наших воинов, пока не упадут от ударов, и тогда их кидают в поток Конца долины и кладут на них каменный груз, чтобы убрать из памяти медвежьего племени их глупость.

Девушка взглянула прямо ему в глаза, и Вальтеру показалось, что старик отпрянул от неё, но сказала она так:

– Ты стар и мудр, о человек, уважаемый племенем медведей, но мне нечему учиться у тебя. Веди же нас к Месту поручений.

Старец привёл их к Кольцу Судьбы на восточном конце долины. Теперь оно всё было заполнено высокими людьми, которые стояли с оружием в руках почти вровень с серыми камнями. В самом центре Кольца возвышался большой камень, которому придали форму кресла. На нём сидел старик с длинными седыми волосами и бородой. Справа и слева от него стояли высокие женщины, одетые, как воины. Каждая из них держала длинное копьё, а на поясе у каждой висело по кремневому ножу. Больше женщин на холме не было.

Старец, приведший Вальтера с девушкой, оставил чужаков на середине холма, указав им на большой плоский камень, возвышающийся на шесть футов* над землёй прямо перед старым вождём. Они поднялись на него по грубой лестнице и встали на виду у всего народа. Вальтер был в своей заморской, довольно красивой одежде из малинового сукна, шёлка и белого льна, хотя за время путешествия она поизносилась да кое-где появились пятна. На девушке же было надето всего только то лёгкое платье, в котором она сбежала из Золотого дома, что в Лесу за Гранью Мира. Украшали его увядшие гирлянды, сплетённые ещё вчера, и хотя цветы уже потеряли большую часть своей красоты, великаны пристально смотрели на неё с почтением в глазах.

Вальтер, согласно данному им девушке слову, упал рядом с ней на колени и, вытащив свой меч, положил его перед собой, словно бы для того, чтобы держать в стороне от девушки всех, кто попытается подойти слишком близко. На холме воцарилось молчание, и взгляд каждого был устремлён на двух чужестранцев.

Старый вождь поднялся и сказал:

– Слушай, о мой народ! Вот неизвестно откуда пришли мужчина и женщина и заявили, что только на Холме собрания расскажут, зачем они здесь. Так и должно было им сделать, на подобный шаг решаются лишь смельчаки. Ведь если у этих чужестранцев не найдётся достаточно важного дела, чтобы его выслушивать в Кольце Судьбы, а окажется только, что они хотели ввести нас в заблуждение, то они умрут страшной смертью! Если же они пришли к нам, чтобы мы принесли их в жертву кремневым ножом и огнём, то всё уже готово для этого. Если же они передадут нам весть от другого народа, то жизнь их зависит от этой вести. Послушаем, что они скажут нам о себе и о том, зачем пришли сюда. Мне кажется, что вождём у них женщина, и говорить будет она. Посмотрите: мужчина стоит на коленях у её ног, словно служит ей и почитает её. Говори, женщина! Пусть наши воины услышат тебя!

Девушка заговорила громко, ясным и пронзительным голосом, звучащим, словно флейта лучшего из менестрелей:

– Послушайте, дети Медведя! Я задам вам вопрос, и пусть вождь, что сидит передо мной, ответит на него.

Старик кивнул, и девушка продолжила:

– Скажите же мне, дети Медведя, как много времени прошло с тех пор, как вы видели ваше божество в образе женщины?

Старец сказал:

– Много зим прошло с тех пор. Отец моего отца был ребёнком, когда видел божество в образе женщины.

И снова спросила девушка:

– Рады ли вы были её посещению? Обрадуетесь ли, если вновь она придёт к вам?

– Конечно, – ответил старый вождь. – Она одарила нас, она дала нам знание, она явилась не в страшном образе, но в образе молодой и прекрасной, как ты, женщины.

– Тогда настал день вашей радости! Ибо старое тело мертво, а я – новое тело вашего божества – пришла к вам ради вашего блага!

На холме наступила мёртвая тишина. Первым заговорил старец:

– Что могу сказать я и не умереть? Ведь если ты и вправду божество, а я смел угрожать тебе, то не поразишь ли ты меня? Ты сказала нам великое слово своими нежными губами и подняла кровавую ношу своими нежными руками. Если дети Медведя окажутся обманутыми пустыми речами, то как им смыть позор этого? Потому прошу тебя, покажи нам знамение, доказывающее, что ты божество. Ведь если ты и в правду божество, это будет простой задачей для тебя, а если не справишься, то мы увидим твой обман, и ты понесёшь справедливое наказание. Мы отдадим тебя в руки этих женщин, и они кинут тебя в поток, что течёт рядом с нашим холмом, но прежде они будут сечь тебя, пока не устанут, а мужчину, что стоит на коленях у твоих ног, мы отдадим истинному божеству, отправив его дорогой кремневого ножа и огня. Ты слышала? Так дай же нам знамение!

Лицо девушки нисколько не изменилось при этих словах. Наоборот, глаза её только загорелись ярче, и щёки порозовели сильнее, а ноги, казалось, не могли устоять на месте и всё хотели пуститься в пляс. Она оглядела собрание и сказала звонким голосом:

– Старик, тебе не стоит бояться за свои слова! Ты не меня пугаешь побоями и нечистой смертью, а глупца и лжеца, которого нет среди нас. Выслушай же меня! Я знаю, что вам нужно. Я пошлю вам дождь, который прекратит долгую засуху, но чтобы принести вам этот дождь, я должна уйти в южные горы, поэтому пусть несколько из ваших воинов проводят меня и моего человека к большому проходу в этих горах. Отправиться мы должны сегодня же.

Она замолчала, и все смотрели на неё молча, застыв без движения, словно каменные изваяния людей среди камней Кольца Судьбы.

Сделав паузу, девушка снова заговорила:

– Для некоторых из вас, дети Медведя, это знамение будет достаточным, но я знаю вас, вы народ жестоковыйный, и если дара нет у вас в руках, то вы и не видите в нём дара, и пока вы не увидите чуда, ваши сердца не поверят в него, поэтому взгляните теперь на меня. Я пришла из страны, которая прекраснее вашей, из страны лесов, и разве я не принесла с собой лето? Разве моя рука не одарит, а сердце не прибавит к этому?

И как только она закончила говорить, увядшие цветы, свисавшие с её наряда, вдруг вновь посвежели и обрели жизнь. Жимолость обвилась вокруг её шеи и гладких плеч, обняв девушку и источая свежий аромат у самого её лица. Лилии на её бёдрах подняли свои головки и спустили вниз золотые кисточки. Очанка, украшавшая платье, расцвела ярко-голубым цветом. Розы вновь раскрыли лепестки и прикрыли листьями ноги девушки. Среди розовых листов пустила свои кольца таволга, придавая цвету коленей особую свежесть. Костенец усыпал одежду, будто жемчуг. Девушка стояла в цветах, как крупная восточная жемчужина

посреди ажурной золотой каймы, а лёгкий ветерок долины разносил цветочный аромат по всему холму.

И тогда воины вскочили, закричали и заревели, и застучали в щиты, и метнули ввысь свои копья. Старый вождь поднялся со своего места и смиренно подошёл к девушке, умоляя её высказать свою волю. Остальные же не осмеливались и подойти к ней, хотя и собирались в группы. Девушка ответила вождю, что сейчас ей надо уйти в горы, откуда она пошлёт им дождь, которого им так не хватает. Оттуда она пойдёт дальше на юг, но они ещё услышат о ней, а может, и увидят её прежде, чем воины станут старцами.

Старик упрашивал девушку позволить им изготовить для неё паланкин из благовонных зелёных ветвей, чтобы доставить её с триумфом в сопровождении всего племени. Девушка легко соскочила с камня и прошлась взад-вперёд по поляне. Казалось, её ноги совсем не касались травы. Старик-вождь всё ещё стоял на коленях, умоляя её, но девушка ответила:

– Нет. Неужели ты думаешь, что меня должны нести мужские руки или что я могу утомиться, ведь я иду по своей воле! Ведь я – причина смены времён года! Если мои ноги коснутся земли ваших пастбищ, то густая трава покроет их и на этот год и на последующие. Несомненно, я пойду пешком!

Снова раздались приветственные крики: все благословляли её. Затем принесли мяса, самого нежного, какое было, и ей, и Вальтеру, но никто не осмелился смотреть, как их божество ест. Вальтеру тоже смотреть не дали. Когда же они поели, пришло около двадцати мужчин, вооружённых по обычаю племени, чтобы отвести девушку в горы. Вскоре все выступили в южном направлении. Великаны ещё боялись приближаться к своему божеству и держались в стороне. Когда вся процессия уже у подножия гор остановилась на ночь, поблизости не было ни одной хижины. Тогда с удивительным проворством воины медвежьего племени построили для девушки убежище, покрыв его шкурами, а когда она заснула, они всю ночь сторожили её покой. Вальтер же спокойно выспался на траве в стороне от грозных стражников.

Глава XXIX
Вальтер блуждает по перевалу и разлучается с возлюбленной

Наступило утро, путники встали и отправились дальше. Они шли весь день, пока незадолго до заката не достигли перевала, перед которым возвышался курган. Тогда девушка попросила всех остаться внизу, а сама поднялась на вершину, откуда и обратилась к воинам с такими словами:

– О, люди медвежьего племени! Я благодарю вас за то, что вы последовали за мной. Я благословляю вас и обещаю, что сделаю вашу землю ещё плодороднее, но сейчас вы должны вернуться, позволив мне идти дальше самой. За мной последует лишь мой человек с железным мечом. Наверное, я вскоре навещу медвежий народ ещё раз, и тогда я передам вам многие знания, но сейчас для вас достаточно чудес. Теперь же поспешите обратно к своим домам, в низинную долину, ибо дождь, который я обещала вам, уже готов в горной кузнице. И последнее, что я хочу сказать вам: так как изменились времена, и я сама изменила обличие, то и вам говорю, что пора изменить поклонение мне. Если в ваших краях появятся чужестранцы, не посылайте их мне дорогой ножа и огня. Вместо этого, если они не угрожают вам и не заслуживают страшной смерти, пусть остаются среди вас. Вы сделаете их детьми Медведя. Если они прекрасны и достойны, они станут также и моими детьми. В ином же случае, если они окажутся дурными и слабыми, пусть станут вам невольниками, но не соединяются в семьи с вашими сыновьями и дочерьми. Теперь ступайте, благословляю вас!

С этими словами девушка сошла с кургана и так быстро скрылась в горном проходе, что Вальтеру, стоявшему среди воинов, показалось, будто она просто исчезла. Воины ещё какое-то время кричали ей слова прощания, и Вальтер не решался покинуть их. Когда же великаны распрощались с ним и ушли, юноша быстрым шагом направился к горной дороге, думая, что девушка ждёт его там.

Тем не менее, как Вальтер ни спешил, а тьма опустилась раньше, чем он успел найти свою возлюбленную, и ночь застала его посреди гор. Более того, сильный южный ветер принёс непогоду. Горы стонали и громыхали, разразился дождь с градом, громом и молнией – обычное украшение летних бурь. Вальтеру пришлось ждать наступления дня, спрятавшись под большой скалой.

Но на этом его беды не закончились. Вальтер заснул в своём убежище, а когда проснулся, стоял уже день, дождь всё продолжался, и, кроме того, на перевал опустился туман, поэтому почти ничего не было видно. Вальтер как мог медленно продолжал путь, борясь с горой и непогодой.

И снова ему пришла в голову мысль, что его возлюбленная была одной из фей или даже из более могущественного племени, и теперь он чувствовал любовь не так робко, как некогда, когда частично боялся судьбы, теперь он всей душой желал соединиться с ней. Вальтер горько страдал под гнётом ужаса, тоски и боли. Он начал бояться, что она полюбила его только для того, чтобы забыть ради нового увлечения, как обыкновенно делают все феи из старых сказаний.

Его битва с бурей, мраком и унынием продолжалась ещё два дня. Вальтер чувствовал себя слабым и разбитым. На третье утро буря утихла, но всё так же лил сильный дождь, и юноша не видел дороги дальше собственного носа, хотя и понимал, что теперь она ведёт вниз. Когда стало смеркаться, он пришёл к покрытой травой лощине, через которую в южном направлении тёк ручей. Дождь тем временем слабел и лил с перерывами. Вальтер сполз к потоку и лёг там среди кустов. Он говорил себе, что на следующий день постарается добыть

зверя, потому что ему надо есть, чтобы были силы искать свою возлюбленную хоть по всему свету, и от этих слов ему немного полегчало. Вальтер лежал тихо и уже не беспокоился о своём состоянии, так как мучения от потери возлюбленной были намного сильнее голода и холода, но вскоре юноша не смог более сдерживать себя, он начал в голос оплакивать потерю девушки, считая, что никто не может его услышать в этом пустынном месте. Он оплакивал её нежность и её прелесть, очарование и красоту её голоса, то, как она говорила и какую радость доставляла всем вокруг себя, затем он стал оплакивать красоту её тела, восхваляя по отдельности лицо, руки, плечи и ноги и проклиная судьбу, разлучившую его с ней, такой милой и несравненной.

Глава XXX
Влюбленные снова встретились

Жалуясь на судьбу, Вальтер уснул от сильной усталости, а когда проснулся среди бела дня, ветер уже стих, а на безоблачном небе ярко светило солнце. Освежённая дождём земля благоухала, и во всех кустах в округе сладко пели птицы. Лощина, в которую зашёл Вальтер, была красивым и уютным местом, окружённым отлогими склонами гор, – райским садом посреди диких мест. Всё здесь было славно и радостно этим ясным солнечным утром.

Вальтер встал, осмотрелся и увидел, что ярдах* в ста от него зеленела небольшая роща, в которой росли боярышник, бузина и рябина; стволы их обвивали плети калины. Роща скрывала излучину огибающей её реки, а между ней и тем местом, где ночевал Вальтер, раскинулся луг, поросший густой и сочной, но невысокой травой со множеством цветов. Открывшийся вид напомнил Вальтеру большую фреску на хорах лангтонской церкви, изображавшую то, как ангелы ведут блаженных по райскому саду.

Неожиданно Вальтер вскрикнул от радости: на цветущий луг из рощи подобно ангелу с той фрески вышла босая фигура в белых одеждах. Вальтер узнал изящную милую фигуру, блестящие глаза и румяные щёки – это была его возлюбленная. Он ринулся к ней, а она остановилась, в ожидании протянув к нему руки. Девушка плакала от радости. Вальтер заключил её в объятия, пылко целуя её щёки, и губы, и руки, и плечи – всё, что она позволяла целовать. Наконец, она со смехом немного отстранилась и сказала:

– Сдержи себя, мой друг. На сегодня достаточно. Расскажи мне, как ты дошёл до этого места.

– С трудом, мне было тяжело, – ответил Вальтер.

– Что же беспокоило тебя?

– Голод. И желание быть с тобой.

– Что ж, – сказала девушка, – я вновь рядом с тобой. Это мы исправили. Посмотрим, сможем ли мы исправить вторую беду.

Она взяла Вальтера за руку так нежно, что рука её показалась юноше дороже всего на свете. Взглянув вверх, он увидел прозрачный дымок, вьющийся в воздухе над рощей. Вальтер засмеялся, чувствуя при этом слабость от голода, и спросил:

– Кто же там готовит?

– Ты скоро увидишь, – сказала девушка и повела Вальтера к деревьям, за которыми виднелся дым. По ту сторону рощи, между кустарником и излучиной ручья приткнулась небольшая красивая полянка. Рядом с ней на песчаном берегу был разожжён костёр, около которого уже лежали две жирные пятнистые форели.

– Вот и завтрак, – сказала девушка Вальтеру. – Когда утром я пошла к реке, чтобы умыться, я нашла удобное мелководье. От глубокого места его отделяла отмель, через которую рыба не могла перебраться. Я хотела хорошо встретить тебя, поэтому ощупью прошлась вдоль всей отмели – и вот результат! Помоги же мне теперь приготовить их.

Влюблённые поджарили рыбу на углях и оба хорошо поели, поднося друг другу в ладонях воду из ручья, и такая радость охватила их, что эта скудная пища показалась им целым пиром.

Когда же с обедом было покончено, Вальтер сказал своей возлюбленной:

– Как же ты узнала, что скоро увидишь меня?

С тоской в глазах она ответила ему:

– Для этого не нужно было никакого колдовства. Прошлой ночью ты случайно лёг недалеко от места, где я устроилась на ночлег. Я услышала твой голос и узнала его.

– Почему же ты не пришла ко мне, – удивился Вальтер, – если слышала, как я горевал по тебе?

Девушка опустила глаза и, подёргивая пальцами цветы и траву, сказала:

– Было так приятно слушать, как ты хвалишь меня… Я и не догадывалась раньше, что ты так сильно желал быть со мной, или что ты обращал столько внимания на моё тело и так любил его.

Затем девушка внезапно покраснела и произнесла:

– Я знаю, что нет во мне той красоты, которую ты так безутешно оплакивал.

Потом заплакала, но от радости, взглянула на Вальтера, улыбнулась и добавила:

– Хочешь знать всю правду? Я подошла очень близко к тебе и стояла там, спрятавшись за кустами, всю ночь. Ты горевал, и я поняла, что ты скоро уснёшь. Так в самом деле и оказалось.

Девушка замолчала. Вальтер не отвечал и только смущённо смотрел на неё. Наконец, покраснев ещё больше, она продолжила:

– Я ещё должна добавить, что испугалась подходить к тебе ночью, хотя моё сердце и стремилось к твоему…

Девушка склонила голову, но Вальтер ответил ей:

– Неужели ты и в самом деле боишься меня? Тогда и мне следует бояться твоего отказа. Ведь я хотел подойти к тебе и сказать так: «Возлюбленная! Мы прошли через множество испытаний, настал черёд заслуженной награды. Вступим же в брак здесь, посреди этих прекрасных гор, прежде чем отправиться в дальнейший путь, если, конечно, мы решим отправиться дальше. Где мы сможем найти место, более прекрасное и более пригодное для счастья, чем это?»

Услышав такие слова, девушка вскочила на ноги и, стоя перед ним, вся трепеща от нахлынувшей на неё любви, сказала:

– Любимый! Я думаю, будет хорошо, если мы отправимся на поиски какого-нибудь человеческого поселения и останемся там. Честно говоря, я уже давно мечтаю жить среди людей. Я боюсь глуши леса, словно там я всё ещё беззащитна перед своей хозяйкой. Жизнь среди многих людей, в городской толпе успокоит меня, иначе я не смогу забыть госпожу. Только прошлой ночью она снилась мне. Наверное, просто пришла утренняя прохлада, а мне казалось, что она положила на меня свою руку и раздевает меня, чтобы мучить. Тяжело дыша, я проснулась от собственного крика. Умоляю, не сердись на меня за то, что я говорю тебе о своих желаниях. Если ты не захочешь поселиться в городе, то я останусь с тобой, с моим мужем, и буду бороться со своей трусостью.

Вальтер тоже поднялся и поцеловал лицо своей возлюбленной.

– Нет, я совсем не собирался оставаться здесь навсегда. Мы сейчас отобедаем и отправимся в дальнейший путь, но, по правде говоря, как ты боишься лесной глуши, так я несколько опасаюсь города.

Девушка побледнела и произнесла:

– Пусть будет так, как ты хочешь, мой друг, если это должно быть так, но подумай: наш путь ещё не окончен, и многое нам предстоит преодолеть прежде, чем мы поселимся в мире и достатке. Помнишь, я говорила, что, пока я остаюсь девушкой, моя мудрость и моя сила подвластны мне, но не дольше, поэтому прошу тебя, пойдём дальше, выйдем из этой долины вместе, не тронув друг друга. Пусть моя мудрость и моя сила ещё послужат мне какое-то время. Мой друг, сохраним наши жизни в безопасности, чтобы нынешняя радость могла продолжаться.

– Любимая, отправимся тогда прямо сейчас, чтобы сократить разлучающее нас время.

– Любовь моя, прости меня за это вынужденное ожидание. Я должна сказать, что ведаю немного из того, что вскоре произойдёт с нами. Частично благодаря моему искусству, частично же благодаря тому, что узнала от местных жителей, пока ты спал этим утром.

Влюблённые покинули приятное место у ручья и оказались на открытом пространстве. Они пошли дальше по перевалу, и вскоре их путь снова вышел из долины на горную дорогу. Когда же они поднялись на вершину, то перед ними открылась прекрасная, залитая солнечным светом равнина, а посреди неё на фоне голубых холмов возвышались стены и башни большого города.

Девушка показала на него:

– О, милый мой друг, посмотри туда! Разве не можем мы поселиться в этом красивом месте? Разве не живут там наши друзья? Разве не найдём мы там защиту от грубых людей и всякого зла, под каким бы предательским обличьем оно ни скрывалось? Город, я приветствую тебя!

Вальтер посмотрел на неё, улыбнулся про себя и сказал:

– Я тоже радуюсь, если радуешься ты, но помни, что и в этом городе будет зло, хоть и не в образе фей и чертей. Я ещё не слышал, чтобы существовал город, свободный от всякого зла. В любом месте ни с того ни с сего могут восстать на нас враги, и жизнь вновь окажется сложной и запутанной.

– Согласна. Но что могут рыцарские сила и отвага в глуши посреди нечисти? Там тебе снова придётся прибегать к хитрости и колдовству, знанию которых я во многом обязана своим врагам, а когда мы войдём в этот город, твоя отвага проложит нам путь через все хитросплетения судьбы. По крайней мере, твои свершения останутся в истории, и я буду почитать тебя.

Вальтер засмеялся, и лицо его прояснилось.

– Верно говорят, что вода камень точит, и так же верно говорят, что один человек ничто против многих, но я обещаю тебе: я сделаю всё, что смогу.

Глава XXXI
Путники встречают новый народ

Решив так, влюблённые продолжили спуск с перевала. В одном месте проход сужался настолько, что и справа, и слева скалы отвесно поднимались, словно стены, но прошёл час пути и эти стены внезапно расступились, а путники вышли в новую долину, похожую на ту, через которую они проходили недавно. Её тоже покрывала густая трава, тоже орошали реки и речушки, но она казалась не такой обширной и менее прекрасной, и сразу бросалось в глаза то, что должно было изменить их размеренное продвижение вперёд: по долине были раскиданы палатки и шатры, около которых расхаживали вооружённые люди и стояли осёдланные лошади. Влюбленные остановились, и Вальтер почувствовал, как силы покидают его, ведь он решил для себя, что раз эти люди, без сомнения, изгнанники из своего города, то, скорее всего, они возьмут их в плен и, самое малое, разлучат, а разлука с любимой была для Вальтера худшей судьбой.

Но когда девушка увидела лошадей и пёстрые палатки, трепещущие на ветру флаги, блеск копий и тусклое мерцание лат, она захлопала от радости в ладоши и закричала:

– Это из города идут приветствовать тебя! Какие же они красивые и ладные, и сколько всего они задумали для нас! Пойдём, встретим их, мой милый друг!

Вальтер же сказал по-другому:

– Увы! Ты не можешь знать наверняка, вдруг нам стоит бежать от них? Но уже поздно, так что давай будем стойко держаться и спокойно выйдем к ним, как мы вышли к медвежьему народу.

Так они и сделали. От воинов же отделилось шесть человек, которые, подъехав к влюблённым, уважительно, но молча, приветствовали Вальтера, затем они сделали жест, словно приглашая юношу присоединиться к остальным воинам, и удивлённые путники последовали за ними. В окружении воинов стоял седовласый рыцарь, закованный в броню так, что открытой оставалась только голова. Он также поклонился Вальтеру и также не произнёс ни слова. Затем гостей провели в центральный шатёр и знаками предложили сесть, а после принесли нежного мяса и хорошего вина. Пока же они ели, среди воинов росло возбуждение, и, наконец, по окончании обеда к ним подошёл седой рыцарь и с любезным поклоном знаками пригласил отправиться с ним в город. Выйдя из шатра, Вальтер с девушкой увидели, что все палатки сложены, и воины начали уже убирать центральный шатёр, седлать лошадей и строиться в походный порядок. Гостям предложили два паланкина – один для Вальтера и другой для девушки, – настаивая на том, чтобы они устроились именно так, и вот затрубил рог и все тронулись в путь. Сквозь занавески своего паланкина Вальтер видел, что по обеим сторонам от него ехали воины, зато его меч ещё оставался с ним.

Кавалькада спустилась на равнину перед заходом солнца, но останавливаться на ночь не стали, а легко перекусили, выпили по глотку воды и продолжили путь. Дорога была им хорошо известна, поэтому шли всю ночь. Вальтер же недоумевал, с какой целью их везут в город. Не предпринято ли всё это для того, чтобы принести их в жертву? Он решил, что воины – точно иноверцы, а возможно, и сарацины. Более того, сердце Вальтера сжимал холодный ужас оттого, что его разлучили с девушкой, и оттого, что их окружают могучие воины, и красота его возлюбленной, которую желают все мужчины, теперь в их руках, но Вальтер старался отгонять от себя такие мысли. Уже в конце ночи, когда приближалось время зари, всадники остановились у огромной стены, в том её месте, где были поставлены высокие и крепкие ворота. Трижды громко протрубили в рог, ворота открылись и прибывшие прошли на улицу, которая в тусклом предутреннем свете показалась Вальтеру красивейшей из всех улиц, когда-либо созданных человеком. По ней ехали недолго и скоро попали

на широкую площадь, с одной из сторон которой стоял прекраснейший дворец. Двери его отворились, рог опять протрубил трижды, и гостей внесли внутрь. Знаками Вальтера попросили выйти из паланкина. Он вышел и задержался, пытаясь увидеть возлюбленную, но его без слов попросили подняться по высокой лестнице и пройти в покои, которые из-за того, что были очень большими, казались слабо освещенными. Вальтера подвели к великолепно убранной постели и знаками приказали раздеться и лечь. Вальтер сначала запротестовал, но был вынужден подчиниться. Его одежды унесли, а его самого оставили лежать в одиночестве. Вальтер лежал смирно, решив, что нагому человеку бессмысленно пытаться убежать. Заснуть из-за беспокойных раздумий долго не получалось, но наконец усталость превозмогла и надежды, и страхи, и под утро Вальтер задремал.

Глава XXXII
О новом короле города и страны Крепкой стены

Когда Вальтер проснулся, солнце уже заливало ярким светом его опочивальню. Юноша осмотрелся и увидел, что комната оказалась несравненной ни с чем по красоте и богатству. Потолок был отделан золотом и лазурью, стены увешаны великолепными гобеленами, правда, Вальтер не понимал, какие события на них вытканы. Резные стулья и табуреты были раскрашены, а посреди комнаты стоял большой стул из слоновой кости под расшитым жемчугом балдахином золотого и зелёного цветов. Пол же был изящной александрийской работы.

Вальтер смотрел на это великолепие и гадал, что это всё означает и что с ним ещё случится, как вдруг в опочивальню вошли двое хорошо одетых слуг и трое стариков в богатых шёлковых одеждах. Они подошли к нему и всё так же знаками, не проронив ни слова, попросили подняться и пойти за ними. Когда же Вальтер указал на то, что он наг, и с сомнением посмеялся, никто не посмеялся в ответ и не предложил ему одежд, но все снова знаками попросили подняться. Пришлось вставать. Вальтера вывели из спальни и по внушительным проходам с колоннами провели в баню, так чудно украшенную, как только возможно. Слуги помыли его тщательно и мягко, тогда как старики наблюдали за ними. Когда всё было кончено, Вальтеру так и не предложили одеться, но повели из бани по тем же проходам обратно в опочивальню. Только на этот раз по сторонам коридоров стояли люди. Одни были при оружии, другие, хотя и в мирных, но пышных одеждах. По лицам их было заметно высокое происхождение, только одни отличались доблестью, а другие мудростью.

В спальне также было много людей, судя по одеждам, большого достатка. Они чинно стояли вокруг трона из слоновой кости. Вальтер подумал, что на этот раз его уж точно задумали принести в жертву, но решил держать себя мужественно, что бы ни случилось.

Люди подвели Вальтера к трону, и он увидел, что по обе стороны от него стоят скамьи, а на каждой лежит по полному комплекту одежды, но одежда эта была различной: с одной стороны лежали наряды для мирного времени – пышные, украшенные драгоценными камнями, подобающие только великим королям; с другой – боевые доспехи. Доспехи были хорошей работы, но почти никак не украшены, а даже, скорее, изношены и попорчены непогодой да побиты градом стрел.

Теперь старцы подали Вальтеру знак, чтобы он взял один из нарядов и облачился в него. Вальтер посмотрел направо, налево, и, когда он разглядывал доспехи, в нём родилось какое-то чувство и вспомнилось ему, как Гольдинги собирались на битву. Тогда Вальтер сделал шаг в сторону доспехов и положил на них руку. Гул радости пробежал по покоям, а старцы подошли, улыбаясь, к нему и помогли одеться. Когда же Вальтер взял в руки шлем, он заметил, что его увенчивала золотая корона.

Итак, Вальтера облачили в доспехи и вооружили: на поясе его висел меч, в руке была боевая секира. Старцы подвели его к трону из слоновой кости. Юноша положил топор на подлокотник, вытащил из ножен меч и сел на престол, оставив меч на коленях, затем он окинул взглядом собравшуюся знать и спросил:

– И сколько ещё мы не произнесём ни слова друг другу? Или Бог поразил вас немотой?

Тут все вскричали в один голос:

– Да здравствует король! Король сражений!

Вальтер спросил:

– Если я стал королём, вы сделаете, что я попрошу?

Один из старцев ответил:

– Нет у нас иного желания, как выполнять Вашу волю, повелитель.

И снова Вальтер спросил:

– В таком случае, ответите ли вы правдиво на мой вопрос?

Старец произнёс:

– Да, мой повелитель, если мне будет сохранена моя жизнь.

Вальтер спросил ещё раз:

– Что случилось с женщиной, которая пришла со мной в ваш горный лагерь?

– Ничего не случилось с ней ни хорошего, ни плохого. Она поспала, поела и помылась. Какое будет королевское распоряжение о ней?

– Чтобы вы без промедления привели её сюда.

– Хорошо, – ответил старец. – А в каком наряде мы должны её привести? Следует ли одеть её как служанку или как знатную даму?

Вальтер немного подумал и, наконец, сказал:

– Спросите её саму, чего она хочет. Как она скажет, так пусть и будет. Поставьте рядом со мной ещё один трон и подведите её к нему. Ты, мудрый старец, пошли одного-двух слуг за ней, но сам останься, у меня есть к тебе ещё один вопрос, а вы, господа, подождите здесь, пока не придёт моя спутница, если это не утомит вас.

Старец передал слова короля трём наиболее знатным из господ, и они отправились за девушкой.

Глава XXXIII
О том, как выбирают королей в городе крепкой стены

Между тем король заговорил со старцем. Он сказал ему:

– А сейчас расскажи мне, почему я стал королём? Как и почему вы выбираете королей? Я всего лишь чужестранец среди вашего народа, и мне кажется странной такая традиция.

– Мой господин, – отвечал старец, – Вы стали королём могущественного города, которому принадлежат многие другие города, и широкие земли, и гавани на морском побережье. В нашем городе нет недостатка ни в чём, что нужно человеку. Много мудрецов живёт в нём, а глупцов не больше, чем в других городах. Храброе воинство последует за Вами в битву, когда понадобится отправиться на поле боя, и воинству этому не сможет противостоять никто, кроме древнего божественного народа, если кто-то из его сынов и остался на земле, но, похоже, их давно уже нет. Что же до имени нашего города, то называется он город Крепкой стены, или кратко – Крепкая стена.

Теперь о том, как мы выбираем королей. Если наш король умирает и оставляет наследника мужского пола, зачатого им самим, то такой наследник и становится королём. Если же король умирает, не оставив наследника, то мы посылаем одного из знатных владык с рыцарями и сержантами* к тому горному проходу, из которого вы вчера пришли. Первого мужчину, вышедшего к ним, они берут и ведут в город, как с вами и поступили, мой господин. Мы верим, что в древние времена наши предки спустились с гор как раз по тому проходу. Они были бедны и грубы, но сердца их наполняла храбрость. Они завоевали эти земли и отстроили этот город. Но вернусь к рассказу: когда мы встречаем странника, как я говорил, и приводим его домой, в наш город, он должен предстать пред нами в чём мать родила – все знатные люди, и мудрецы, и воины должны увидеть его нагим. Затем, если мы решаем, что он плохо сложен и некрасив телом, то мы закатываем его в большой ковёр и оставляем так, пока он не умрёт. Если же он окажется простым человеком без порока, то мы отдаём его в неволю одному из наших ремесленников – башмачнику или какому другому мастеру – и забываем о нём, но в любом случае мы, словно к нам никто и не приходил, опять отправляем владык и рыцарей сторожить проход. У нас считается, что отцы древних времён посылают нам странника.

И дальше, если мы видим, что странник хорош телом, то это ещё не всё. Мы считаем, что отцы никогда не пошлют нам королём болвана или труса, поэтому мы и просим нагого выбрать одну из этих одежд: либо древние доспехи, которые сейчас на Вас, мой господин, либо золотые наряды, и если он выбирает боевые доспехи, как выбрали Вы, мой король, то всё хорошо. А если он надевает мирные одежды, то мы даём ему на выбор: либо стать невольником у какого-нибудь горожанина, либо доказать свою мудрость, но так узка грань между смертью и короной, что если он не докажет своей мудрости, то умрёт.

Так я и отвечу на Ваш вопрос, мой король. Восхвалим же отцов за то, что они послали нам королём человека, в мудрости и в храбрости которого мы можем не сомневаться.

Глава XXXIV
Девушка предстаёт пред королём

Затем все поклонились королю, а он спросил:

– Что это за шум доносится снаружи? Похоже, будто море плещется о песчаный берег, когда дует юго-западный ветер.

Старец хотел было ответить, но прежде чем он успел вымолвить хоть слово, у дверей зашептались, толпа раздвинулась, и через неё прошла девушка. Одета она была всё в то же белое платье, в котором шла через лес. На её голове красовался венок из красных роз, а на поясе гирлянда из таких же цветов. Девушка выглядела свежей и очаровательной, как июньский рассвет: лицо её сияло от счастья, губы были алыми, глаза ясными, а щёки порозовели от надежды и любви. Она пошла напрямик к тому месту, где сидел Вальтер, и легким движением отклонила помощь старца, который хотел подвести её к престолу, стоявшему рядом с королевским. Девушка опустилась на колени, положила ладонь на закованное в сталь колено Вальтера и сказала:

– Мой господин, теперь я вижу, что ты обманул меня, а на самом деле ты королевской крови и только долго возвращался в своё королевство. Такие красивые, такие ясные и, к тому же, такие добрые глаза смотрят на меня из-под серого шлема, что я осмелюсь молить тебя не прогонять сразу же меня, а позволить мне стать на какое-то время твоей служанкой.

Но король, наклонившись к девушке, поднял её, поставил на ноги, взял её руки в свои и, поцеловав их, посадил её рядом с собой, а потом произнёс:

– Дорогая, это отныне твоё место – как раз рядом со мной, до тех пор, пока не придёт ночь.

Девушка покорно, не чувствуя страха, села, опустив руки на колени и положив ногу на ногу. Король же сказал:

– Владыки! Это моя возлюбленная и моя супруга, поэтому если вы теперь признаёте меня королём, то её вы должны признать королевой и госпожой, иначе оба мы уйдём своей дорогой в большой мир.

При этих словах все, кто был в палатах, громко закричали:

– Королева! Госпожа! Возлюбленная нашего господина!

Кричали от всего сердца, не напоказ, поскольку все, кто смотрел на прекрасную девушку, видели, как скромно она держит себя и как благородно её сердце, и все полюбили её за это. У юношей зарделись щёки, когда они увидели возлюбленную короля, сердца их преисполнились восхищением, они вытащили мечи и начали размахивать ими над головами, крича, как кричат те, кто внезапно опьянён любовью:

– Королева! Госпожа! Возлюбленная нашего господина!

Глава XXXV
О короле крепкой стены и его королеве

Тем временем шум за стенами нарастал. Король заметил это и обратился к старцу:

– Ответь мне, что за шум снаружи?

Старец произнёс:

– Если Вы, мой король, и Вы, моя королева, подниметесь и подойдёте к двери, а затем пройдёте дальше к висячей галерее, то вы сразу поймёте, в чём причина этого шума, и оттуда вам откроется такой вид, который порадует любого короля, только что принявшего сан.

Король встал, взял свою возлюбленную под руку и подвёл к двери, за которой они с высоты галереи увидели громадную площадь, всю заполненную народом. Люди стояли, тесно прижавшись друг к другу. Большая часть из них была воинами с оружием в руках и в отличных доспехах. Король, всё ещё держа королеву под руку, прошёл чуть дальше, за ними вышли и придворные. Сразу же поднялся приветственный крик, который, казалось, достигал самых небес. Люди внизу подбрасывали копья, махали мечами и вскидывали в приветственном жесте руки, от чего площадь вся сверкала и казалась удивительной.

Девушка нежно обратилась к королю Вальтеру:

– Теперь мы оставили дикие места далеко позади и пришли туда, где нас смогут защитить от врагов, посягающих на жизни и души. О, да пребудешь благословенен ты с твоим храбрым сердцем!

Вальтер же ничего не ответил, он стоял, словно во сне, а его желание обладать девушкой только возросло, если, конечно, оно ещё могло становиться больше.

Внизу, среди толпы, ближе к окну, теснились двое приятелей, и один из них сказал другому:

– Посмотри! Вот и появился новый владелец у древних доспехов Битвы у вод и у меча, который поразил вражеского конунга в день Нерешительной атаки! Я уверен, это хорошее предзнаменование для всех нас.

Второй ответил ему:

– Да, доспехи ему к лицу, глаза-то его так и горят. А ты разглядел его возлюбленную? Какова она?

– Да, я вижу её, – сказал первый. – Она красива, но одета чересчур просто. На ней лёгкое платье, и, я бы сказал, что она боса, но плохо вижу за парапетом. А что такое?

– Разве ты не заметил, что она не просто красива, нет, она одна из тех женщин, которые поражают мужское сердце неизвестными чарами. Я уверен, что город Крепкой стены на этот раз поймал хорошую добычу в свои сети. Что же до её одежды, то я вижу, что наряд её белого цвета, а на голове у неё венок из роз, и облик её настолько безупречен, что любое убранство на ней будет смотреться так, будто это пышная одежда, расшитая самоцветами. Надеюсь, эта королева станет часто показываться народу.

Так говорили в толпе. Спустя же некоторое время король со своей возлюбленной вернулся в палаты и отдал приказание женщинам помочь новой королеве облачиться в королевский наряд, и сразу же вперёд вышли наиболее благородные из дам, теперь служащие камеристками, король же снял с себя доспехи и надел подобающие его сану одежды, но меч, убивший конунга врагов, он оставил при себе. Затем короля с королевой привели в большой зал дворца, где они поднялись на помост и поцеловали друг друга перед владыками и всеми остальными придворными, собравшимися в зале. Там все слегка перекусили и выпили вместе вина, любуясь королём с королевой. После этого Вальтер с его возлюбленной вышли из дворца, и к ним подвели хороших белых лошадей, по одной на каждого. Они сели верхом и отправились по узкому проходу, который образовался в расступившейся толпе, к большой

церкви для освящения и коронования (ибо местный народ не был язычником). В церковь их ввёл, забрав у Вальтера меч, один только оруженосец, таков был обычай в городе Крепкой стены. Войдя в церковь, король с королевой поднялись на хоры и стояли там вдвоём, удивляясь своей судьбе. У них над головой раздался мелодичный звон, и сразу же они услышали звук многочисленных труб и множество поющих голосов. Наконец, открылись большие ворота, и вошло духовенство с пением и музыкой, а за ними целая толпа горожан, и вот уже люди заполнили всю церковь, словно вода, которая ранее сдерживалась плотиной, а теперь прорвала её и заполняет ров. Когда все собрались, епископ и его помощники поднялись на хоры, подошли к королю и поцеловали и его, и королеву, а затем торжественно пропели мессу, совершили миропомазание и короновали Вальтера под всеобщее ликование. Когда же церемония закончилась, король с королевой в одиночестве вернулись пешком во дворец, и только оруженосец указывал им путь.

Во время обратного пути Вальтеру случилось проходить мимо тех двух приятелей, чей разговор он слышал ранее. Тот, который восхвалял военное платье короля, сказал:

– И верно, сосед! Ты совершенно прав. Теперь королева наряжена должным образом, на её голове корона, на плечах у неё белая парча, украшенная жемчугом, и я вижу, что красотой своей она превосходит всех. Думаю, она так же красива, как и наш король.

Второй же ему ответил:

– Я с закрытыми глазами могу описать её наряд. На ней всё белое, расшитое жемчугом, который благодаря чистоте и нежности её кожи будто сияет, она сама украшает собой любую одежду. Честно говоря, сдаётся мне, что пришла она в наш город прямо из рая, что она дышала его воздухом. Возблагодарим же Бога и Его святых за то, что они позволили ей поселиться среди нас!

– И в самом деле, как хорошо, что так случилось! Но знаешь ли ты, откуда она пришла и какого происхождения?

– Нет, я не знаю, откуда она, но я уверен, что если она уйдёт, то тем, кто уйдёт с ней, будет лучше, чем тем, кто останется. И о её происхождении я не знаю ничего, но знаю, что те, кто произойдёт от неё, будут до двадцатого колена благословлять и восхвалять память о ней и почитать её лишь ненамного меньше, чем Богоматерь.

Так разговаривали эти двое. Король же с королевой, вернувшись во дворец, сели среди господ, и во время пира, который устроили после торжественных событий, до поздней ночи слушали похвалы, пока все не разошлись спать.

Глава XXXVI
О Вальтере и его возлюбленной в дни царствования

Долго король ждал, прежде чем прислужницы по его приказанию привели к нему девушку. Наконец, он встретил её и, обняв за плечи и поцеловав, спросил:

– Ты не устала, дорогая? Этот город, толпа народа и внимание благородных господ… Не тяжело ли это для тебя так же, как и для меня?

Его возлюбленная ответила:

– А где теперь город? Разве мы снова не в безлюдном месте? Разве ты и я не одни здесь?

Вальтер страстно посмотрел на неё, а она покраснела, и глаза её ярко горели на фоне алых щёк.

Вальтер нежно, с дрожью в голосе произнёс:

– Не лучше ли здесь, в этом городе, чем в диких местах? Мы же теперь так далеко от всего…

Краска покинула лицо девушки, она нежно посмотрела на Вальтера и спокойно, чётко произнесла:

– Это правда, любимый.

Она положила руку на пояс, развязала его и протянула Вальтеру:

– Вот мой знак тебе: это девичий пояс, женщине он не нужен.

Вальтер взял пояс, притянул девушку к себе и обнял её, и в своей нежной любви король с королевой, находясь в безопасности и будучи, наконец, уверены в том, что теперь их ожидает много радостных дней, говорили о том времени, когда они ходили по лезвию между страданием и смертью, и благодаря этим воспоминаниям их любовь становилась ещё нежнее. Многое девушка рассказала Вальтеру, прежде чем пришёл рассвет: и о злых временах, и об обращении с ней хозяйки. Вот уже тусклый свет нового дня проник в спальню, открыв девичью красоту, гораздо больше той, что видел человек из толпы, сердце которого так тянулось к новой королеве. Влюбленные вместе радовались новому дню.

Когда же совсем рассвело и Вальтер поднялся с постели, он собрал владык и мудрецов на совет. Прежде всего он попросил открыть двери темницы, накормить и одеть нуждающихся и устроить пир для всех подданных – благородных и простолюдинов, богатых и бедных, затем Вальтер совещался о многих делах, и все удивлялись пытливости ума и мудрости короля. Были и некоторые недовольные новым королём: они видели, что сами во всём уступают ему, но более мудрые только радовались и желали Вальтеру много лет царствия.

На этом история заканчивается, и не будет больше сказано мною ни слова о делах, совершённых Вальтером, о его радостях и горестях и о том, как он вновь увидел Лангтон-он-Хольм, и о том, что случилось там.

Вальтер поселился в городе Крепкой стены и царствовал в нём. Народ любил своего короля, а враги его сильно боялись. Вальтеру пришлось вести борьбу и в своей стране, и с соседями, но он не опускал рук до тех пор, пока не заснул прекрасным тихим сном, с которым оканчиваются все дела мира. Нельзя сказать, что нуждающиеся оплакивали его, ибо к этому времени нуждающихся больше не было в его стране, также почти не осталось и врагов, которые ненавидели бы его.

Что же до его королевы, то красота её и доброта только прибывали со временем, и каждый, кто случайно видел её на улице или за городом, целый год радовался этому, как удаче. Со дня брака вся колдовская сила покинула её, хотя многие знания она сумела сохранить, и ей не приходилось уговаривать или прибегать к хитростям, чтобы её волю выполняли. Поистине, в народе так любили её, что всякий готов был выполнить поручение королевы с

радостью. В целом, она была сокровищем страны, хранительницей мира в городе и благословением народа.

По прошествии какого-то времени королева вспомнила о том, как она обманула медвежий народ. Это стало беспокоить её, и она задумала искупить содеянное.

Итак, на второй год после своего воцарения в Крепкой стене королева отправилась с некоторыми из подданных к горному проходу, ведущему в страну медвежьего народа. У перевала она оставила охрану и дальше пошла в сопровождении сорока мужей, освобождённых ею от неволи в городе Крепкой стены. Когда же они достигли земли медвежьего народа, она оставила и их в одной из долин вместе с повозками, лошадьми, зерном и железными орудиями, а сама в одиночку спустилась к поселению великанов. Теперь волшебство уже не защищало её, и надеяться королева могла только на свою красоту да доброту. Одета она была так же, как тогда, когда бежала из Леса за Гранью Мира – в короткое белое платье, оставлявшее неприкрытыми руки и ноги, но теперь платье это было расшито цветами шёлковой и золотой нитью и украшено драгоценными каменьями, поскольку магия покинула королеву.

Когда королева пришла к медвежьему народу, её сразу же узнали, ей поклонялись, её благословляли и боялись, но королева сказала, что у неё есть дар для детей Медведя, что она пришла облагодетельствовать свой народ. Она поведала им об искусстве возделывания земли и настаивала на его изучении. Когда же её спросили, как можно такому научиться, королева рассказала, что в горах ждут люди, которые просят медвежий народ принять их к себе как своих единокровных братьев, тогда они смогут научить их этому искусству. Дикари обещали своему божеству исполнить всё, о чём она просит, и королева привела их туда, где поселились освобождённые невольники, которых медвежий народ принял в своё племя с радостью и любовью.

Дикари и бывшие невольники вместе отправились в долины медвежьего народа, а королева вернулась к воинам, которые проводили её обратно, до города Крепкой стены.

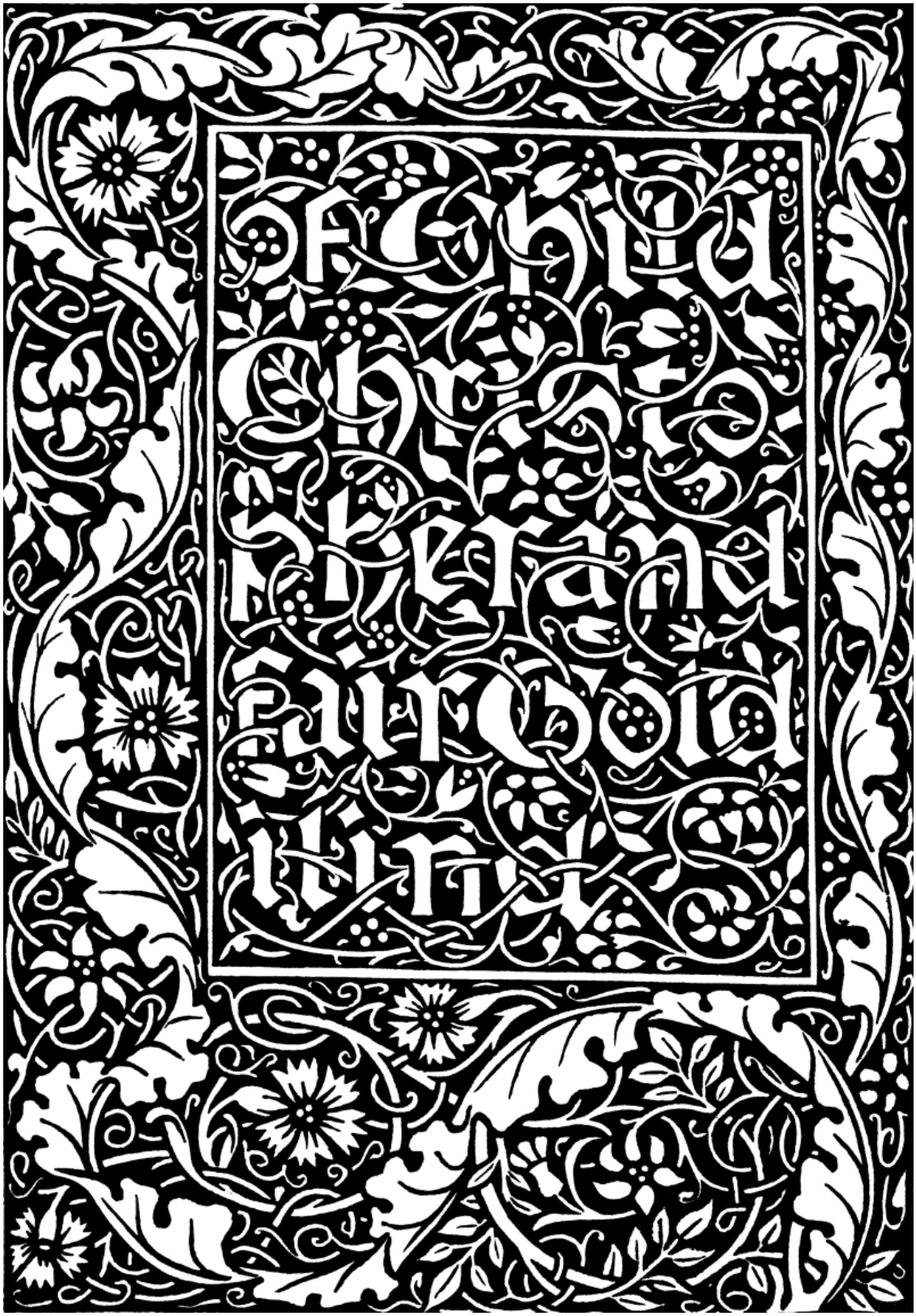
Позже она не раз передавала медвежьему народу дары и послания, но сама уже никогда более не видела их, так как сердце её сжимал холодный страх, который, впрочем, она успешно скрывала при последнем посещении этого племени. Ей казалось, что госпожа избежала своей злой участи и теперь снова строит козни против неё.

Медвежий народ благоденствовал и умножался. Наконец, начался раздор между ними и другими народами, потому что они стали сильны, особенно в битвах. Временами они встречались на поле боя и с жителями Крепкой стены, побеждая их или терпя от них поражения, но это было уже спустя долгое время после смерти королевы.

К сказанному о Вальтере и его возлюбленной больше не будет добавлено ни слова, разве только упомяну, что зачали они прекрасных сыновей и дочерей, и от них пошёл род благородных правителей города Крепкой стены. Род этот был таким сильным и так долго существовал, что к тому времени, когда его уже не стало, народ забыл свою традицию выбора короля, и после Вальтера из Лангтона уже не было у них правителя, который пришёл бы бедняком с Медвежьих гор.

1894

Юный Кристофер и прекрасная Голдилинд



Глава I
О короле дуболесья, его жене и сыне

В стародавние времена существовала страна, так густо заросшая лесом, что менестрели говорили, будто бы белка могла пройти её из конца в конец, перебираясь с дерева на дерево, и ни разу не коснуться земли. Потому и называлась эта страна Дуболесьем.

Повелитель той страны был суровым и славным воином. Ещё в юные годы он не находил удовольствия ни в чём, кроме сражений и турниров, но когда ему исполнилось сорок лет, он увидел дочь одного из покорённых им правителей. Её красота изумила короля, да так сильно, что он вернул отцу девушки всё, что отнял у того в битве, и попросил отдать ему дочь, дабы не пустовала королевская постель. На том и порешили. Король вернулся домой с невестой, и вскоре в Дуболесье справили свадьбу.

Рассказывают, что король не жалел о своей просьбе. Он любил жену так сильно, что целый год не притрагивался ни к доспехам, ни к оружию, надевая их только на турниры, проводимые по просьбе королевы.

Так проходили дни, и, наконец, королева понесла. Когда же приближалось время её разрешения, случилось так, что трое правителей, объединившись, пошли войной на Дуболесье, местные же вассалы и главы родов просили короля повести их в бой на врага, и он не мог им отказать.

Король разослал по своим владениям приказы, в которых призывал всех подданных явиться в столичный город. Когда же ополчение было в сборе, он распрощался с женой и нерождённым ребёнком и отправился на войну. Сердце его ожесточилось на захватчиков, и теперь в нём не было места для любви и радости.

На своей земле он вступил в бой с повелителем противника. Говорят, вражеские воины падали вокруг него, словно спелые колосья под ударами серпа, но когда он уже гнал врага, кто-то из отступавших обернулся*[2] и метнул копьё. Оно угодило как раз в то место, где кольчуга была уже порвана. Рана оказалась глубокой, и король без сил пал на землю. Лорды и военачальники собрались вокруг него, знахари применили всё своё искусство, но всем было ясно, что душа короля покидает этот мир. Тогда король послал за священником и за коннетаблем. А коннетаблем в то время был очень знатный лорд, двоюродный брат короля. Умирающий король, не тратя лишних слов, попросил его присмотреть за ребёнком, который скоро должен был появиться на свет. Если родится муж, то коннетаблю надлежит взлелеять его и обучить всему, что подобает знать королю, а если родится дева, то следует выдать её замуж за достойного человека. Коннетабль поклялся на своём мече – на клинке и на эфесе поклялся он, – что выполнит волю короля и будет верным слугой его ребёнку, если таковой родится. Затем король попросил коннетабля принять на себя власть на то время, пока наследник не достигнет совершеннолетия, если другие вассалы не будут против такого решения. Коннетабль поклялся исполнить волю короля, и все находившиеся при этом лорды засвидетельствовали клятву. Тогда священник причастил умирающего. Король принял Плоть своего Создателя, и вскоре его душа отошла в мир иной.

Коннетабль же продолжил преследование врагов и в двух последующих битвах разбил их полностью, так что они запросили мира. В Дубфорде, столице Дуболесья, коннетабль был принят с большими почестями, но радости он там не увидел: все оплакивали короля, который никогда не был суров к своему народу. Королева, когда вести о кончине мужа, а затем и его

[2] Здесь и далее объяснение слов, отмеченных «звездочками», см. в Комментариях.

тело, прибыли в Дубфорд, слегла от горя и страха и почувствовала, что пришёл срок родов. Разрешившись от бремени, она умерла, но её ребёнок, крепкий и здоровый мальчик, выжил.

Убитого короля и ту, что была убита его гибелью, похоронили в один день, а когда похороны закончились, маленького наследника принесли к купели и окрестили, дав ему имя Кристофер.

Затем коннетабль собрал всех, кто должен был принести присягу новому королю, и они явились, хотя присягать должны были всего-навсего младенцу, только недавно лежавшему в материнской утробе. Когда же присяга была принесена, коннетабль собрал мудрых людей королевства и сказал им, что умерший король отдал ему в опеку сына ещё до того, как младенец появился на свет, и поручил управление королевством до тех пор, пока принц не достигнет совершеннолетия. Коннетабль просил собравшихся назвать более достойного, если им не нравится выбор, сделанный перед смертью их правителем. Тогда все заявили, что коннетабль – самый достойный и самый могущественный из них, ведь его избрал сам король перед кончиной. Никого они не хотели видеть своим владыкой, кроме него.

Потом созвали большое народное собрание, перед которым был поставлен тот же вопрос, и никто не выступил против воли короля, никто не смог назвать другого человека, достойного понести бремя власти и управления государством, да ни один из собравшихся и не считал себя способным на это.

Итак, теперь коннетабль по имени Рольф стал властителем страны Дуболесья. Правил он хорошо, власть держал крепко и был мужественным воином. Многие из славных королей стали его друзьями, а прочие боялись нового правителя и его друзей. Простолюдины же замечали только, что в королевстве теперь мир, а об остальном и не ведали. Самого повелителя они видели редко, а управляющим и шерифам платили так мало налогов, как было возможно, хотя и больше, чем хотели бы. Так как на еду у них хватало, а во всём прочем их свободу не сковывали, они не могли быть недовольны. Коннетабль преуспевал и не чувствовал недостатка ни в чём из того, что полагается иметь королю, разве что не было у него королевского титула.

Глава II
О сыне короля

Вначале, когда прошло ещё немного времени с момента присяги, подданные часто видели ребёнка с няньками у стен дворца, но вскоре прошёл слух о том, что мальчик, якобы болезненный и слабый, отправлен на некоторое время за город. Говорили также, что жил он теперь в замке рыцаря преклонных лет по имени Ричард Тощий. Замок этот стоял в двенадцати милях от столицы, недалеко от северного края Дикого леса, но вскоре лорд Ричард оставил его и отправился на юг. О его уходе почти не говорили, так как он не был популярен при дворе. О маленьком наследнике тоже не заговаривали, молчали даже те, кто знал, что он рос у лорда Ричарда. А если и вспоминал кто о мальчике, то говорил себе, что никогда тот не будет королём.

Ричард же шёл через лес на юг до тех пор, пока не добрался до своего второго дома, стоявшего на открытом месте в лесу, там, где Дуболесье граничило с другой страной, называвшейся Лугодольем. Дикий лес не заканчивался на краю Дуболесья, а простирался и на большую часть Лугодолья. Пограничье же было самым диким краем.

Следует сказать, что среди тех, кто пришёл с Ричардом Тощим в эту лесную крепость, был и маленький король Кристофер, бывший на самом деле довольно крепким ребёнком. Там, в глуши, он и рос среди слуг и рабов замка Крайней марки*. Никто не обращался с ним как с сыном человека знатного происхождения, но многие, особенно женщины, были добры к нему. Мальчик рос, из года в год становясь сильнее и красивее и всё больше привлекая к себе внимание простолюдинов, не только женщин, но и мужчин, и, хотя он был ещё совсем мал, его очень сильно любили.

Наследнику повезло, что он взрослел именно в этом краю, так как, хотя место, где он рос, и было окружено дремучим лесом, оно не было безлюдным. На поляне, недалеко от замка и его пристроек, стояла деревушка – несколько домиков, расположенных вниз по течению красивого прозрачного ручья. Там жили земледельцы с пастухами. Это были славные люди, острословы с храбрым сердцем и приятной внешностью. Женщины их были красивы, добры и верны. Иногда проходили и путники, направляясь в Дуболесье или обратно, в Лугодолье. Среди них попадались менестрели, рассказывавшие, что происходило в те времена, когда мир, по преданиям, был более многолюден. Появлялись и коробейники. Они торговали с деревенскими жителями, обменивая заграничные товары на дары леса.

Так проходили годы, и король Кристофер был уже почти забыт в Дуболесье. В лесном же замке никто не был точно уверен в его королевском происхождении. Сперва, согласно приказу коннетабля Рольфа, от лорда Ричарда каждый год приходил посланник с письмом о здоровье и успехах Кристофера, но спустя пять лет коннетабль приказал присылать сведения о Кристофере раз в три года. Наступил двенадцатый год, а посланник сообщал о том же: ребёнок растёт и преуспевает во всём. Коннетабль уже уверенно сидел на престоле, и никто не смел ему перечить. Тогда лорду Ричарду было сказано, чтобы он больше не писал писем, ибо коннетабль уже достаточно наслышан о мальчике. Если он преуспевает, то это хорошо. Если же нет, то и это не плохо. Так проходили дни и годы.

Глава III
О короле лугодолья и его дочери

Рассказывают, что в стране, лежащей к югу от Дуболесья, в Лугодолье, правил в те дни король Роланд. Жена его умерла, оставив милую дочь года на четыре младше короля Кристофера. Роланд был хорошим королём: милосердным, щедрым, беспристрастным в решении споров. Люди любили его, но любовь их не могла продлить ему жизнь, и вот, когда его дочери исполнилось двенадцать лет, король смертельно заболел. Уверившись в том, что приближается его конец, он послал за мудрейшими из мудрецов своей страны. Со скорбью в душе они собрались во дворце столицы, которая называлась Лугфорд. Король попросил всех сесть ближе к его кровати и сказал:

– Верные мои вассалы, вы ясно видите, что наступает время нашей разлуки, ибо я отправляюсь в долгий путь, из которого уже никогда не вернусь, и я хотел бы, впрочем, это мой долг, оставить страну в хорошем состоянии. Кроме того, я желал бы, чтобы моя дочь, когда она достигнет надлежащего возраста, стала королевой Лугодолья и правила им. До её совершеннолетия уже недолго ждать. Я не думаю, что она может не справиться, ведь ей досталась мудрость её матери, а её мать была мудра так, как только возможно женщине. Но что скажете вы, господа?

Придворные дружно согласились, сказав, что не хотят видеть правителем никого, кроме их повелительницы принцессы. Тогда король продолжил:

– Слушайте внимательно, потому что время моё на исходе: сейчас она всего лишь молодая девушка, пусть и мудрая, поэтому требуется муж, который смотрел бы за народом и управлял страной от её имени до тех пор, пока ей не исполнится восемнадцать вёсен, муж, который стал бы для неё затем близким другом и мудрым советником. Кто из вас, милорды, подошёл бы для выполнения этой обязанности?

Все молча переглянулись. Король же поторопил их:

– Не бойтесь, пусть кто-нибудь выскажется, сейчас не время медлить.

Тогда слово взял один мудрец, старейший из собравшихся. Он произнёс:

– Повелитель, на самом деле, никто из присутствующих не подходит для этой должности. Прежде всего, никто из нас не годится для военных дел. Некоторые никогда и не были воинами, а другие уже не в том возрасте, чтобы вести войско в битву. По правде говоря, мой король, есть лишь один человек в Лугодолье, который мог бы выполнить то, что Вы хотите, и сделать это успешно. Он и мудр, и силён в бою, и уважаем народом. Это Джеффри, граф Южной марки.

– Скажите мне правду, – попросил король, – где он сейчас: у себя, на юге, или здесь, в столице?

Старец ответил:

– Сейчас он в Лугфорде и может прибыть к Вам через полчаса.

Король попросил послать за ним, и на время ожидания вокруг умирающего воцарилась тишина. Потом вошёл Джеффри. На нём были надеты котта* и белый плащ, на поясе висел меч. Джеффри оказался высоким, крепко сложенным мужчиной, лицо его было немного бледным, чёрные волосы кудрявыми, глаза голубыми, губы узкими, а нос, что называется, орлиным. Выглядел он воинственно и даже немного свирепо. Он встал перед королём на одно колено и спросил скорбным голосом, что желает его повелитель. Король ответил ему так:

– Я прошу тебя оказать мне большую услугу. Я сам и эти мудрые люди – мы все считаем, что только ты, ты один можешь помочь. Послушай, покидая сей мир, я хотел бы, чтобы ты занял моё место, чтобы ты управлял народом, как управлял бы им я, будь я жив, и забо-

тился о моей дочери, как заботился бы о ней я сам. Я знаю, ты способен исполнить эту просьбу, только будь верен мне после моей смерти так же, как был верен в глазах людей при моей жизни. Что ты ответишь мне на это?

Когда король начал говорить, граф спрятал лицо в покрывало королевской постели, теперь же он поднял голову и со слезами сказал:

– Родич мой, друг мой и мой король, просьбу Вашу несложно исполнить, но если б и было сложно – всё равно я исполнил бы её.

– Хорошо, – уже глухо сказал король. – Сердце моё затихает, а голос слабеет. Поторопись, наклонись ко мне поближе. Послушай, моя дочь Голдилинд, похоже, будет одной из прекраснейших женщин королевства. Я прошу тебя, выдай её замуж только за самого красивого и самого сильного из мужей, ни за кого иного.

Эта просьба была последней, после неё король не сказал ни слова. Он лежал без движения, хотя и был ещё жив. Пришёл священник и причастил его. Наконец, душа оставила тело короля.

Когда же короля похоронили, юная Голдилинд приняла присягу, а граф Джеффри смело взялся за дело, оправдав доверие к себе. Он казался сведущим во всех делах королевства. Дела же эти шли так хорошо, что все подданные не могли не превозносить его царствование, независимо от того, любили они его самого или нет, а по правде говоря, графа не очень-то сильно любили в народе.

Глава IV
О юности голдилинд

Среди дел государственных не забыл граф Джеффри и о дочери умершего короля и отдал её под опеку благородной, но небогатой вдовы преклонного возраста. Принцесса поселилась с ней под одной крышей в прелестной долине в двадцати милях от Лугфорда. Там и жили они полтора года. Дама Элинор Лишоу – так звали благородную вдову – не очень сильно любила Голдилинд и заботилась о ней скорее по приказу графа Джеффри. Время от времени в дом Лишоу приходили придворные, рыцари, леди и лорды, чтобы увидеть маленькую королеву. Они целовали ей руку и кланялись, но прошло три месяца, и визиты стали более редкими, спустя ещё три месяца – и того реже, а когда в третий раз прошёл этот срок – они почти прекратились.

И вот, когда таким образом прошли полтора года, прибыл граф Джеффри с рыцарями и воинами. Он поклонился королеве, как подобает кланяться дочери своего господина, а затем ушёл, чтобы переговорить наедине с дамой Элинор. Когда же они вместе с Голдилинд вышли в зал, Джеффри громко обратился ко всем, ожидавшим там:

– Моя госпожа, мне кажется, что Вы живёте здесь в нужде. Дом Лишоу недостаточно хорош для Вас и тесен для приёма всех рыцарей и господ, что приезжают к Вам. Да и состояние Вашей хозяйки не так велико, как следовало бы и как, думаю, приличествовало бы Вам, поэтому, поразмыслив над Вашим желанием улучшить Вашу жизнь, я смею просить Вас сделать дар даме Элинор, если, конечно, Вы сочтёте это уместным. Вы сможете жить, как подобает королеве, если отдадите ей свой замок Зелёной гавани с шестью прилегающими к нему поселениями, с лесами, болотами и холмами. Также, при желании, Вы можете и сами почтить этот замок своим присутствием в течение какого-то времени. Я позабочусь, чтобы Вас сопровождали достойные люди. Что Вы скажете на это предложение, моя госпожа?

Среди собравшихся придворных двое или трое при этих словах с полуулыбкой переглянулись, а двое или трое посмотрели на королеву, которая была хороша для своих лет, как бы с состраданием, но большая часть слушавших сохранила спокойствие, как и полагается придворным.

Тогда заговорила Голдилинд. Голос её дрожал, так как она, будучи проницательной, испугалась. Она ответила так:

– Кузен и граф, я рада исполнить всё, о чём Вы сейчас сказали и вполне разделяю Ваше желание сделать подарок моей доброй опекунше, даме Элинор.

Тогда граф Джеффри произнёс:

– Дама, преклони колени пред твоей повелительницей, протяни к ней руки и поблагодари за этот дар!

И дама Элинор встала на колени, поклонилась королеве и, выражая своё почтение, поблагодарила её за новые земли. Голдилинд попросила её подняться, поцеловала и, посадив рядом с собой, дружелюбно заговорила с ней. Придворные восхищались хорошими манерами и вежливостью королевы, а дама Элинор изо всех сил улыбалась Голдилинд и всем вокруг.

Дама была низенькой и елейной, её щёки уже слегка свисали, карие глаза были узкими, всегда полуприкрытыми, губы тонкими, а подбородок дряблым. Ей не исполнилось и пятидесяти лет, но многие дамы, будучи старше её, выглядели лучше.

Глава V
Голдилинд переезжает в Зелёную гавань

Вскоре граф Джеффри начал собираться и на следующее утро отбыл в Лугфорд. Месяц спустя к Лишоу явились его люди. Они должны были подготовить Голдилинд к переезду на новое место. В том числе прибыл отряд воинов, возглавляемый старым, худощавым и весьма раздражительным господином. Он преклонил колени перед Голдилинд, назвавшись новым управляющим Зелёной гавани. С ним был священник – чёрный суровый каноник*, скуластый, молодой и бодрый, но весьма неприятный. Были здесь и три новые служанки для юной королевы, сами уже немолодые, крепкие и рослые женщины: две с грубыми, резкими чертами лица, а третья высокая, чёрноволосая, хорошо сложенная.

Теперь, когда все они прибыли и поступили под управление дамы Элинор, не было причин откладывать отъезд в новый дом. Через два дня замок Лишоу был оставлен. Голдилинд, хотя и была ещё юна, уже отличалась мудростью. Сердце внушало ей дурные предчувствия, когда рядом были эти новые подданные. Ей казалось тогда, что едет она не к славе, не к чести, не к почёту и не к возлюбленным друзьям. Но, как бы то ни было, Голдилинд делала вид, будто ничего не происходит, и обращалась к тем, кто её окружал, с королевской галантностью.

Пять дней они скакали от замка Лишоу на север, мимо деревень и городов, через поля и реки, пока не оказались в глухих местах, а на шестой день путь их проходил уже по лесным дорогам, где люди почти не встречались, разве что изредка проезжали они мимо лачуги лесника или рудокопа. На седьмой день около полудня путники прибыли на небольшое открытое место. Продвигаться там было сложно, поскольку местами почва становилась болотистой, и только один маленький участок земли был возделан и засеян ячменём и рожью. Вокруг поля было разбросано около двадцати каркасных домов*. В дальнем же северном конце поляны стоял серый замок с крепкими стенами и большими, высокими башнями. Он был не намного больше замка Лишоу, как решила Голдилинд. Здесь ей и предстояло отныне поселиться.

Итак, путники вошли в этот замок. Он казался довольно зловещим, но тем не менее в нём было всё необходимое для жизни благородных особ. Долго можно рассказывать о его стенах, дворах и палатах, но будет достаточно упомянуть о том, что у северной его части, со стороны густого леса, был разбит сад с газонами, на которых выращивали зелень и цветы. От леса этот сад защищала только низкая стена из серого камня. Зато с другой стороны, над стеной самого замка, возвышалась высокая башня, которая называлась Замковой башней. Во внешней ограде сада имелось несколько задних ворот, которыми почти не пользовались.

Теперь, когда Голдилинд пробыла в своих покоях несколько дней, она полностью уверилась в том, что её привезли из замка Лишоу – из окрестностей Лугфорда – в самые дальние края королевства для того, чтобы этот замок стал для неё тюрьмой.

Тем не менее, обращались с ней в этой тюрьме довольно любезно. Почтительно прислуживали, кланялись, называли её миледи, королевой и другими подобными титулами. Голдилинд могла свободно ходить из спальни в трапезную или в часовню, хотя повсюду её сопровождали слуги. Могла она пройти и в сад, но и там, чаще всего, ей не удавалось побыть одной. Изредка её даже выпускали за ворота, но кто-нибудь обязательно шёл справа и слева от неё. На самом деле, несколько раз ей даже удавалось выйти за ворота одной, но тогда Голдилинд чувствовала себя сбежавшей узницей, хотя, если уж говорить всю правду, у неё никогда не было ни мыслей о побеге, ни тени надежды на его успешное воплощение, но каждый раз, когда она возвращалась в замок, её распекали словно пойманную беглянку.

Словом, всюду – в замке ли Зелёной гавани, в округе ли – Голдилинд наталкивалась на вездесущую тиранию низенькой елейной вдовы, дамы Элинор, для которой и мужчины, и женщины в этом уголке мира были всего лишь слугами и рабами, исполнявшими её волю. Эта Элинор, которая и вначале не испытывала добрых чувств к своей госпоже – ни на словах, ни во взгляде, – со временем стала ещё более чёрствой, а когда женственная красота королевской дочери расцвела, её тюремщица уже не считала день хорошо прожитым, если не могла как-нибудь огорчить свою пленницу или помучить её. Когда она замышляла что-то против Голдилинд, то ничто в мире не могло заставить её отказаться от своих планов.

Голдилинд же с лёгким сердцем переносила все тяготы и со временем становилась всё отважней. Теперь она уже не склоняла головы перед печалью, а находила утешение во всём, что происходило с ней за день. Её радовали солнечное тепло и свежий ветер, вид зелёного леса и игры диких птиц и зверей, за которыми она часто наблюдала издалека, а иногда и вблизи. Впрочем, временами она вообще ничего не видела, ибо была заперта в четырёх стенах, при этом запирали её не в спальне, а в пустой и грязной замковой тюрьме, где под предлогом покаяния должна была Голдилинд проводить своё время.

Несмотря на эти тяготы, Голдилинд росла такой красивой и милой, что эта красота тронула сердца многих тюремщиков. Некоторые из них – по большей части оруженосцы и воины – оказывали ей небольшие услуги, за которые им, если бы и попало, то не сильно, а могло и совсем не попасть. Весной ей приносили цветы, а иногда даже белочку или певчую птичку. Был один старик-воин, который временами, когда ему удавалось отпроситься со службы, приходил в комнату Голдилинд или встречал её в саду и рассказывал ей, чтобы немного развлечь, истории из тех, что сочиняют менестрели. Голдилинд тронула даже сердце управляющего замком, а ведь он один мог встать между ней и дамой Элинор. Видя это, Элинор обращалась со своей пленницей ещё суровее.

Ко всему сказанному осталось только добавить, что ни один человек из внешнего мира не посещал замка: ни паломник, ни нищенствующий монах не заходили в эти края. Разве что изредка появлялись гонцы от графа Джеффри с посланиями для дамы Элинор или для управляющего.

Так протекали дни, и осень сменялась зимою, а весна летом, пока не прошло четыре года с того времени, как Голдилинд оставила замок Лишоу. Шла восемнадцатая весна её жизни.

Теперь мы прервём повествование о Голдилинд и возвратимся назад, к событиям, совершавшимся в Дуболесье, к судьбе короля Кристофера и коннетабля Рольфа.

Глава VI
Как коннетаблю рольфу приснился сон и как он приехал к замку крайней марки

Тем же летом, когда королю Кристоферу исполнилось двадцать два года, в один прекрасный день коннетабль Рольф заснул в королевском саду Дубфорда и увидел сон. Снилось ему, будто в ворота сада входит прекрасная высокая женщина, одеждой ей служат только дубовые листья, и ведёт она за руку двадцатилетнего юношу необычайной красоты, очень похожего на погибшего в битве короля Дуболесья в молодости. Женщина подводит юношу к коннетаблю, и Рольф спрашивает сам себя, не произнося при этом ни слова: «Кто же эти двое?» А женщина отвечает на его мысль:

– Я – Лесная Дама, дух-покровитель Дуболесья. Этот милый юноша, которого я держу за руку, – мой возлюбленный король и твой повелитель – владыка Дуболесья! Очнись же, глупец! Проснись и вспомни о том, что ты должен сделать!

С криком проснулся коннетабль Рольф и сразу же схватился за меч, но, окончательно оправившись ото сна, постыдился своего страха и прошёл в тронный зал, где сел на престол и попытался прогнать из головы беспокойные мысли, но единственное, что у него получилось сделать, – это вновь уснуть. И здесь, в тронном зале, Рольф ещё раз увидел тот же сон, что приснился ему в саду. Но теперь, когда коннетабль очнулся, у него не было иного желания, кроме как быстрее добраться до лорда Ричарда Тощего и узнать, как обстоят дела у сына умершего короля, увидеть его своими глазами и, по возможности, найти средство защитить себя от угрозы, таящейся в жизни наследника. Поэтому коннетабль Рольф не медлил ни секунды и уже через час отправился в путь в компании четырёх воинов и своего старого оруженосца, что всегда без лишних вопросов был готов выполнить просьбу своего господина, не важно, добро ли она несла другим или зло.

Так ехали они долинами да взгорьями, лесными да столбовыми дорогами, пока через два дня не прибыли к месту, с которого был виден замок Крайней марки. Кавалькада въехала на улицы знакомой нам деревушки, неожиданно тихой в этот час. Продвигаясь вперёд, путники изредка замечали, как в дверях показывались старики, старухи да малые дети, не умевшие ещё ходить. И только с ближайшего поля доносились громкие радостные голоса. Там, за рядами домов, сновало взад и вперёд множество людей в ярких одеждах. Они готовились к играм и состязаниям.

Коннетабль Рольф, не обращая внимания на праздник, проехал прямиком к замку. Там его с честью приняли и проводили в зал, куда, чтобы поприветствовать своего повелителя, поспешил прийти немного оробевший лорд Ричард Тощий. В зале, кроме коннетабля и лорда, было только несколько слуг, но они стояли на таком расстоянии, с которого не могли слышать разговора господ.

Коннетабль любезно попросил Ричарда сесть рядом с собой и мягко сказал:

– Я прибыл сюда, чтобы увидеть Вас, сэр Ричард, и узнать, как живётся обитателям Крайней марки. Также мне хотелось бы осведомиться о делах юноши, которого я послал к Вам, когда он был всего лишь младенцем, незаконнорожденным сыном умершего короля, нашего господина и повелителя. Я решил, что Вы достаточно богаты и добродушны, чтобы вырастить его в достатке, но без склонности к гордыне. Но сначала скажите мне, жив ли он?

Коннетабль Рольф даже нахмурился – так он опасался показать, что у него на сердце, но лорд Ричард улыбнулся в ответ, хотя и видно было, что он обеспокоен словами своего повелителя. Он сказал:

– Господин коннетабль, я благодарю Вас за то, что Вы посетили наш бедный дом. Я расскажу Вам всё по порядку: юноша жив и преуспевает во всём. Впрочем, в последний год он стал слегка несдержанным, и нельзя ожидать, что он исправится в ближайшее время, по крайней мере, ещё лет шесть. По правде говоря, здесь никто не знает о его родстве с нашим умершим правителем, но в то же время жители этого далёкого края называют его королём Кристофером, пусть только и в шутку. Зато они не шутят, когда говорят, что не откажут ему ни в чём, а особенно часто это произносят молодые женщины. Ещё я добавлю, что Кристофер вырос мудрым юношей, так как он никогда не просил больше того, что ему требовалось, – на горе многим местным девушкам. Кристофер – настоящий житель леса, он очень силён, и чаще ищет случая показать свою храбрость, чем случая завоевать женскую любовь.

Коннетабль выглядел не более обеспокоенным, чем до этих слов. Он сказал:

– Я бы хотел увидеть этого юношу как можно скорее.

– Да будет так, господин, – согласился Ричард.

Он позвал оруженосца и приказал ему:

– Сходи в деревню и приведи сюда Кристофера, ибо наши края посетил великий правитель, который и послал его получать знания леса, большие, чем требуются обычному человеку.

Оруженосец ушёл, и спустя некоторое время в замке услышали приближающиеся звуки победных песен и ликующие голоса людей. Вскоре они стали слышны прямо у дверей зала, и тогда вошёл оруженосец, а с ним высокий молодой человек, одетый всего лишь в белую льняную рубаху и грубые штаны из оленьей шкуры. На голове у юноши была гирлянда из цветов. Его-то оруженосец и подвёл к господам, сидящим на возвышении, со словами:

– Милорды, я доставил к Вам Кристофера, хотя сам он шёл не очень охотно, ибо его только что короновали на играх там внизу. Остальные деревенские пообещали проводить его до дверей Вашего зала, и только поэтому-то, честно говоря, он и согласился пойти. Было бы нехорошо, если бы здесь его как-то опозорили.

– Угомонись! – прикрикнул на него лорд Ричард. – Какое тебе до этого дело? Ты разве не видишь – у нас господин коннетабль!

Рольф, не поднимаясь с места, рассматривал Кристофера и хмурился всё больше. Сам же Кристофер видел перед собой только великого господина, обременённого многими заботами, поэтому он поклонился и бесстрашно и радостно встал перед ним.

По правде говоря, на прекрасного Кристофера было бесспорно приятно смотреть. Сила его, как сказал лорд Ричард, была огромной, его руки и ноги, да и всё тело были красиво очерчены: легко и точно. Хотя кожа его в тех местах, которые не были прикрыты одеждой, загорела летом, она была нежной и гладкой. Блестящие глаза и пухлые щёки, золотистые волосы с оттенком коричневого и завитки кудряшек среди цветов его гирлянды – всё делало его очень привлекательным.

Следует сказать, что Кристофер был таким юношей, каким могло быть большинство в этом мире, если бы не существовало людской злобы, если бы зависть не наносила людям столько вреда и если бы жадность их не портила.

Наконец, коннетабль Рольф спросил:

– Юноша, мне говорили, что ты искусный охотник и прекрасно знаешь лес. Можешь ли ты поохотиться для меня и принести мне какую-нибудь диковинку?

– Да, мой король, – ответил Кристофер. – Я буду стараться изо всех сил, только скажите мне, где и когда начинать охоту.

– Хорошо. Завтра мой оруженосец (он сейчас стоит вон там, его зовут Саймоном), расскажет тебе о месте, выбранном для охоты, ты пойдёшь с ним. И послушай: ты не должен

называть меня королём. Нынче нет короля в Дуболесье, а я не более чем коннетабль и граф, вассал короля.

Юноша подумал с минуту, а затем произнёс:

– Да, господин коннетабль, я выполню Вашу волю. Но мне казалось, я слышал рассказ о том, что у умершего короля Дуболесья есть наследник. Разве это неправда?

– Прекрати разговоры, юноша! – резким голосом закричал коннетабль. – Дожидайся завтрашнего дня. Никому не известно, кто будет королём, да и доживём ли мы с тобой до той поры, когда сможем увидеть его!

Для коннетабля слова, произнесённые им самим, показались злым предзнаменованием. Он побледнел, задрожал и сказал Кристоферу:

– Подойди ко мне, парень. У меня есть дар для тебя. Возьми его, а затем можешь идти.

Кристофер подошёл ближе, а коннетабль снял со своего пальца кольцо и отдал его юноше. Затем он сказал:

– Теперь иди с миром. – И Кристофер, преклонив колено и поблагодарив правителя Дуболесья за щедрый подарок, вышел из зала. Сразу же раздался радостный крик ждавшего его снаружи народа.

Когда же Кристофер вышел, коннетабль Рольф взглянул на свою руку и увидел, что вместо того, чтобы дать юноше специально для этого случая купленное у торговца за пять византинов* колечко, подарил королевское кольцо, на котором были выгравированы первая буква имени короля (а его также звали Кристофером) и увенчанная короной роза. Это кольцо было символом королевской власти. Коннетаблем вновь овладела тревога. Он уже хотел было кинуться через зал за Кристофером, но сдержал себя и, улыбаясь своим мыслям, продолжил спокойную и приятную беседу с лордом Ричардом.

Так прошёл день, и наступил вечер, но прежде, чем отправиться спать, коннетабль Рольф тайно побеседовал с лордом Ричардом, а затем с оруженосцем Саймоном. Что же последовало за этими беседами, вы узнаете позже.

Глава VII
О путешествии кристофера в Дикий лес

Кристофер переночевал в малом здании внутреннего двора замка. На следующее утро он поднялся и направился к главным воротам. Хотя он пришёл очень рано, его уже поджидал оруженосец Саймон. Две крепкие лошади стояли наготове. Кристофер пожелал оруженосцу доброго дня, тот также поприветствовал его, хотя и несколько хмуро. Затем оруженосец спросил:

– Ну, король Кристофер, готовы ли Вы отправиться в путь?

– Да, как видишь, – ответил, улыбаясь, юноша. И в самом деле, на нём были надеты рубашка, штаны и сюрко*, ноги были обуты в сапоги из оленьей кожи со шпорами, на поясе висел короткий меч, а за плечами – колчан со стрелами. В руке Кристофер держал длинный лук.

– Вижу, – сказал Саймон. – Ты, вероятно, хочешь быть похожим на пёструю птицу! И больше напоминаешь охотника за оленем, чем всадника. Ты так увешан оружием! Думаешь, мы пойдём на оленя?

Кристофер ответил ему:

– Я не знаю, оруженосец. Великий господин, который сейчас спит вон там, сказал, что даст мне задание. Он говорил об охоте и лесных подвигах, а этот гнутый лук может пробить стрелой и что-нибудь более жёсткое, чем оленья кожа.

Саймон смутился. Он покраснел и, запинаясь, ответил:

– Да-да, так и было, я помню. Я вскоре расскажу тебе о задании.

Кристофер ответил на это:

– К тому же, оруженосец, мы ведь собираемся держать путь через лес, а это нам и следует сделать, если мы не хотим скакать по долине кругами весь день. Не думаешь ли ты, что верхом мы преодолеем большее расстояние? Нет, оруженосец, кони в лесу идут не быстрее человека, и каждый раз у зарослей нам придётся спешиваться, так что большую часть пути мы всё равно проделаем пешком.

Саймон вновь пришёл в себя и был довольно мрачен. Он сказал:

– Ай-ай-ай, маленький король, ты, кажется, стал мудрым мужем в этих лесах? Да, по правде говоря, почему бы и нет? И всё же у меня есть для тебя новости.

– И какие же?

Саймон ухмыльнулся:

– А вот какие: у доктора Всезнайки не было родных, а он взял и умер на той неделе.

Сказав так, Саймон вскочил в седло, а Кристофер весело рассмеялся этой простой шутке и последовал его примеру.

Так они проехали через деревушку, а на южном её конце Саймон натянул поводья и оглянулся на Кристофера, словно собираясь его о чём-то спросить, но не произнёс ни слова. Тогда спросил Кристофер:

– Куда нам теперь?

Саймон ответил ему:

– Это одна из моих новостей для тебя. Послушай, мне сказано сперва поехать с тобой в Лес Красной реки. Знаешь, где это?

– Знаю, – ответил юноша. – Хорошо знаю. Какой же дорогой мы поедем туда – через истоки Красной реки, или Журавлиное болото*, или мимо Длинных озёр?

– Мы поедем к Длинным озёрам. Ты сможешь проводить меня к ним?

Кристофер рассмеялся:

– Ага! Всё-таки у доктора Всезнайки были родственники, раз я так похож на него! Ведь я и правда могу указать туда дорогу. Но смогу ли я показать свою храбрость там? В том месте не водятся ни огнедышащие драконы, ни великаны, ни коварные гномы, только дикие утки, журавли и лысухи. Да ещё тучи малярийных комаров.

Саймон с недовольством посмотрел на юношу:

– Тебя просили пойти со мной, молодой человек. В противном случае ты противоречишь господину коннетаблю. Достаточно ли могуществен ты для этого? О подвигах не беспокойся: придёт день – придут и подвиги.

– Да мне-то всё равно, – сказал Кристофер. – Ведь в этих лесах и пустошах я дома – вместе с моими стрелами, конечно. Расскажешь мне, что от меня требуется, когда пожелаешь.

На самом же деле Кристоферу страшно хотелось узнать цель их поездки, и он сильно волновался из-за мрачности и молчаливости Саймона. Наконец, он сказал:

– Послушай, оруженосец Саймон, а не выехать ли нам на дорогу? Ты же понимаешь, что эту ночь нам придётся провести под открытым небом, ведь к Длинным озёрам мы не доберёмся раньше завтрашнего утра.

– Что ж, почему бы и нет? – согласился оруженосец. – Я ночевал в местах и похуже.

– Ты расскажешь об этом?

– Может быть, если мы оба сможем встретить и проводить завтрашний день.

Так они ехали через лес, а в полдень остановились ненадолго и перекусили тем, что нашлось в седельных сумках Саймона, а затем снова тронулись в путь и не останавливались, пока не наступила ночь. Тогда Саймон спросил, далеко ли до Длинных озёр, и Кристофер сказал, что осталось всего около пятнадцати миль, но из-за болотистой почвы идти придется долго. Поэтому путешественники оставили лошадей пастись, привязав их, и поужинали, а затем там же, в лесу, у разожженного костра легли спать.

Посреди ночи Кристоферу, обладавшему прекрасным слухом, послышались совсем рядом с ним чьи-то шаги. Он проснулся от этого, вскочил и выхватил меч – перед ним стоял Саймон, тоже с обнажённым мечом. Саймон отпрыгнул, но меч не убрал. Кристофер, не вполне проснувшись, закричал:

– Ты что? Что случилось?

Ошеломлённый Саймон, запинаясь, ответил:

– Ты ничего не слышал? Меня разбудил какой-то звук.

– Я ничего не слышал. А что за звук?

– Стук лошадиных копыт где-то в лесу.

– Ах, вот что, – ответил Кристофер. – Это дикие кобылицы с жеребятами. Они пасутся где-то в этих болотах*. Ты снова ложись спать, не прошло и половины ночи, а я немного подежурю.

Тогда Саймон убрал свой меч в ножны, отвернулся, постоял немного в беспокойстве, а затем лёг спать с видом человека, торопящегося заснуть, но на самом деле он не заснул, как казалось. Кристофер же собрал угли костра и сел рядом, положив клинок на колени. Так он и сидел до первых солнечных лучей на летнем небе. Тогда он начал клевать носом и, наконец, лег на спину и заснул. Саймон не спал в это время, но не отважился пошевелиться, поэтому оба они лежали до наступления дня, пока солнечные лучи не пробились сквозь ветви деревьев.

Глава VIII
Кристофер прибывает к джеку с Холмов

Когда они проснулись от солнечного света, Саймон первым делом пошёл проверить лошадей, а Кристофер остался у огня готовить. Он был довольно весел и даже немного сам себе напевал. Когда же вернулся Саймон, Кристофер так решительно посмотрел на него, что тот вначале смутился и отвёл взгляд в сторону, и хотя постоянно задавал какие-то мелкие вопросы, но как будто боялся звука голоса Кристофера. Наконец, он поднял глаза и уверенно посмотрел на юношу. Тогда Кристофер спросил:

– Что скажешь, мой спутник? Куда же мы отправимся этим утром?

Саймон ответил ему:

– Ты и сам знаешь – к Длинным озёрам.

Юноша произнёс:

– Что ж, уже совсем скоро мы придём туда, поэтому я и в самом деле не буду расспрашивать тебя до тех пор, пока мы не окажемся у Длинных озёр. Там тебе придётся рассказать мне всё, иначе там же мы и расстанемся, о чём я не буду жалеть.

– Возможно, сегодня ты отправишься в долгую дорогу, – пробормотал Саймон.

Юноша же резко вскричал:

– Да ты, похоже, почти нашёл эту дорогу прошлой ночью! – Его глаза блестели, а щёки пылали. Вскочив, он вытащил меч и тремя ловкими ударами отрубил свисавшую берёзовую ветвь толщиной в мужское запястье. Она с треском упала, осыпав Саймона листьями и мелкими ветками. Кристофер стоял, смеясь над ним, но взгляд его был суров и величествен. Потом юноша повернулся и спокойно начал запрягать и нагружать свою лошадь. Саймон молча последовал за ним и принялся за то же дело. Выглядел он мрачным, и по лицу его было видно, что он задумал что-то недоброе.

Так они и ехали, каждый сам по себе, почти не разговаривая друг с другом, пока не прибыли к месту, где лес сильно редел, и не остановились у подножия низкого каменистого холма, лишь изредка поросшего травой. Когда же всадники поднялись на его вершину и им стали видны земли по ту его сторону, Кристофер указал на них рукой и произнёс:

– Посмотри на Длинные озёра, мой спутник! И посмотри, чей цокот мы слышали прошлой ночью. Там пасутся лошади – они-то и разбудили тебя, но не меня.

И действительно, перед ними простиралась большая травянистая равнина, местами болотистая, а местами с твёрдой почвой и высокой травой. Равнина эта была пересечена тремя длинными мелкими озёрами, отделёнными друг от друга травянистыми гатями, поросшими тут и там старой ольхой. Каменистый склон, на котором стояли путники, огибал равнину с востока, словно морской берег, а далеко на юге синели покрытые лесом холмы. Они были не такими уж и высокими, хотя выше, чем холм Белой лошади*, который можно увидеть с невысоких холмов Беркшира на берегу Темзы. Внизу на сухом лугу паслось стадо диких лошадей, дикие утки и лысухи плавали в озёрах, кроншнепы смеялись со склонов холмов, а три цапли стояли у краёв гати, выискивая в воде рыбу.

Саймон сидел верхом, искоса поглядывая то на болота, то на Кристофера, а потом тихо, хриплым голосом произнёс:

– Вот, юный король, мы и пришли к Длинным озёрам. Теперь скажи мне, заезжал ли ты когда-либо дальше, был ли к югу от этой болотистой земли?

– Я был там, – ответил юноша. – На день пути к югу. Как любят рассказывать люди, я чуть не расстался там с жизнью.

Саймон сделал вид, что не услышал последних слов, и сказал:

– Что ж, тогда, если ты знаешь и пустошь, и лес, ты должен знать и два пустынных холма, что по ту сторону чащи. Они похожи на перевёрнутые чаши, возвышающиеся над деревьями, и на каждом из них стоит по башне, а между ними – длинный дом.

– Святые угодники! – воскликнул Кристофер. – Но ведь ты описал Дом на Холмах! Разве нет, оруженосец?

– Именно его, – отозвался Саймон.

– И ты знаешь, кто там живёт? И ты хочешь, чтобы я проводил тебя туда?

– Я получил такой приказ, и если ты не выполнишь его, то тебе следует найти хорошее укрытие, где можно спрятаться от руки графа-коннетабля.

– Ты разве не знаешь о Джеке с Холмов и о его семерых сыновьях? Разве не помнишь о том, кто он такой? И о том, что он живёт здесь?

– Я знаю о нём, да и его самого тоже. Знаю и о том, что он живёт здесь. Я знаю, что его называют преступником, но многие богачи истратят свои богатства раньше него. Что ещё ты хочешь от меня услышать?

– А вот что, – ответил Кристофер. – Во всех историях, что ходят о Джеке, говорится, что он забирает жизнь каждого, кто въезжает верхом на его земли. А ведь ты, – он повернулся к Саймону, – хочешь, чтобы со мной произошло именно это?

С этими словами Кристофер вытащил меч, ибо лук его был в тот момент без тетивы.

Саймон же остался сидеть, не доставая своего меча. Он сказал Кристоферу угрюмо:

– Глупец ты, если думаешь, что я заманиваю тебя к нему на верную смерть. Я сам не собираюсь умирать, а почему бы ему не убить ещё и меня? Теперь послушай, у тебя есть выбор: либо ты ведёшь меня в Дом на Холмах – а там для тебя найдётся дело, – либо спрячься в какой-нибудь дыре, как я уже говорил тебе, от гнева властителя Дуболесья. А меч свой ты можешь убрать, ибо я не буду драться с тобой. Скорее уж я поведу тебя за собой, привязав за ногу верёвкой, если ты будешь настолько глуп, чтобы не подчиниться приказу своего повелителя.

Кристофер вложил меч в ножны, и на его лице появилась улыбка, словно новая мысль пришла ему в голову. Он сказал:

– Что ж, если ты не будешь драться со мной – ведь я всего лишь деревенский парень, – то я исполню твою волю в точности. Твоё поручение насчёт Джека с Холмов будет выполнено. Может, он и не так чёрен, как его малюют, а может, и не все рассказы о нём правдивы. Впрочем, я ещё поведаю тебе некоторые из них по дороге к нему.

– А некоторые из них я и сам знаю, лесной рыцарь, – ответил Саймон, когда они уже ехали вниз по склону и Кристофер направлялся к зелёной гати, разделявшей озёра. – Скажи, – спросил Саймон, когда они проехали ещё чуть-чуть, – не про него ли рассказывают, что один барон устроил пир на Святки, а Джек пришёл на этот пир под видом менестреля? И как раз, когда вносили голову хряка, он так внезапно отрубил голову барону, что она отлетела и упала на поднос к голове рождественской свиньи.

– Именно про него, – отозвался Кристофер. – Джек тогда закричал: «Вот головы двух свиней! Одну хорошо бы съесть, другую хорошо бы сжечь!» Но послушай, ведь на это убийство у Джека были причины: дело в том, что барон Зелёного озера незадолго до того случая с хряком предательски убил отца Джека, улучив момент, когда тот не мог защитить себя, а ещё барон убил двух его братьев, а самого Джека объявил преступником. Барону же всё сошло с рук. У нас, в Крайней марке, рассказывали, что у Джека были причины мстить барону.

Саймон засмеялся:

– А вот ещё одна история. Если она говорит правду, то Джек с Холмов убил славного рыцаря прямо перед алтарём, и одеяние служившего священника было всё в крови, ибо в тот момент священник поднёс рыцарю Святое Тело Господне, чтобы тот причастился.

Кристофер с жаром отозвался:

– Всё верно, клянусь Крестом Господним! И Джек всё правильно сделал! Этот рыцарь Рауль был мерзкий предатель, и Тела Господня он причащался, только чтобы заставить поверить в свою грязную ложь, поэтому смерть и настигла его на том месте, где он встал на колени. Рядом с ним на коленях стоял человек, которого рыцарь Рауль заманил в ловушку, чтобы лишить его жизни, и в тот самый момент Рауль делал первый шаг своего предательства, лжесвидетельствуя ему у алтаря.

– А что случилось с этим человеком, который тогда стоял рядом с рыцарем Раулем?

Кристофер ответил:

– В ту же минуту, когда Джек поразил рыцаря, он вышел из церкви и пошёл вместе с Джеком к Холмам. Там он и поселился совершенно свободно. Он был отважным человеком. Да и сейчас он также – отважный человек…

Саймон вновь рассмеялся.

– А вот ещё одна: говорят, что семь сыновей Джека как-то увезли силой четырёх прекрасных девиц благородных кровей из замка, где они жили на услужении у одной почтенной дамы, и более того, сыновья Джека повесили эту даму на зубцах крепостной стены её собственного замка. Правдива ли эта история?

– Правдива, как святое Евангелие! Но многие говорят, что повешенная дама получила даже меньше, чем заслуживала. Это была жестокая ведьма, многих она довела до смерти, сама же находила удовольствие в том, чтобы наблюдать, как они изнемогают. И точно так же довела бы она до смерти и тех четырёх благородных девиц, если бы не храбрые сыновья Джека, так что милые девушки больше чем хотели, чтобы их увезли оттуда.

Саймон ухмыльнулся:

– Что ж, парень, я вижу, ты знаешь Джека даже лучше, чем я сам. Тогда почему же, чёрт побери, ты не желаешь привести меня к нему, никак не пойму!

Кристофер покраснел и замолчал. После паузы он сказал:

– Ну, спутник, кое-что мне предстоит узнать о нём ещё до наступления следующей полуночи.

– А разве мы не придём к Джеку засветло?

– Давай попробуем, но нам надо поспешить, ибо после полудня прошло уже три часа.

Они пришпорили лошадей, так как земля под копытами была уже твёрдой, и вскоре уже скакали между деревьями и кустарниками.

Весь день без отдыха они ехали через этот лес, но вот спустилась ночь, а путешественники так и не встретили ни дома, ни человека, ни чёрта. Тогда Саймон сказал:

– Зачем нам ехать дальше ночью? Не будет ли лучше прибыть к этому опасному дому при свете дня?

– В лесу опасностей столько же, сколько и в доме. Если мы заночуем здесь, то люди Джека могут застать нас спящими, а тогда нам не поздоровится. Да и диких лошадей поблизости нет, они не разбудят тебя, предупредив о том, что враг рядом. Давай поднажмём. С неба светит луна, хотя сейчас её и скрыли тучи. Мне кажется, что я отчётливо различаю путь. Да мы и не далеко от Дома на Холмах.

Саймон подъехал вплотную к Кристоферу и сказал умоляющим голосом, придержав его поводья и остановив его лошадь:

– Юноша, ты хочешь моей смерти?

– Возможно, так оно и есть. А ты не хочешь моей смерти?

Саймон ненадолго замолчал. Кристофер не видел выражения его лица, скрытого надвигающейся темнотой. Он выхватил поводья из руки оруженосца, словно торопился ускакать вперёд. Оруженосец же сказал:

– Стой, умоляю тебя, останься, у меня есть что сказать тебе.

– Тогда говори, – отозвался Кристофер, – но поторопись, ибо я голоден, и было бы хорошо, если бы мы поскорее оказались в обеденном зале.

Он засмеялся.

Тогда Саймон произнёс:

– Дело вот в чём: если я вернусь к своему повелителю без доказательства того, что его поручение насчёт Джека выполнено, то плохо моё дело. Если же я явлюсь в дом Джека, то… Я знаю, что Джек жесток сердцем и скор на руку, поэтому прошу тебя теперь: дай мне слово, что поручишься за меня, если это будет возможно, перед этим лесным жителем и его сыновьями.

Кристофер громко рассмеялся, и сумеречный лес зазвенел от весёлого гула его чистого голоса. Наконец, он сказал:

– Ну и ну! Да ты слишком труслив, чтобы быть тайным убийцей! Господу Богу не пришлось бы столько возиться с Каином, если бы он был таким же, как ты. Иди и выполняй своё поручение насчёт Джека, а я постараюсь сохранить тебе жизнь. По правде говоря, я догадался, что это за поручение после того, как прошлой ночью дикие лошади разбудили тебя и вложили обнажённый меч в твою руку. Да, да! Я и не подозревал обо всём этом, когда мы выезжали вчера утром из замка. Тогда я думал, что твой повелитель поручит мне какую-то службу. Тронемся в путь! Или, если хочешь, поезжай на шаг впереди меня. Вон туда, где – видишь? – между стволами берёз что-то светится. Если собьёшься с пути, я буду рядом, чтобы тебя направить. Как я и говорил, нам недолго ждать новостей.

Саймон нехотя тронулся в путь. Они ехали довольно медленно, и Кристофер то и дело кричал:

– Направо, оруженосец! Налево! Теперь прямо! – и так далее, но через некоторое время они внезапно услышали голоса. Лес словно загорелся – вокруг засветилось множество огней. Кристофер закричал и погнал лошадь, чтобы обойти Саймона, который ехал ближе к правому краю тропы. Почти сразу Кристофер заметил блеск стали в руке Саймона и повернулся боком, чтобы защититься, но прежде, чем он успел ещё что-либо сделать, Саймон вонзил широкий кинжал ему в бок, а затем развернулся и поскакал в обратную сторону той дорогой, которую запомнил по пути сюда.

Как только был нанесён удар, Кристофер упал с коня, и сразу же с десяток человек с факелами окружили его. Это были высокие воины, и огонь факелов придавал им свирепый вид. Один из них, стройный молодой человек с длинными рыжими волосами до плеч, опустился перед раненым на колени, тогда как другие держали лошадь и вытаскивали ноги Кристофера из стремян.

Рыжеволосый положил руку себе на грудь и, подняв голову так, чтобы свет факелов освещал ему лицо, воскликнул:

– Господа, здесь произошло преступление: закололи человека, и это преступление касается всех нас, ибо он – не кто иной, как юный Кристофер из Крайней марки, который приковылял к нам в Холмы на прошлые святки и которого мы так хорошо приняли тогда. Подойди сюда, Роберт из Мейзи, опробуй на нём своё знахарское искусство*, – может, он ещё жив. Если же он мёртв или умрёт от раны, то я возьму на себя обязанность отомстить за него и найду его убийцу хоть на краю света – я, Дэвид Рыжий, не будь я младшим из сыновей Джека, ибо я считал, что этот человек будет моим другом в поле и на холмах, пешим и конным, в зале и на престоле, в хижине и в церковном хоре, перед женщиной и воином, священником и гордым принцем. Скажи, Роберт, как он?

Знахарь, осматривавший рану Кристофера, отложил в сторону его куртку и рубашку и сказал:

– Он серьёзно ранен, но, думаю, не смертельно. Нет, похоже, он будет жить столько же, сколько и ты, или ещё дольше, если ты не перестанешь совать свою рыжую голову и длинный нос во все неприятности.

Дэвид поднялся, вздохнул, словно избавившись от тяжёлой ноши, и сказал:

– Ну, Роберт, когда перевяжешь его рану, отведи его к нам в дом. Эй, ребята! У нас достаточно света, чтобы нарубить ветвей и сделать ему носилки. Эй-эй, нет, подождите! Кто-нибудь отправился в погоню за преступником?

Роберт, подняв голову, усмехнулся:

– Нет, Дэвид, первый среди равных, это твои заботы. Может, ты ещё возьмёшь ноги в руки да догонишь его?

Рыжий вскочил на ноги и наполовину вытащил свой сакс, но снова вставил его в ножны и сердито ответил Роберту:

– Я удивляюсь, Роберт, что ты сразу же не отправил одного-двух из наших людей за преступником. Как я могу бросить в диком лесу своего раненого товарища? Или ты уже вырос из наших лесных законов, и в твоём случае безделье поощряется?

Роберт захихикал и сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты попридержал язык, приёмыш. Если негодяй сбежит от Ральфа Долгоногого и Антония Зелёного, то ему дьявольски повезёт, – ведь именно они отправились в погоню.

– Это хорошо, – обрадовался юноша. – Хотя было бы лучше, если бы я был с ними.

Сказав это, он начал нетерпеливо ходить взад и вперёд, пока другие сооружали из ветвей носилки.

Наконец, всё было готово. Кристофера уложили на носилки, и отряд отправился в путь по лесной дорожке, а огонь факелов дрожал вокруг них. Наконец, они вышли из леса, и перед ними на фоне неба, где луна как раз появилась из-за облаков, предстали смутно вырисовывающиеся тёмные громады двух холмов. На северном холме в верхнем окне высокой квадратной башни горел свет. В низине же виднелись окна длинного дома, но кроме них не было видно ничего, и только когда лесные разбойники подошли ближе, тусклый свет факелов начал выхватывать из темноты участки стены.

Все поднялись на большой портик, где потушили факелы, оставив только один. Дэвид и двое других высоких юношей зашли в дом первыми, а Роберт Мейзи после, он не отходил от носилок. Зал тускло освещался свечами, и только там, где находилось возвышение, свечей было больше. В очаге среди кучи дров ещё мерцал огонёк, испуская тонкий синий дымок, поднимающийся к дымоходу. В зале за длинными столами сидело около шестидесяти человек. Из них совсем немного женщин, но все статные и миловидные, насколько можно было разглядеть при свете свечей. На возвышении сидели и мужчины, и женщины. Когда же вошедшие подошли ближе к очагу, то увидели во главе стола, на престоле, пожилого рослого мужчину, широкого в плечах и стройного в талии, с небольшой остроконечной бородой и коротко стриженными седыми волосами. Лицо его было узким, скулы высокими, глаза большими, серыми, с мягким взглядом. На нём была зелёная куртка с золотым шитьём. Рядом сидела статная женщина с очень приятным лицом. Казалось, она была несколько моложе своего мужа. На некотором расстоянии от них сидели четверо мужчин и четыре женщины – мужчины отдельно и женщины отдельно, по разные стороны престола. Один из этих мужчин был рыжеволосым, как Дэвид, да и во всём напоминал его, только казался старше. Остальные больше походили на того, кто сидел во главе стола. Одним словом, это были его сыновья, как и Дэвид и двое юношей с ним. Все четыре женщины были молоды и красивы, а одна из них – та, что пила из одной чаши с рыжеволосым, – была настолько изящна и грациозна, что равную ей трудно было бы найти.

Чтобы сократить рассказ, объясним сразу: перед лежащим Кристофером предстали Джек-хозяин, его семь сыновей и жёны четырёх из них. Это были те самые девушки, которые избавились от заточения в замке Печали в тот день, когда отец с сыновьями положили конец власти злобной женщины, великого тирана всех земель от леса до реки.

Когда Дэвид с остальными подошли к возвышению, их остановили, и отец, сидящий на престоле, спросил:

– Что там у вас троих? Что за добычу вы принесли?

Дэвид ответил ему:

– У меня есть надежда, что я добыл жизнь, которую люблю. С нами твой гость с прошлых святок, тот самый юный Кристофер, который боролся с тобой и победил тебя после того, как ты сам победил нас всех. Теперь он лежит здесь, тяжело раненный врагом у окраин наших владений. Что прикажешь насчёт него?

– Что же ещё, – ответил хозяин Джек, – как не то, чтобы о нём заботились, лечили его и ухаживали за ним, а когда он выздоровеет, тогда мы и посмотрим, что делать дальше. А что с ранившим его негодяем?

– Он сбежал от нас верхом прежде, чем мы подоспели. Антоний Зелёный и Ральф Долгоногий отправились за ним и, похоже, поймают.

– А, может, и нет, – возразил хозяин. – Я, кажется, знаю, что это значит. Есть только один человек, который может желать смерти нашего юного гостя, но оставим это до тех пор, пока он не выздоровеет. Тогда он сам расскажет свою историю. Если он расскажет то, о чём я думаю, то настанет наш черёд действовать. Если вы поймаете преступника за это время, то хорошенько присматривайте за ним. Я сам хочу увидеть его. Может, тогда я узнаю правдивую историю ещё до того, как излечится Кристофер.

После разговора Дэвид, Роберт и несколько других парней перенесли Кристофера в спальню. Там он получил лучшее лечение, которое было возможно получить в Доме на Холмах. Сам же Джек, его сыновья со своими жёнами и прочие люди веселились в большом зале.

Глава IX
Оруженосец саймон возвращается в дубфорд. граф-коннетабль становится королём дуболесья

Теперь вернёмся к судьбе оруженосца Саймона. То ли действительно дьявол ему помогал, то ли везло ему сильно, то ли пригодились собственная хитрость да выносливость коня, мы не знаем, но, в любом случае, Ральф Долгоногий и Антоний Зелёный так и не настигли его. Он скакал так быстро и так долго, как только мог выдержать его конь, а затем остановился провести ночь в чащобе. Утром он поднялся и отправился дальше, прибыв к вечеру в замок Крайней марки. Следующим утром на свежей лошади Саймон выехал в Дубфорд. Не задерживаясь, оруженосец вошёл во дворец и в тайном разговоре с графом-коннетаблем рассказал ему, как он ударом ножа убил Кристофера, в чём он сам был уверен. Граф-коннетабль мрачно взглянул на него и спросил:

– В таком случае, где теперь кольцо?

– У меня его нет, – ответил Саймон. – Как я мог остановиться, чтобы взять его, когда семеро сыновей уже приближались к нам?

И он рассказал с самого начала всю историю о том, как он вставал ночью, чтобы убить Кристофера, как он позже узнал, что юноша был принят в Доме на Холмах и гостил у его жителей, как осторожно затем ехал Кристофер, так что Саймону пришлось приложить все усилия для того, чтобы ударить его в последний момент.

– Теперь, мой господин, – заключил он, – я вижу, что вызвал Ваше недовольство или даже больше того, ибо Вы можете сказать, что я лжец и никогда не наносил того удара. Сейчас я могу ответить лишь, что Джеку известно лучше, правду ли я говорю или нет. Я оставил нож в груди юноши, а Джек знаком с моим оружием, и если Вы хотите избавиться от меня, то прикажите мне выступить против разбойников с Холмов, и скоро Вам не нужно будет иметь со мной никаких дел.

Граф Рольф ответил без раздумий, хотя на его лице оставалось несколько тревожное выражение:

– Нет, Саймон, я не сомневаюсь в тебе, ни в одном твоём слове. С чего бы ты стал лгать мне? Я и не думаю, что ты обманываешь, потому что я верю тебе, ты достойный человек. И всё же я сильно сомневаюсь в смерти юноши. Что ж, хотя бы и так, всё равно сам я жив, а ведь я безусловно могущественнее Джека, пошлю ли я тебя против него (а с моей поддержкой ты победишь), или как иначе решу эту проблему, но пусть Господь сравняет мою судьбу с судьбой этого юноши, если я не стану ещё могущественнее в ближайшее время! Теперь же можешь идти. Ешь и пей в своё удовольствие – ты сослужил мне хорошую службу. Скоро я сделаю тебя рыцарем и лордом и дам тебе всё, что смогу, чтобы отблагодарить тебя.

Саймон стал пред графом на колени, потом поклонился ему, поднялся и вышел от коннетабля в весёлом настроении. На сердце у оруженосца было легко.

Прошло менее месяца, и некоторые лорды и герцоги пришли к графу-коннетаблю, умоляя его созвать великое народное собрание Дуболесья. Граф ласково ответил им, заверив, что так и сделает. Так он и сделал.

Собрание было весьма многолюдным, и среди общего гомона поднялся знатный лорд, седой и старый, скорбя перед народом о том, что нет короля в Дуболесье, чтобы сохранять законы и защищать землю, и в конце своего плача он воскликнул:

– Быть ли нам вечно нагими, лишёнными короля? Или вы изберёте его и коронуете прежде моей смерти и прежде смерти всех тех, кто уже стар и сед в нашем королевстве?

Лорд сел, и поднялся другой и напрямую предложил избрать королём графа-коннетабля. И тогда один за другим стали подниматься лорды, и каждый из них пел ту же песню до тех пор, пока людские сердца не насытились громкими словами, и тут уже многие начали кричать, и кричали всё громче и громче:

– Король! Король! Графа-коннетабля королём! Графа Рольфа королём!

Наконец, крики перешли в общий рёв, кто-то забил мечами о щиты, и те, кто стоял ближе к графу, повернулись к нему и поставили его на большой боевой щит*. Рольф стоял на нём над народом, держа в руке обнажённый меч, а народ криками приветствовал его.

Затем к коннетаблю, восседавшему на холме народного собрания, подошли главы родов и могущественнейшие из владык той земли и присягнули ему как королю Дуболесья. Так тем вечером в стране вновь появился король, и отныне не граф Рольф, но король Рольф правил людьми.

Но теперь мы оставим этого всевластного мужа и вновь вернёмся к Кристоферу, который оправляется от ранения в Доме на Холмах.

Глава X
О жизни кристофера на Холмах

Шесть недель прошло, прежде чем Кристофер сам смог ходить куда и когда пожелает, но уже спустя несколько дней после ранения он рассказал о том, что с ним случилось, хозяину Джеку и его семерым храбрым сыновьям. Они ободряли Кристофера и ухаживали за ним. Особенно старался Дэвид, младший из сыновей, как-то принимавший Кристофера у себя за столом и ставший ему названым братом.

Однажды прохладным вечером почти полностью оправившийся от ранения Кристофер сидел под дубом вблизи дома. К нему подошёл сам Джек, сел рядом и попросил ещё раз рассказать свою историю. Когда же Кристофер окончил, Джек сказал ему:

– Ты мой приёмный сын, поэтому я спрошу тебя: какое твоё самое раннее воспоминание?

– Хижина вне стен замка Крайней марки, добрая женщина рядом, крупная, веснушчатая, с волосами цвета песка, и крепкий светловолосый парень постарше меня. Помню, как я стоял у косяка входной двери этой хижины и смотрел на проезжающих воинов в белых доспехах. Один из них кинул мне яблоко, и я уже хотел было кинуть его обратно, но моя няня (откуда-то я знаю, что это была не моя мама) схватила меня и оттащила от двери, за которой послышался смех воинов. Затем помню, как вскоре няня отвела меня во двор замка, и там я опять увидел того человека, который кинул мне яблоко. Он сидел на скамье, завернувшись в алый плащ, отороченный бурым мехом. Няня подвела меня к нему, а этот человек наклонился и пощекотал меня под подбородком, затем положил руку мне на голову и обратился к няне: «А ведь он уже большой парень! Он быстро растёт, хотя ему всего лишь шесть лет». «Вы ошиблись, мой господин, – возразила няня. – Ему и пяти-то не исполнилось». Рыцарь нахмурился и произнёс: «Нет, говорю тебе, ему шесть». Няня покачала головой, но ничего не ответила. Тогда знатный господин бросил на неё сердитый взгляд и спросил: «Женщина, что твоё слово значит против моего? Знай, что этому ребёнку шесть лет. Итак, сколько ему?» Слабым голосом няня ответила: «Шесть лет». И рыцарь сказал: «Смотри, чтобы ты не забыла теперь этого и всегда говорила так, иначе нам придётся заставить тебя припомнить это вновь». Затем он опять положил руку мне на голову и произнёс: «Итак, повторю, ты большой парень для своих шести лет». И дал мне серебряную монетку. Во время этого разговора подошёл оруженосец в серых одеждах. Он с любопытством разглядывал меня. Потом мы с няней ушли, и я всё думал, почему она так бледна, хотя обычно весела и розовощёка. Когда же она вновь привела меня в хижину, то поцеловала и крепко обняла, и немного поплакала, отчего и я сам заплакал, хотя и не понял, почему. Уже позже я узнал, что человек этот был лордом и управляющим замка, как вы, должно быть, уже догадались, но до сих пор я не взял в толк, зачем он угрожал моей няне.

Джек спросил:

– А сколько тебе сейчас лет, мой Кристофер?

Юноша рассмеялся:

– По подсчётам кастеляна моего господина мне двадцать и два года, но если ты доверяешь моей славной и доброй нянюшке, а старушка всё ещё жива, то из этого следует вычесть ещё двенадцать месяцев.

Джек некоторое время сидел молча, затем неожиданно рассмеялся и сказал:

– А ведь ты очень большой, малыш Кристофер! Возможно, в один день многие мужи узнают об этом, но скажи мне ещё вот что: ты как-то рассказывал уже, что не знаешь ни отца, ни матери, ни братьев или сестёр. Это верно так?

– Никогда у меня не было родственника по крови, хотя много было доброжелателей.

– Что ж, теперь у тебя есть отец и мать, братья и сёстры. Хотя они из рода убийц и воров и стоят вне закона, но они любят тебя, парень, и, возможно, в один прекрасный день ты узнаешь, что им можно доверять.

Кристофер кивнул и весело засмеялся в ответ. Потом он тоже ненадолго замолчал, а Джек-разбойник сидел и наблюдал за ним. Потом Кристофер внезапно спросил:

– Мой приёмный отец, расскажи, кто я, какого рода, прошу тебя. Мне кажется, ты это знаешь, ты ведь такой проницательный!

– Честно говоря, сын Кристофер, я и сам думал об этом, хотя и не только об этом. Вот когда надумаю что-то определённое, так расскажу тебе, но не сейчас. Послушай, у меня есть для тебя другая новость. Ты уже выздоровел и окреп и через несколько дней сможешь передвигаться по лесу так же уверенно, как любой из нас, и поэтому я предлагаю тебе совершить двухдневное путешествие с твоими братьями Дэвидом и Гилбертом и твоей сестрой Джоанной. Они отведут тебя в уютное местечко, в небольшой дом, который я называю своим. Ты ведь согласишься пожить там какое-то время? Мне кажется, парень, что воздух этих холмов не так уж и полезен для тебя.

Кристофер покраснел и, приподнявшись, спросил:

– Но почему, приёмный отец? Здесь ожидается сражение? Поэтому ты не хочешь, чтобы я был с вами? Я что, такой слабак?

Джек рассмеялся:

– Успокойся, ты же ранен! Мы обычно сами выходим на войну, а к нам война приходит редко, да и сейчас я не вижу никакой угрозы. Исполни мою просьбу – так будет лучше и для меня, и для тебя, а возможно, это как раз отдалит войну, что было бы сейчас очень кстати. Если ты поселишься на время в Малой долине, то мы будем общаться через гонцов, ты сможешь ездить к нам, мы вместе, в Холмах, попируем на святки, а потом ты вернёшься, и всегда рядом с тобой будут милые твоему сердцу друзья. Поступи благоразумно, я же не заставляю тебя силой.

– Да, да, – согласился Кристофер, смеясь, – ты никогда не применяешь силу, разве не так, приёмный отец? В любом случае, я отправлюсь туда, отправлюсь по своей воле.

В этот момент из леса к ним вышли Дэвид и Джоанна, жена Гилберта и одна из тех прекрасных девушек, которых освободили из замка Печали, хотя и не самая прекрасная из них. Дэвид с Джоанной возвращались вдвоём с охоты. Эта троица – Гилберт, Дэвид и Джоанна – всегда рады были обществу друг друга. Сейчас же Гилберт задержался, занимаясь разделкой дичи, чтобы потом принести её домой. Кристофер обрадовался этим двоим, как выздоравливающий радуется хорошим новостям. Джоанна в охотничьем костюме выглядела прекрасно. Башмаки её были зашнурованы на голых лодыжках, и стройность ног, которые подобранная зелёная юбка открывала до колен, радовала глаз.

Охотники добродушно приветствовали Кристофера. Джоанна села рядом, чтобы поговорить с ним, а Дэвида Джек взял под руку и увёл домой для более серьёзного разговора.

Глава XI
Как кристофер прибыл в Малую долину, чтобы переждать там некоторое время

Со времени того разговора прошла неделя, и четверо его участников отправились к югу от Дома на Холмах, взяв с собой четырёх выносливых лошадей для езды верхом и ещё четырёх вьючных лошадей, нагруженных всем необходимым для путешествия. Все запаслись оружием – на поясе у каждого висел меч, хотя лука не было ни у кого, кроме Кристофера. Сзади путников бежала свора верных собак. Путешественники также гнали с собой двух молочных коров.

Пока шли через лес, все пребывали в радостном расположении духа, но радость Кристофера была такой огромной, что её невозможно было выразить словами. Почти с самого начала пути ему не хотелось говорить. Он сидел в седле и слушал песни и шутки своих товарищей, идущих рядом с ним, правда, ему тоже чаще приходилось идти пешком, чем ехать, да и, честно говоря, стояло приятное для прогулок утро. Так велика была радость Кристофера, что ему казалось, будто всё, что он видел в лесу: стволы древних дубов, скачущие с ветки на ветку белки, удирающие в папоротник кролики, прыгающая на поляне лань, падающий через шелестящие листья солнечный свет, овевающий лицо ветер, сам аромат леса, как и милые спутники, их красота, отвага и доброта, все слова и песни, исходящие из их уст, – всё это, как казалось Кристоферу, было одним большим представлением, поставленным для него, для его удовольствия, ведь он только что вырвался из пут смерти и болезни.

Радостно они провели первую ночь, расположившись под зелёными ветвями. Утром путники поднялись и шли весь день, вновь остановившись на ночлег в лесу, а на следующее утро уже спустились в небольшую лощину, которая называлась Малой долиной. Через неё протекала красивая речка, недалеко от берега которой на покрытом травой холмике расположился длинный, но невысокий каркасный дом. Путники повернули в сторону дома, и вскоре все они стояли перед его входом. Гилберт достал из заплечного мешка ключи и отпер дверь. Они зашли и оказались в маленькой уютной комнате с откидными кроватями по сторонам. В доме, чуть дальше, были также кухня и кладовки. Всё находилось на местах, и всего было в избытке: и пищи, и вина. Прошло только три месяца с тех пор, как один из союзников Джека, сэр Ланселот Зелёный, с женой и двумя детьми покинул долину после того, как его дела были улажены, а жил он там целый год, так как его изгнали из Лугфорда, Джек же был ему близким другом.

Дэвид улыбнулся:

– Теперь здесь твой дворец и твоя крепость, юный король Кристофер. Тебе тут нравится?

– Даже очень, – ответил Кристофер. – По правде говоря, хорошо бы скорее настала ночь. Я, должно быть, устал – мне хочется лечь в постель.

– Конечно, друг, – ответил ему Гилберт. – Ложись спать, а мы сделаем всё, что нужно, пока ты лежишь, как подобает всем королям.

– Нет, – возразил Кристофер, – я скорее буду похож на короля, если не поступлю так. Работать я не буду, но и в постель сейчас не пойду, а там, глядишь, настанет пора взять свой изогнутый лук да крыло серого гуся*, и пойти за добычей.

– Замечательно! – отозвался Дэвид. – По твоим глазам, в которых так и плещется радость, я вижу, что дня через три-четыре ты сможешь ходить по чащам вместе с нами.

– А до того, – добавила Джоанна, – за еду и питьё ты будешь отплачивать нам рассказами, когда мы будем возвращаться усталыми.

Кристофер засмеялся:

– Чтобы вы побыстрее заснули?

Так они разговаривали, радуясь тому, что они вместе и счастливы. За это время они прибрали дом и накидали на крышу ветвей и цветов. В тот вечер Джоанна и Дэвид спели вдвоём, а вот Кристофер не рассказывал историй, он исполнял обязанность менестреля в последующие несколько дней. Настало утро, и началась их лесная жизнь. Сменялись времена года, иногда им везло на охоте, иногда нет, но кроме этого почти ничего не происходило. Дни шли за днями, похожие один на другой, и редкий гость заходил в их жилище. Наступили святки, и они, заперев дверь, отправились в Дом на Холмах. Теперь из всех путников самым сильным и самым выносливым был Кристофер, поскольку бок его уже практически забыл нож Саймона. Джек с большой радостью принял их, и они беззаботно проводили у него время, пока не настала пора готовиться к Сретению. Воспользовавшись тем, что день выдался ясный и солнечный, молодёжь отправилась обратно в Малую долину. Там они перезимовали и дожили до лета. Между их домом и Домом на Холмах ходили посыльные. Было решено, что с наступлением осени все вернутся к Джеку, и тогда придумают, что делать дальше.

Но теперь оставим Кристофера и его верных друзей из Дома на Холмах и вернёмся к Голдилинд, которая всё ещё не видит счастья ни в одном из дней, прожитых в замке Зелёной гавани Северной марки Лугодолья.

Глава XII
О том, как голдилинд встретила майское утро в Зелёной гавани

На земле наступил май, и шла уже вторая его неделя. Голдилинд проснулась утром в замке Зелёной гавани, но весна не обрадовала девушку, когда она открыла глаза. Лежала она не в своей спальне, как полагалось и больше подобало ей, и откуда она видела бы небо и зелёный лес, лежала она в комнате, расположенной у самой земли в стене замка. Это было слабо освещённое помещение без каких-либо украшений, и ничто в нём не радовало глаз и не могло доставить удовольствие. Оно было пустым: кроме кровати, на которой спала Голдилинд, там стояли только грубый стул да кувшин с водой. На самом деле, хотя это помещение и называлось комнатой младшей гвардии, оно было тюрьмой, а Голдилинд несла в нём покаяние (так дама Элинор называла свою новую жестокость). Придумали это в качестве наказания для Голдилинд за некий вымышленный грех дама Элинор и капеллан, служивший у неё.

Голдилинд лежала в одной ночной рубашке, и рядом не было никакой другой одежды. Это продолжалось уже третье утро. Она просыпалась и видела вокруг себя лишь печальные голые стены. В этой пустоте время тянулось долго, постепенно проходил час за часом: Голдилинд лежала тихо, размышляя, но не предаваясь унынию. Конечно, она совсем не желала дальше нести епитимью, подобную этой, а потому мысли её были заняты поиском способа освободиться из своего заключения. Кроме того, за эти три дня в её голове созрела одна мысль: она хотела наедине переговорить с управляющим замком и двумя-тремя наиболее верными ей оруженосцами. Им Голдилинд решила доверить свои страдания в надежде получить какое-то облегчение. По правде говоря, когда Голдилинд думала об этом, сердце её начинало стучать сильнее, а щёки горели. Она хорошо знала, что подвергает себя опасности, и могла угадать, что ожидает её в самом худшем случае. Зато то, чего можно было ожидать в лучшем случае, казалось ей отблеском рая.

Так Голдилинд лежала и обдумывала своё положение уже в сотый раз, как вдруг послышался звук поворачиваемого ключа, и дверь отворилась. В комнату вошла бледная высокая тёмноволосая женщина, довольно молодая и привлекательная. Голдилинд осталась лежать, пока вошедшая не крикнула ей грубым голосом, в котором слышались и угроза, и насмешка:

– Поднимайтесь, миледи! Дама Элинор говорит, что с Вас уже достаточно, Вы можете выйти. Подождите, я должна также сказать, что сейчас рано и Ваша комната ещё не готова, поэтому Вам придётся найти себе какое-нибудь занятие в другом месте, пока её не подготовят.

Голдилинд поднялась и с улыбкой ответила:

– Но послушай, Алоиза, ведь ты не принесла мне одежды, сама же видишь!

Служанка сначала ничего не ответила. Она просто стояла и смотрела на Голдилинд с какой-то злостью, но затем она сказала:

– Ну, сейчас ещё и шести нет, я могу попробовать Вам помочь, но, прошу, не требуйте от меня многого. Мне кажется, дама Элинор совсем не хочет сегодня Вас видеть, да и наш капеллан тоже.

С этими словами она развернулась и вышла, заперев за собой дверь. Вскоре она возвратилась, держа в руках зелёное платье и другую одежду. Всё это она положила на табурет перед королевой и сказала:

– Поторопитесь, миледи, и позвольте мне уйти. По правде говоря, если они увидят Вас в этой одежде, будет нехорошо, поэтому лучше снимите её в скором времени.

Голдилинд ничего не отвечала, но только краснела и вновь бледнела, пока одевалась под присмотром служанки. Затем они обе вышли, поднялись по нескольким каменным ступеням и оказались перед дверью, что вела на лужайку около дома. Тогда служанка повернулась к Голдилинд и сказала:

– Вот теперь Вы и одеты, и вышли из дома, миледи. Я не знаю, куда Вы пойдёте, но в свою комнату Вам нельзя возвращаться. Подождите ещё, слушайте! Мы сейчас стоим у дверей, что выходят во двор со стороны Башни Лесничих. Здесь Вы и подождёте, пока я не вернусь за Вами. Ну что, миледи, будут ли ещё какие пожелания?

Голдилинд улыбнулась в ответ и с умоляющим взглядом произнесла:

– О, добрая Алоиза, не можешь ли ты дать мне кусок хлеба? Я хочу есть. Ты ведь знаешь, что мой королевский стол не отличался разнообразием в последние три дня.

– Ха! Если Вы будете желать слишком многого, то придётся поплатиться за это, миледи! Вашу просьбу я выполню, но она будет последней, и больше ничего не просите, пока не окончится время Вашего покаяния. Ждите здесь!

И Алоиза ушла наверх. Голдилинд же была так слаба от долгого пребывания в своём заточении, от внезапного света, от надежды и страха в ожидании того, как она поведает свою историю, что села на ступени там же, где стояла, разрываясь между желанием обрести дом и реальностью, в которой этот дом был адом. Наконец, её сердце оттаяло, и слёзы брызнули из глаз. В этот момент вернулась Алоиза. Она принесла буханку белого хлеба и маленький кувшин молока на серебряном подносе. Поставив его, она отперла дверь в сад и за плечи подтолкнула туда Голдилинд. Затем она развернулась, взяла поднос с хлебом и молоком и, подавая его Голдилинд через порог, сказала:

– Вот я и услужила Вам, миледи. Хорошо подкрепитесь, пока ещё есть время. Я вернусь через час.

Алоиза отвернулась, закрыла дверь и заперла её на ключ, а королевская дочь с жадностью набросилась на хлеб и, пока ела и пила, ни о чём не думала, а только внимала сладкому запаху левкоя и роз, словно этот запах был частью её завтрака.

Закончив есть, Голдилинд медленно пошла через сад, ступая среди цветов. Она взглянула на крепость, стены которой позолотило низкое солнце, что сверкало то в одном, то в другом окне. Хотя Голдилинд предчувствовала, что ни один час этого дня не обещает ей ничего хорошего, она, как могла, старалась примириться с трудностями и насладиться благоухающим майским утром, птичьими трелями и шелестом листвы над головой, но всё же иногда слёзы лились у неё из глаз, особенно когда королева вспоминала о том, как она молода и как беспомощна, и чувство жалости к себе было ей приятно.

Глава XIII
О том, как Голдилинд гуляла по саду

Голдилинд ходила по саду, постоянно оглядываясь на боковую калитку, что выходила на поле перед лесом, который располагался на расстоянии в два полёта стрелы от садовой ограды, и вдруг девушка услышала стук копыт по дорожным камням – какой-то всадник подъехал как раз к этой двери. В скважину вставили ключ, дверь отворилась, и в неё неуклюже, как после долгой скачки, вошёл мужчина. На нём была кожаная куртка без рукавов и шлем с забралом, на боку висел меч, а на рукаве его рубахи зелёным с золотом была вышита пламенеющая гора, по которой Голдилинд сразу поняла, что это – один из людей графа Джеффри. Голдилинд видела его раньше, – он приходил и уходил с какими-то поручениями, о которых она ничего не знала. Подобные визиты не имели для неё никаких последствий, поэтому Голдилинд и на этот раз не придала его приходу особого значения и нисколько не обеспокоилась, а посланец тем временем пересёк сад и подошёл прямо к Башне Лесничих, он достал ещё один ключ и вошёл в дверь.

Голдилинд продолжала идти в том направлении, где была дверь сада, как вдруг заметила, что посланец не закрыл её за собой. Когда же она выглянула из неё, то увидела коня, привязанного к кольцу в стене, – это был добрый гнедой жеребец. Его вид, а также свободные земли, открывшиеся её взгляду, разбудили в сердце Голдилинд память о страданиях последних дней, и вместе с тем сильное желание любви в мире, не ограниченном этими стенами, желание беседовать с друзьями, познать сладость ответной любви и надежду на удовлетворение этих желаний. И такое сильное чувство волной накатило на неё, что Голдилинд склонилась к траве и горько заплакала. Но плакала она недолго. Вскоре она поднялась и осторожно оглянулась, потом посмотрела наверх, на окна замка, и никого не увидела. Тогда Голдилинд подоткнула юбки своего зелёного платья за пояс так, что подол только закрывал колени, и проворно переступила порог полуоткрытой двери. Щёки её горели, глаза блестели, и сердце замирало от страха. Голдилинд отвязала поводья от железного кольца и тихо повела коня вдоль стены сада, вверх по склону, который, как и все пути из замка, вёл в чащу, но был короче остальных. Так Голдилинд шла, пока не миновала угол садовой стены, где не было окон. Здесь девушку можно было увидеть только с той стороны, где зубчатые стены возвышались над болотом, но в этом глухом углу замка обычно ничего не происходило, а кроме того, шёл только шестой час.

Глава XIV
Побег голдилинд

Там Голдилинд остановила коня и, тяжело дыша и чувствуя, как щёки наливаются краской, проворно вскочила в седло. Она уселась поудобнее и, склонившись над холкой скакуна, ударила его пятками по бокам. Конь был свежий, так как уставший посланец взял его этим утром у лесника милях в шести от замка, так что он живо отозвался на приказ Голдилинд и помчался галопом в лес. Они скрылись в мгновение ока с глаз того, кто мог бы наблюдать за ними из замка.

Не сдерживая своего жеребца, Голдилинд мчалась вперёд, полуобезумев от радости обретения свободы. Это было счастливое утро. Она не знала, куда едет, но думала, что хорошо бы скакать всё время на север. Один старик рассказывал ей о Дуболесье, и Голдилинд помнила, что эта страна лежит к северу от них, поэтому она и гнала коня в том направлении, насколько позволяли деревья в лесу. Когда Голдилинд проскакала галопом уже около получаса, она отпустила поводья, чтобы дать жеребцу отдышаться, и прислушалась, потом обернулась, но не услышала ничего, что могло представлять для неё опасность, так что поскакала дальше, хотя теперь и осторожнее, чем раньше. Так она ехала ещё около двух часов, пока не стало жарко.

Солнце уже сильно нагревало землю, когда она подъехала к чистому озеру. Оно находилось посередине небольшой полянки, и зелёная трава подступала к самой воде.

Здесь Голдилинд остановилась и сошла с коня. Она немного постояла рядом с ним, пока он щипал траву. Птицы пели в лесу, кролики бегали и прыгали на другой стороне озера, и куропатка кричала на берегу. Голдилинд слегка прислонилась к боку коня и так стояла до тех пор, пока не почувствовала, что засыпает. Она и в самом деле заснула и даже видела сон, но он был каким-то болезненным. Голдилинд вскрикнула и, побледнев, отшатнулась от жеребца, но затем она протёрла глаза и, засмеявшись, пошла к озеру, которое теперь покрылось лёгкой рябью. Ей пришла в голову одна мысль, и Голдилинд, схватив застёжки своего платья, расстегнула их и стянула платье с плеч, а с ним и всю свою одежду. Чуть-чуть постояв нагой на согретой солнцем траве, Голдилинд поёжилась и проворно вошла в озеро. Там она купалась и играла, а затем вновь вышла на траву и ходила взад и вперёд, пока воздух и солнце не осушили её. Тогда она опять оделась и легла под терновым кустом на берегу. Хотела она того или нет, но под кустом Голдилинд заснула и теперь спала крепко и не видела снов. Когда же она проснулась, то показалось ей, что сон её был долгим, хотя на самом деле она спала всего лишь минут двадцать. Голдилинд быстро поднялась и подошла к коню. Она поправила подпруги (которые были затянуты недостаточно), вскочила на своего доброго жеребца и отправилась в путь – теперь успокоенная и воодушевлённая.

Глава XV
Путь голдилинд через Дикий лес

Голдилинд всё скакала вперёд, стараясь, насколько возможно, увеличить расстояние между собой и Зелёной гаванью. Спустя три часа после своего купания Голдилинд почувствовала голод, но не смогла придумать, что поесть. Наконец, она обнаружила притороченную к седельной луке небольшую сумку, в которой оказался только маленький кусок пшеничного хлеба. Голдилинд взяла его и с радостью съела половину, присев у ручья, из которого можно было попить.

Поев, Голдилинд снова села в седло и теперь скакала, пока не опустились сумерки. В это время она как раз подъезжала к бегущей с севера речке, то разливающейся озерцами, то сильно мелеющей. Голдилинд устала, да и её добрый конь уже выбился из сил, а трава вдоль реки росла очень нежная и выглядела подходящим кормом для жеребца, и густой терновник вырос словно для того, чтобы дать Голдилинд приют, поэтому она решила, что переночует именно здесь. Она сняла с коня седло и уздечку, чтобы он мог пастись, а сама съела вторую половину своего хлеба. Потом Голдилинд легла на траву, подложив под голову седло. Полежав минуту-две и послушав, как пасётся конь, она заснула. Спала она долго и не видела снов.

Глава XVI
О том, что голдилинд обнаружила в лесу

Когда Голдилинд проснулась, уже светило яркое солнце. Она поднялась, оглянулась и увидела, что конь стоит рядом с ней в тени, лениво помахивая хвостом. Она обернулась: из озера струился прозрачный поток. Тут и там рыбы выпрыгивали над его волнистой поверхностью или оставляли на ней круги, когда ловили мух. На голубом небе не было ни облачка, воздух застыл без движения. Утро выдалось жарким. Не хуже вчерашнего пели по кустам птицы, но, взглянув через реку, Голдилинд заметила, что в том месте, где на берегу ольха образовывала заросли, дрозд, призывавший до того свою подругу, сейчас с резким криком, предупреждающим об опасности, слетел с ветвей. За ним последовал ещё один. Листва на кусте зашевелилась, хотя ветра по-прежнему не было. Голдилинд как раз нагнулась, снимая обувь, – она собиралась вновь искупаться, но теперь она замерла с башмачком в руке и пристально, с колотящимся сердцем вгляделась в заросли. Ей показалось, что ветви снова зашевелились, но больше ничего не происходило, и вскоре дрозд вновь громко запел на старом месте. Голдилинд собралась с мужеством и продолжила снимать одежду, поскольку упускать возможность искупаться она не собиралась. Раздевшись, она не стала гулять по берегу, как днём раньше, а сразу вошла в озеро. Вначале она продвигалась по мелководью, но постепенно прошла туда, где было поглубже, так что одна только голова да белые плечи остались видны над тёмной водой. Голдилинд пару раз оглядывалась на прибрежные кусты, но там больше никто не шевелился, и, наконец, расслабившись, девушка начала играть в воде. Плескалась Голдилинд недолго: вскоре, подняв тучу брызг, она выбежала на отмель и поспешила к одежде.

Одевшись, Голдилинд вернулась к своему коню, похлопала и погладила его, надела узду и седло и уже сама собиралась сесть на него, как вдруг ей пришло в голову, что на берегу озера часто встречаются ямы, в которые конь может неосторожно ступить, поэтому Голдилинд снова разулась, подоткнула подол и пошла вброд, ведя за собой жеребца. Вода нигде не поднималась выше колен, и девушка беспрепятственно вышла на берег, покрытый луговой травой, короткой и сочной. Местами виднелись крупные кусты терновника, да возвышался зелёный холм, с верхушки которого спускался на луг ряд высоких вязов. Деревья вплотную подходили к северному берегу реки.

Но вдруг Голдилинд остановилась в удивлении и даже некотором страхе: на лугу паслись три дойные коровы, и, что больше всего её напугало, под кустом терновника, не дальше, чем в ста ярдах от неё, стоял, глядя в её сторону, высокий мужчина. Голдилинд была так поражена, что не смогла ни закричать, ни убежать и даже не подумала вытащить юбку из-за пояса, чтобы прикрыть свои нагие ноги.

Какое-то время они так и стояли, а потом мужчина начал медленно приближаться к Голдилинд, но она по-прежнему не смела пуститься в бегство. Когда между ними оставалось шагов пять-шесть, краска бросилась ей в лицо, и девушка всё-таки спустила платье. Незнакомец же прервал молчание и приятным голосом сказал:

– Позволь мне заговорить с тобой, о дева!

Страх охватил душу Голдилинд, и сначала она не могла ничего произнести в ответ, но потом воскликнула:

– О, умоляю, не возвращай меня в Зелёную гавань! – и при этих словах она смертельно побледнела.

Мужчина же ответил:

– Я и не знаю, как добраться до Зелёной гавани, хотя у нас и слышали об этом месте, но успокойся, прошу тебя, меня не стоит бояться.

Голос мужчины понравился Голдилинд, и по мере того, как она слушала его – а он звучал по-доброму и искренне, – она понимала, как много, оказывается, страха смешалось с её радостью новообретённой свободы и с удовольствием от слов весёлого незнакомца. Голдилинд всё ещё молчала, чувствуя стыд, но при этом уже не ощущала страха. По правде говоря, хотя одежды незнакомца были такими, которые носят простолюдины, в нём ничто не внушало Голдилинд мысль о том, что он невоспитанный или жестокий. Она иногда поднимала на него взгляд, а затем снова опускала глаза, и за то время, пока она на него смотрела, она отметила, что это был сероглазый юноша, с гладкими щеками и округлым подбородком. Волосы у него были золотые и вьющиеся, и в целом Голдилинд решила, что не видела никого и вполовину такого же красивого, как он. На нём был надет зелёный плащ, не доходящий до колен, его ноги закрывали грубые башмаки. Больше одежды на нём не было, а вместо шляпы голову юноши украшал венок из белых майских цветов, что очень ему шло. Когда же девушка в очередной раз взглянула на него, она решила, что он подобен ангелу, летящему пред престолом Господним на изображении, украшающем хоры Лугфордской церкви. Голдилинд смотрела на него и восхищалась.

Наконец, она опустила голову и желала только того, чтобы юноша сам заговорил с ней. Он стремился к тому же, а потому сказал:

– О, дева, когда я впервые увидел тебя из-за тех прибрежных кустов, я решил было, что ты лесной дух или кто-то из языческих богинь, вернувшихся сюда. Это уединённое место, и иные говорят, что власть нечистого здесь сильнее, чем в других местах. Когда я увидел тебя, когда понял, что ты собираешься снять одежды, готовясь искупаться, то, по правде говоря, хотя и желал остаться в своём убежище, но испугался тебя, испугался, что ты рассердишься на меня за то, что я посмел увидеть тебя нагой, поэтому я ушёл, но ушёл недалеко, ибо больше всего на свете хотел видеть тебя, и, честно скажу, если бы ты не перешла поток, то я бы сам перешёл его, чтобы найти тебя, будь ты хоть богиней, хоть лесным духом, хоть кем угодно! Но вот ты сама пришла ко мне, и я слышал твой голос, слышал, как ты просила не возвращать тебя в Зелёную гавань, и теперь я уверен, что ты – женщина из рода детей Адамовых, но и сейчас я немного боюсь тебя, а потому, умоляю, не гневайся, если я спрошу, нет ли у тебя какого желания, которое я мог бы исполнить.

Когда юноша сказал так, Голдилинд слегка улыбнулась, посмотрела ему в глаза и ответила:

– Честно говоря, у меня очень простое желание: я хочу есть.

Юноша ударил себя кулаком в грудь и ответил:

– Ну вот, видишь, какой я глупец! Совсем не понял этого, пока ты сама не сказала мне. Я ведь вёл длинные витиеватые разговоры о себе! Пойдём же со мной, милая девушка. Своего коня ты можешь оставить здесь, чтобы он пощипал траву.

И он бросился к тому самому кусту терновника, где некоторое время назад пел дрозд. Голдилинд шла за ним следом, но так, что он не касался её. Когда они остановились, Голдилинд сразу же села на корень дерева и, искренне улыбнувшись юноше, сказала:

– Нет, теперь, когда ты заставил меня пройти этот путь, я выдохлась и устала. Прошу тебя, дай мне поесть сейчас.

Но юноша уже был занят своей сумой, которую он оставил здесь, и вскоре протянул ей большой ломоть хлеба и кусок белого сыра, сказав при этом:

– А теперь я принесу тебе молока.

Он взял чашу из осинового дерева, что лежала возле его сумы, подбежал к одной из коров и надоил в этот сосуд молока до самых краёв. Затем он осторожно вернулся, поставил чашу рядом с девушкой и сказал:

– Это то, что я мог дать тебе быстрее всего, но когда ты поешь и отдохнёшь, мы пойдём в наш дом, если ты будешь так благосклонна ко мне, что примешь это приглашение. Там найдутся и пища, и вино.

Голдилинд, глядя на юношу, молча улыбалась, но из глаз её лились слёзы, настолько сердце девушки радовала доброта незнакомца и пища, которую он ей предложил.

Юноша же стоял перед ней на коленях и с тоской в глазах смотрел на неё. Наконец, он произнёс:

– Признаюсь тебе, я даже рад твоему голоду и тому, что я увидел, как ты ешь. Иначе я решил бы, что ты всё же не принадлежишь к человеческому роду.

– А почему ты не поверил бы моему слову?

Краснея, юноша ответил:

– Я даже боюсь ответить тебе, иначе ты подумаешь, что я слишком дерзок и рассердишься на меня.

– Нет, скажи мне, я хочу знать.

– Моим грубым устам нелегко даются слова, но вот, что я хотел сказать: я видел немало прекрасных женщин, хоть и молод ещё, но среди них ты – чудо… и я дурак, если ты и в правду не женщина из человеческого рода, если ты не создана во славу мира!

Голдилинд потупила взгляд и сперва ничего не отвечала. От этого юноша, казалось, тоже смутился. Наконец, она сказала:

– Ты был добр ко мне, не назовёшь ли теперь своё имя? И если ты не против, не скажешь ли, кто ты?

– Миледи, – отозвался юноша, – имя моё легко будет назвать: меня зовут Кристофером, а некоторые в шутку называют королём Кристофером, наверное, потому что я безродный простолюдин. Что ещё я могу рассказать о себе? Я живу в лесах изгоем, как и мои друзья. Но знайте, что я никогда по своей воле не причинил вреда ни одному сыну человеческому. Также и друзья мои, хотя и не признают законов, но добры со мной и любят меня, все, как мужчины, так и женщины. Мы вынуждены жить вдали от королевских дворцов и замков баронов.

Голдилинд изумлённо смотрела на юношу, словно не понимая его. Она спросила:

– Где же ты тогда живёшь?

– Сегодня я живу совсем близко отсюда, а где я буду жить завтра – кто знает? Со мной разделяют кров трое моих добрых друзей. Самый дорогой из них для меня – это юноша одних со мной лет, мой товарищ во всём. Каждый из нас готов умереть ради другого. Думаю, что если бы ты увидела его, он бы тебе понравился.

– Как его зовут? – поинтересовалась Голдилинд.

– Его зовут Дэвидом, – ответил Кристофер.

Но тут юноша замолчал и нахмурил лоб, словно размышляя о чём-то сложном, потом лицо его прояснилось, и он спросил:

– Если позволишь, я хотел бы узнать, как зовут тебя и кто ты сама?

– Своё имя я пока хотела бы скрыть. Я бедная пленница и испытала много горестей и мучений, так что тело моё – лишь источник страданий, но я не всегда была пленницей, хотя сейчас и не могу рассказать тебе о том, кем была раньше.

Кристофер долго смотрел на неё, затем встал и пошёл обратно, к лугу, по их следам. Там он взял под уздцы коня Голдилинд и привёл его к терновнику, после чего встал перед девушкой и, покраснев, произнёс:

– Я должен рассказать тебе, что я делал в последние несколько минут.

– Да разве, – удивилась Голдилинд, – ты не ходил за моим жеребцом?

– Ходил, – согласился Кристофер. – А кроме того я сделал ещё кое-что, но спроси меня сама. Я не могу решиться и рассказать об этом.

Голдилинд засмеялась:

– Ну хорошо, что же?

– Нет, ты спроси меня, что я делал, иначе я не смогу рассказать тебе.

– Ну хорошо, что ты там делал?

Краснея и заикаясь, Кристофер ответил:

– Я рассматривал твои следы, выходящие из воды. Я хотел увидеть, какие новые, ещё более прекрасные цветы взошли на лугу там, где недавно ступали твои ноги.

Голдилинд ничего не ответила, Кристофер тоже замолчал, но вскоре девушка произнесла:

– Если ты хочешь проводить меня в свой дом, то должен сейчас же сделать это.

И с этими словами она достала из-за пояса обувь, словно собираясь надеть её. Увидев этот жест, Кристофер сразу же отвернулся, хотя и тяжко вздохнул. Девушка покраснела, проворно поднялась и сказала:

– Я пойду пешком. Ты поведёшь моего коня?

Юноша взял под уздцы коня и повёл девушку по самым тихим и живописным местам. За выступом небольшого холма, подходящего к реке, он повернул и направился прямо к кромке воды. Когда они таким образом обогнули холм, перед ними предстала широкая чудесная долина, сплошь поросшая травой. На холмике посреди неё, недалеко от воды, стоял длинный каркасный дом, крытый тростником.

Тогда Кристофер сказал:

– Госпожа, мы в Малой долине, а вон там наш дом.

Голдилинд ответила ему очень тихо:

– Долина чудесна, и дом выглядит красивым. Надеюсь, его жители счастливы в нём.

Кристофер произнёс с сомнением:

– Может быть, он разочарует тебя, когда ты окажешься внутри.

– Я бы с удовольствием проверила, – ответила Голдилинд.

В этот момент они подошли к саду, где цвели яблони. Голдилинд распростёрла руки и запрокинула голову – её переполнила радость от прекрасного вида и аромата. Прежде чем войти в полуоткрытые ворота, Кристофер и Голдилинд немного постояли. В этих местах им некого было опасаться.

Кристофер хотел было взять девушку за руку, чтобы помочь ей войти, но она обеими руками держала подол платья, собираясь переступить порог, поэтому Кристофер не решился этого сделать.

Дом изнутри оказался ярко освещённым. Длинные низкие окна были искусно застеклены, а на зелёных стенах зала были нарисованы Адам и Ева, райский сад и благой Господь, гуляющий по нему. Солнце ярко светило через южные окна, и у выхода было даже жарко, тогда как в глубине стояла приятная прохлада.

Голдилинд села в самом прохладном месте, у стола, а Кристофер стал прислуживать ей. Он принёс вина, белого хлеба, дичи и мёда и сказал:

– Прошу тебя отобедать, дева. Уже почти полдень, а своих друзей я не жду до захода солнца, так как они ушли далеко в лес.

Голдилинд улыбнулась в ответ, немного поела и выпила вина, и Кристофер ел и пил с ней. Сердце её было переполнено счастьем, она уже забыла о своём страхе, но всё же что-то беспокоило её, потому что, хотя Голдилинд и была счастлива, она не могла радоваться так, как хотела бы, словно не хватало ей чего-то. Чего – она и сама не знала.

Но вот Кристофер заговорил:

– Я хотел бы рассказать тебе об одном странном чувстве. Хотя прошло немногим более трёх часов с тех пор, как мы впервые встретились у реки, мне кажется, будто бы ты всегда была частью моей жизни.

Голдилинд смущённо посмотрела на него, и Кристофер продолжил:

– А когда я говорю о моих друзьях, с которыми мы живём здесь, о Дэвиде, Гилберте и Джоанне, то они кажутся мне давними полузабытыми воспоминаниями, хотя их имена – у меня на устах. Мне непонятно и неприятно это… А наш дом, он нравится тебе, моя прекрасная гостья?

– Да, очень. Он кажется мне уютным. Ты не знаешь, но до сегодняшнего дня я в основном жила в домах намного богаче этого, но в них было так уныло.

– И мне он казался вполне уютным, я был здесь счастлив, но теперь мне чудится, что всё это было только для того, чтобы встретиться с тобой.

– Значит ли это, что сейчас он неприятен тебе? – спросила Голдилинд с улыбкой, чуть-чуть покраснев. Кристофер молчал. Девушка потупила взгляд, и наступила тишина.

Наконец, она спокойно посмотрела на юношу и сказала:

– Поистине печально, что ты должен забыть своих старых друзей ради меня. Печально, что тебе пришло на ум, будто этот милый, уютный дом создан не для твоих верных друзей и не для того, чтобы вы в радости проводили здесь время, а для меня, случайной встречной. Послушай, ты говоришь сейчас, что я стала частью твоей жизни, но как такое возможно? Если я вновь стану несчастной пленницей, как ты сможешь вызволить меня? Ты, изгой, ведь так ты себя назвал? Но пусть ты и смог бы, я слишком низка для того, чтобы ты снизошёл до меня, а если я стану той, кем должна быть, то буду слишком высока, чтобы ты смог добиться меня. Нас разлучат так или иначе, и наша встреча не продлится более двух часов.

Кристофер какое-то время стоял перед ней, понурив голову, – они оба уже поднялись из-за стола, но вдруг он пылко взглянул на неё, глаза его блестели, и он произнёс:

– Да, не более двух часов. Зачем же тогда мы медлим, чего мы ждём? Зачем мы говорим то, что совсем не желаем говорить, и молчим о том, что хотят сказать наши сердца?

Произнеся это, Кристофер поймал правое запястье девушки и положил руку на её левое плечо, и как только он впервые коснулся Голдилинд, словно огонь пробежал по его телу, превратив его в продолжение её тела. В глазах Голдилинд он не видел отказа, она, не сопротивляясь, уступала, но как раз в этот самый момент Кристофер, немного отпрянув, повернул голову к двери, словно прислушиваясь:

– Тс! Тише! Милая девушка, ты слышишь?

Голдилинд смертельно побледнела:

– Ой, что это? Что это? Да, я слышу: стук лошадиных копыт и лай собак, но разве это не твои друзья?

– Нет, нет, – ответил юноша, – мои друзья ушли без доспехов. Прислушайся! У этих собак низкий голос – это ищейки! Пойдём же скорее, возможно, ещё есть время.

Он повернулся и, схватив секиру и щит, висевшие на стене, подбежал к окну, что выходило на север. Он осторожно выглянул, но сразу же отпрянул.

– Нет, мы опоздали, этот путь уже перекрыт. Они окружили дом. Дева, поднимись на верхнюю галерею по этой лестнице. Спрячься там за кроватью. Если они уйдут или мои друзья придут вовремя, ты спасена, но если и нет, то, даю слово, они не причинят тебе зла. Я вижу, ты поистине из благородных!

Кристофер уже направился к двери, но Голдилинд бросилась за ним, поймав его за рукав со словами:

– Нет! Нет, я не буду прятаться, чтобы меня потом вытащили из укрытия, словно воришку! Ты прав, я благородного происхождения. Я останусь с тобой и буду приказывать и воспрещать, как королева! О, не иди к двери! Останься со мной, останься!

– Нет, нет! – возразил Кристофер. – Там ты не сможешь помочь, это мужское дело. Смотри! Ты разве не видишь – сталь блестит у порога!

И с этими словами Кристофер оставил девушку и бросился к двери. У самого порога его встретили воины в полном вооружении, и юноша сразу же набросился на них с криками:

– За наш дом! За Холмы! Лесные братья, на помощь!

Кристофер рубил направо и налево. Кто-то из воинов упал, кто-то подался назад, и очень скоро крыльцо было расчищено, но как раз в это время Кристофер ударил по стальному шлему огромного воина, и его секира сломалась от такого удара. Тогда воины набросились на юношу всей толпой, но он сразу прикрылся щитом, а правой рукой так ударил в открытое лицо одного из нападавших, что тот сразу же упал и больше не двигался до самого Страшного Суда. Кристофер мог бы взять его оружие – оно лежало прямо перед ним, – но ему не давали даже нагнуться, чтобы его подобрать, поэтому он подхватил за кожаный ворот крепкого, но довольно-таки низенького воина, с силой поднял его вверх и, словно камень, пущенный из бомбарды*, метнул в остальных, подавшихся назад. Двое свалились наземь. Раздался рёв удивления и страха, а Кристофер снова кинулся на воинов, и на этот раз в его руке блестел топор. Он рубил и гнал нападавших назад, к порогу, но не мог прогнать дальше, а они были так ошеломлены этой атакой, что направили на него длинные копья.

Но вот вперёд выступил рыцарь, не очень крупный с виду, но облачённый в прекрасные доспехи. На его зелёном сюрко был золотом изображён лев. Он ударил по копьям, чтобы их подняли вверх, и дал всем знак немного отойти, а сам встал на пороге. Кристофер понял, что он намерен вести переговоры, и воздержался от атаки. Рыцарь же сказал:

– Ты, птенец, ты сошёл с ума? Зачем ты нападаешь на моих воинов?

Кристофер в ответ яростно закричал:

– А зачем вы осаждаете дома простых людей с оружием в руках? Хотите забрать мою жизнь? Но я сам убью одного или двух из вас прежде своей смерти. Отойдите, милорд, или будете первым!

Но рыцарь, не доставая оружия, остановил его:

– Мы пришли за тем, что принадлежит нам. Мы ищем нашу госпожу, владычицу Лугфорта, что по собственному желанию переехала оттуда в Зелёную гавань. И если ты не будешь мешать нам, то ты свободен, можешь идти ко всем чертям.

Когда Кристофер услышал это, он собрался было вновь с криком ринуться в бой и принять свою смерть, но раздался звонкий и нежный голос, и Кристофер услышал такие слова:

– Добрый мой хозяин, прошу тебя, позволь нам обсудить то, что требуется.

С этими словами Голдилинд вышла вперёд и встала рядом с Кристофером:

– Господин управляющий, мы выехали вчера подышать воздухом, но сбились в лесу с пути и задержались допоздна, так что нам пришлось переночевать под открытым небом, но утром нам повстречался этот добрый лесной житель. Он угостил нас хлебом и молоком, потом привёл к себе домой и там накрыл для нас стол, так что скорее следует наградить его, а не угрожать ему. Теперь же мы желаем, чтобы Вы вернули нас в замок Зелёной гавани. Этому юноше не причиняйте вреда, пусть он останется на свободе, как Вы и сами только что сказали, господин управляющий.

Голдилинд говорила медленно и вяло, словно пересказывала выученный урок. По ней было видно, что на сердце у неё – большое горе, хотя слова её звучали повелительно. Некоторые из воинов засмеялись, но управляющий сказал так:

– Миледи, мы частично исполним Ваше желание. Мы отведём Вас в замок Зелёной гавани со всеми почестями, но что до этого молодого человека, то если мы не убьём его здесь и сейчас, то нам следует взять его с собой. Он убил двоих из наших людей и многих ранил, словно леший вселился в его тело, поэтому попросите его утихомириться, если Вы не хотите видеть сейчас его крови.

Голдилинд обратила к Кристоферу бледное, несчастное лицо и сказала:

– Мой друг, мы просим тебя: прекрати сражение, позволив этим воинам поступить с тобой по их воле.

Кристофер отошёл в сторону, сел на скамью и, рассмеявшись, громко произнёс:

– Воистину, достаточно храбрые воины, чтобы привязать к своему щиту пояс девы!

Тут же воины ворвались в комнату. Полдюжины самых крепких из них подошли к сидящему Кристоферу и связали ему ремнём руки. Он не сопротивлялся, а сидел, откровенно посмеиваясь над ними, словно происходившее с ним было всего лишь святочной игрой, но сердце его горело от гнева, а ещё больше от любви к его нежной гостье.

Воины заставили юношу подняться и выйти из дома, потом усадили на лошадь и связали ему под седлом ноги. Когда это было сделано, Кристофер увидел, как Голдилинд вывели и посадили на конные носилки, а затем весь отряд тронулся в путь. Двое охранников ехали по бокам от носилок. Так они покинули Малую долину.

Глава XVII
Голдилинд возвращается в замок зелёной гавани

Ехали они быстро. Их вели люди, знающие лесные дороги, и это путешествие длилось не так долго, как путь Голдилинд из замка. Луна светила ярко, поэтому на ночлег останавливаться не стали и подошли к замковым воротам ещё до полуночи. Голдилинд ждала, что теперь её запрут в тюрьме, но этого не произошло: королеву провели прямо в её собственную спальню, где уже находилась одна из служанок, хотя и не Алоиза. Когда же Голдилинд попыталась спросить её о новостях, то та ей даже не ответила, как если бы была немой. Чувствуя себя совершенно несчастной, Голдилинд легла в постель, представляя самое худшее: как её настигает смерть от рук её тюремщиков. Кристофера она видела в последний раз, когда входили в замковые ворота, поэтому о том, что сейчас происходит с ним, девушка ничего не знала. Как бы там ни было, Голдилинд могла только лежать, и её одолевали мрачные мысли. Наконец, усталость взяла своё – она заснула.

Когда Голдилинд проснулась, стоял уже ясный день, а по комнате кто-то ходил. Королева повернулась и увидела Алоизу. У неё было так тяжело на сердце, что она не стала ничего спрашивать и даже не пошевелилась, но Алоиза сама оглянулась и подошла к её постели. Она поклонилась, но не произнесла ни слова. Тогда Голдилинд подняла голову, устало спросив:

– Что теперь, Алоиза? Что ты мне скажешь? У меня сердце сжимается от страха, и мне кажется, если у них не будет хоть капли жалости, я умру сегодня же.

– Нет, – ответила служанка. – Не тревожьтесь. Здесь рядом есть некто, кому Вы сильно обрадуетесь.

– Ага, а именно дама Элинор, – со стоном закончила Голдилинд. Страх и сердечная тоска так навалились на неё, что она чуть было не потеряла сознание.

Но Алоиза приподняла ей голову, поднесла к губам вино и заставила её сделать несколько глотков, а когда Голдилинд снова пришла в себя, служанка сказала:

– Я же говорю, не тревожьтесь, это не дама Элинор, и розог Вы не увидите. Это могущественный человек, нет, это самый могущественный из людей – граф Джеффри, король Лугодолья, пусть и не коронованный.

Голдилинд и в самом деле успокоили такие новости. Она сказала:

– Интересно, какие у него здесь дела. Всё это время он не заезжал в Зелёную гавань. Может, будь иначе, со мной здесь обращались бы лучше.

– Я не знаю, – ответила Алоиза, – но он здесь. Тот посланец, у которого Вы похитили коня, принёс именно эту новость – что приезжает наш лорд, граф Джеффри. Он прибыл на закате, уже после того, как ищеек наставили на Ваш след, а меня выпороли за то, что позволила Вам сбежать. Теперь, миледи, когда Вы увидите графа и на самом деле станете нашей королевой и госпожой, вспомните ли Вы то утро два дня назад? Вспомните ли Вы меня?

– Вспомню, – пообещала Голдилинд, – если случится то, о чём ты говоришь.

– Обязательно случится, – заверила её Алоиза. – Вы снились мне три ночи назад. Вы восседали на престоле, приказывая и воспрещая знатным людям. По крайней мере, пока никто (кроме моих плеч и боков) не почувствовал ничего плохого оттого, что Вы сами себя похитили. Вы вернулись очень быстро и, говорят, по собственной воле. Но расскажите же о своей прогулке, было ли Вам приятно?

Когда Голдилинд услышала эти слова и вспомнила, что ожидает её утром, то чуть было не расплакалась. Алоиза стояла и молча смотрела на неё. Наконец, Голдилинд тихо произнесла:

– Ответь мне, Алоиза, ты слышала, говорили что-нибудь о том молодом человеке, которого привели сюда прошлой ночью? Они убили его?

Алоиза ответила ей:

– На самом деле, миледи, я думаю, ему не причинили вреда, хотя полностью и не уверена в этом. По крайней мере, на нижнем дворе никому сегодня голов не отрубали и никого не вешали, но я слышала, как воины обсуждали, как они кого-то взяли в плен. Они говорили, что его сила достойна удивления. Рассказывали, как он швырнул одного из них, словно играя в мяч. По правде говоря, они совсем не держали на него зла за это. Впрочем, сейчас я посоветовала бы Вам подняться. Прошу Вас, наденьте всё самое лучшее и нарядное, что у Вас есть. А ещё я скажу Вам на ухо, что дама Элинор несколько побаивается Вас этим утром.

Голдилинд поднялась. Её одели в королевское платье. Алоиза и другие служанки подавали ей всё, что она хотела. Тем утром Голдилинд осталась в своей комнате – в ожидании могущественного властителя Лугодолья.

Глава XVIII
Граф джеффри говорит с голдилинд

Голдилинд ждала недолго. За дверью послышались многочисленные шаги, дверь распахнули, и сразу же, словно солнце осветило своими лучами землю, вошёл граф Джеффри, а за ним лорды – все в самых торжественных одеяниях. Граф подошёл к Голдилинд, склонился перед ней на колени и спросил:

– Миледи, моя королева, соблаговолите позволить Вашему слуге поцеловать Вашу руку?

Голдилинд не выказала большой радости от встречи с ним, но всё же протянула свою лилейную руку в золотом рукаве и ответила:

– Поступайте по своей воле.

Граф благоговейно поцеловал её руку и спросил:

– А эти благородные сэры, мои вассалы, могут ли они подойти, поклониться и поцеловать Ваши руки, миледи?

– Я не откажу ни им в выполнении их желания, ни Вам в выполнении Вашего, милорд.

После этих слов лорды приблизились, преклонили пред ней колени и поцеловали её руку. По правде говоря, многие из них с радостью поцеловали бы и обе руки, да и щёки и даже губы, но сама Голдилинд смотрела на приветствующих скорее сурово, чем милостиво.

Затем граф заговорил с Голдилинд и рассказал ей о её королевстве, о том, как благоденствует народ, о крепком мире, царящем в её землях, о славных днях Лугодолья и о хвале, воздаваемой ей народом. Голдилинд ничего не отвечала, но по мере того, как он говорил, грудь её всё чаще вздымалась, и, наконец, на её глазах выступили слёзы и покатились по щекам. Тогда придворные стали переглядываться, и граф сказал:

– Господа! Мне кажется, что миледи хочет говорить со мной наедине, как со своим ближайшим другом и благожелателем. Я прав, миледи?

Голдилинд не могла ничего вымолвить из-за того, что сердце её обливалось слезами. Она только кивнула головой и улыбнулась графу.

Граф Джеффри махнул рукой, и все лорды, а с ними и служанки покинули комнату. Они остались вдвоём: королева и граф, который стоял перед ней, но прежде, чем он смог произнести хоть слово, Голдилинд поднялась с престола и упала на колени перед ним, молитвенно соединив руки и закричав срывающимся голосом:

– Помилуйте! Помилуйте! Сжальтесь над моей юной жизнью, о достойный лорд!

Граф поднял её, вновь усадил на престол:

– Нет, миледи, так не годится, но я буду готов выслушать Вас, если Вы захотите поговорить со мной и рассказать всё, что случилось.

Голдилинд некоторое время боролась со своими чувствами, а затем сказала:

– Достойный лорд, я умоляю Вас выслушать меня. Имейте терпение к слабому женскому сердцу! Пожалуйста, сядьте рядом со мной.

– Так не полагается. Я сяду ниже.

И граф, взяв себе табурет, сел перед королевой и спросил:

– Что мучает Вас? Чего бы Вам хотелось?

Тогда Голдилинд начала рассказывать:

– Милорд, я живу в заточении. Мне хотелось бы стать свободной.

– Хорошо, значит, это темница?

– Да! Я не могу даже свободно выйти из замка и вернуться. И это ещё не самое страшное. Сходите, посмотрите на комнату младшей гвардии и скажите тогда, подходит ли она для дочери Вашего повелителя.

Граф сперва ничего не отвечал, но затем произнёс:

– Всё же грусть Вам к лицу. Когда я взглянул на Вас, моим глазам предстала красота мира, где тело не может быть недостатком.

Голдилинд покраснела:

– Если это и так, то это милость Божия, и за это я приношу Ему хвалу. Но сколько ещё продержится моя красота? Горе убьёт и её.

Граф долго молча смотрел на королеву. Наконец, он сказал:

– Я поручил заботу о Вас Вашим друзьям и следил за тем, чтобы они ободряли Вас. Что я сделал не так?

– Может быть, умышленно и ничего. Ведь, если я верно понимаю, Вы пришли теперь, чтобы объявить мне об окончании моего временного, но утомительного пребывания здесь, о том, что Вы отвезёте меня в Лугфорд и возведёте на престол, и покажете всему народу дочь моего отца.

Граф молчал. Лицо его потемнело, и Голдилинд видела это. Наконец, граф сказал резким голосом:

– Миледи, это невозможно. Вам следует оставаться в замке Зелёной гавани или в каком-нибудь другом замке, но вдали от народа.

– Что ж, – ответила Голдилинд, – я убедилась теперь – я предчувствовала правду, когда впервые оказалась в этих стенах. Мне почудилось тогда, что Вы убьёте меня, чтобы безопасно восседать на престоле дочери Вашего государя. Вы не решаетесь послать ко мне человека с мечом, что пронзил бы меня, поэтому Вы ввергли меня в темницу к жестоким тюремщикам. Вы приказали им медленно и мучительно лишить меня жизни. До сих пор я выдерживала и их, и Вашу злобу, но теперь я побеждена, теперь я знаю, что меня ожидает смерть, и потому у меня больше нет страха, потому я и дерзнула высказать Вам всё, что Вы сейчас услышали, хотя и понимала, что меня убьют. Теперь я могу признаться Вам: я раскаиваюсь в том, что просила милости у неспособного на милость.

Хотя слова, сказанные девушкой, были резки, голос её оставался мягким и ровным. Граф был сильно задет, он встал и начал ходить взад-вперёд по комнате, то частично обнажая меч, то вставляя его обратно в ножны. Наконец, он подошёл к Голдилинд, сел рядом с ней и произнёс:

– Голдилинд, ты несколько заблуждаешься. Ты не ошиблась, когда сказала, что я уверенно займу престол и буду править землёй Лугодолья так, как не сможет никто другой. Верно и то, что я поселил тебя, законную наследницу, в стороне от мирской суеты, по крайней мере на некоторое время, ибо я не допущу того, чтобы твои белые руки преждевременно сместили меня с моего места, как не допущу и того, чтобы твоё прекрасное лицо послужило знаменем моим недругам, но никогда я не желал твоей смерти или твоих мучений! Если же всё происходит так, как ты мне поведала, а ты настолько правдива, что я не могу сомневаться в твоих словах, то, прошу, расскажи мне, что они делали с тобой!

– Милорд, те друзья, которым Вы передали меня, – мои враги, без различия, были ли они Вашими друзьями или нет. Вы хотите заставить меня поведать Вам всю историю моих унижений? Для них я была лишь невольницей, что временами исполняет на сцене роль королевы. Ваш капеллан, например, которому Вы поручили заботу обо мне, смотрел на меня сладострастными глазами. Он просил расплатиться с ним моим телом, чтобы тем самым купить прекращение страданий. Он угрожал мне ещё большим злом и сдержал своё слово.

Граф вскочил на ноги и вскричал:

– Что? Да как он посмел! Знай тогда, что его клобук не настолько прочен, чтобы защитить его шею! Говори дальше, дитя моё, рассказывай всё. Мои волосы седеют от твоих слов.

Голдилинд продолжила:

– Та льстивая, вкрадчивая женщина, которой Вы поручили заботу обо мне, – просили ли Вы её терзать меня розгами? Темницей? Темнотой? Одиночеством? Голодом?

– Клянусь всеми святыми, нет! И в мыслях у меня этого не было! Поверь, она заплатит за всё, если она осмелилась на такое!

Но Голдилинд сказала:

– Я прошу не об отмщении, я прошу о милости, и в Ваших силах оказать её мне.

И снова оба замолчали до тех пор, пока граф не произнёс:

– Теперь я со своей стороны попрошу Вас об одном, о том, что Вы должны будете сделать. Ваше величество может жить спокойно. Отныне с Вами не случится никакого зла. Будут только удовольствие и радость. Но расскажите мне, как Вы сбежали, устроив себе отдых на эти два дня. Расскажите о том молодом человеке, которого Вы встретили. Расскажите мне, не как дева рассказывает своему отцу или опекуну, а как леди могла бы рассказать лорду. Расскажите, что произошло между вами, ведь Вы же не та, на которую может бесстрастно смотреть молодой и отважный мужчина. Но клянусь всеми святыми, что я вижу? Вы вся покрылись краской, миледи! – И граф рассмеялся.

Голдилинд и в самом деле сильно покраснела, но ответ её прозвучал уверенно:

– Милорд, вы сказали истинную правду. Я, конечно, не могла не заметить, как он смотрит на меня, но обращался со мной этот юноша со всем уважением, словно брат с сестрой.

– А теперь поведайте мне – что он собой представляет?

– Он молод, но силён выше меры. Он совершенно бесстрашен! Я своими глазами видела, как он схватил и поднял одного из наших людей голыми руками, а потом швырнул его, словно комок глины.

Граф нахмурился:

– Да, я уже слышал эту историю от наших воинов. Но каков он из себя?

Голдилинд покраснела:

– Он красив: у него светлые глаза, правильные черты лица, голос добрый и мягкий, – и девушка покраснела ещё сильней.

– Он говорил Вам, кто он, этот юноша?

– Из его собственных слов я решила, что он простой житель леса.

– Ага, простой житель леса? Нет, этот лесной житель – преступник, разбойник! Наши люди рассказывают, что он набросился на них с криком «За Холмы!» Вы слышали о Джеке с Холмов?

– Нет, никогда.

– Он король среди своих друзей, и они опасные воины. Боюсь, если юноша окажется одним из них, то уже завтра для него будет воздвигнута виселица, каким бы пригожим и отважным он ни был.

Голдилинд побледнела, губы её задрожали. Девушка встала и, упав на колени перед графом, зарыдала:

– О, милорд, милости, милости я прошу у Вас! Помилуйте этого несчастного юношу, который был так добр ко мне!

Граф поднял её на ноги и, улыбаясь, произнёс:

– Встаньте, миледи, зачем Вы падаете передо мной ниц? Вы не должны так делать. Что же до лесного жителя, так это Ваша привилегия миловать его, а не моя, и так как он, к счастью, ещё не повешен, Ваши слова спасли его шею.

Голдилинд села обратно в кресло, но всё ещё казалась бледной и напуганной. Граф же продолжал добрым голосом:

– Я не оставлю без внимания всё, о чём мы говорили, миледи, и потому прошу сейчас Вашего позволения покинуть Вас. Завтра я вновь приду, чтобы держать совет. Сегодня же пребывайте в хорошем настроении, потому что Ваше настроение всегда должно быть хоро-

шим. Вы должны жить в радости, и если кто-то посмеет сказать Вам резкое слово – тем хуже для него.

С этими словами граф поднялся, поклонился Голдилинд и вышел. Девушка в это время сидела неподвижно, глядя прямо перед собой. Когда же за посетителем захлопнулась дверь, она закрыла лицо руками и зарыдала, сама не понимая, отчего. Вместе с болью она почувствовала, что тело её расслабляется, а сердце переполняют надежда и любовь, хотя она так и не назвала эти чувства верными именами.

Глава XIX
Граф джеффри говорит с кристофером

Надо сказать, что граф уже многое успел узнать о Кристофере и совершенно не имел намерения вешать его, а собирался принять в свою охрану, чтобы Кристофер с честью послужил ему. Что же до слов о повешении, то сказал он их для того только, чтобы испытать Голдилинд. Услышав же её ответ и увидев выражение её лица, граф решил, что следует переговорить с Кристофером наедине, поэтому попросил оруженосца отвести его в комнату, где юноша содержался под стражей. И о многом размышлял граф по дороге туда.

Итак, оруженосец привёл его в ту самую комнату младшей гвардии, где ещё недавно ночевала Голдилинд. Эту комнату и вправду использовали как тюрьму. Граф отпустил оруженосца, вошёл внутрь и запер за собой дверь, оказавшись наедине с Кристофером. Молодой человек лежал лицом вверх на убогой кровати. Руки он заложил за голову, ноги согнул в коленях и напевал последние слова одной старой песни. Когда же юноша услышал стук двери, он сел и, повернувшись к вошедшему, спросил:

– Вы принесли новости? Если так, то скажите мне их побыстрее! Что меня ждёт: виселица или свобода?

– Парень, – строго обратился к нему граф, – ты знаешь, кто я?

– Нет, не знаю, – ответил Кристофер. – Судя по Вашим одеждам, Вы, должно быть, знатный господин, но меня это мало касается, ведь Вы не прикажете меня казнить за одно необдуманное слово.

Граф возразил:

– Я хозяин земель Лугодолья, и нет нужды говорить тебе о том, что твоя жизнь, как и твоя смерть, – в моих руках. Будешь ли ты отрицать, что ты – один из товарищей Джека?

– Не буду. Это правда.

– Что ж, в таком случае ты достаточно храбр, раз пришёл сюда и сам сказал, что ты разбойник. За это можно поплатиться жизнью. Теперь вот о чём: ты вчера отвёл владычицу Лугфорда в свой дом, и вы долго находились там наедине. От того, как ты поступил с ней, зависит, примешь ли ты самую злую смерть, либо награду. Что ты на это скажешь?

Кристофер вскочил и закричал:

– Милорд, кем бы я ни был, я не негодяй! Когда я увидел эту жемчужину из женщин, я и в самом деле полюбил её – кто бы смог устоять! – но полюбил я её так же, как люблю Матерь Бога нашего, ведь она словно сошла с алтарного изображения собора Святой Девы Марии. А если кто скажет обратное, я отобью у него охоту лгать. Я встречусь с ним один на один, и, думаю, этому человеку сильно не поздоровится!

Граф рассмеялся:

– Тогда я не выйду против тебя, ибо слишком дорожу своей шкурой. Мне кажется, что Благодатная Дева нашла бы в тебе горячего почитателя, сойди она на землю близ твоего жилища. Я доверяю твоим словам. Думаю, ты честно поступил с моей госпожой, а поэтому, парень, что ты скажешь на предложение стать одним из моих людей, носить мой герб и выполнять мою волю?

– Что ж, это лучше, чем быть повешенным.

– Тогда пусть так и будет! – вновь рассмеялся граф. – А ведь другие ответили бы лучше, но послушай, если ты принимаешь моё предложение, ты должен будешь остаться здесь, в замке Зелёной гавани, и, возможно, надолго. По крайней мере, на то время, пока здесь будет жить миледи.

Кристофер покраснел:

– Милорд, Вы добры и милосердны, и я приму Ваше предложение.

Граф же ответил ему так:

– Что ж, пусть тогда так и будет, а сейчас ты можешь выйти из этой комнаты свободным человеком, но подожди минутку.

Кристоферу не составляло труда подождать ещё немного и послушать графа, который пододвинул табурет, сел на него и, помолчав длительное время, сказал следующее:

– В один прекрасный день мы, может быть, устроим тебе свадьбу, и неплохую!

Кристофер засмеялся:

– Какая же дама пойдёт за меня? У меня и отца-то нет!

– Даже если сам повелитель Лугодолья будет твоим другом? А что ты скажешь, если твоей невестой станет королева Лугодолья?

– Я бы охотнее выбрал себе невесту сам, когда мне в постели понадобится женщина. Я не хочу никого принуждать и не буду просить других об этом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.